

Проф. Дм. М. Бельдґинъ.

Психологія

и ея методы.

Библиотека Систематическаго Знанія
Издательство „Вѣстника Знанія“
(В. В. Битнера).

Возпл. прил. къ №№ 7—8 „Вѣстника Знанія“. 1908 г.

ИЗЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦИИ «ВѢСТНИКА ЗНАНІЯ» МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ

Волшебный фонарь

«В. Зн.» усоверш. сист. с объектив., конденсат. лампою. Ц. для подпис. изданій «Вѣст. Зн.» 4 р., упаковка 50 к., перес. за 12 ф. в 1 поясъ—75 к., во 2—1 р. 35 к., в 3—1 р. 95 к., в Манчж. 2 р. 55 к. Для неподписчиков ц. фонаря без перес. 5 р. 50 к.

Продолжается подписка на слѣд. отдѣльным изданія «Вѣстника Знанія»:

12 кн.	Настольная иллюстрирован. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ	Цѣна в год с перес. 5 р.
--------	---	--

Для подписчик. «Вѣстника Знанія» 3 р. 50 к.
под общей редакціей **В. Битнера.**

В трех томах по 1024 стб.кажд., с рис., картами и пр.; отдѣлы ред. специалистами. Вых. с нач. ноября 1907 г. и законч. в концѣ окт. 1908 г. При подпис. на «Н. Энци.» вмѣстѣ с др. изданіями «В. Зн.» допуск. разсрочка. Ц. перв. вып.—1 р., кот. засч. в подписную сумму.

Подписка на роскошное изданіе серіи капитальных сочиненій для завершенія образованія въ отдѣльных областях знанія, под общим заглавіем:

Научная Библиотека

под общей редакціей **В. Битнера,**

состоящая из 6 отдѣловъ, каждый по 2 вып. в год; подп. цѣна

3 р., без пер. 2 р. 50к.	кажд. отд. в год (12 вып.)
--------------------------------	----------------------------------

В **Биологическом** отд. печ. соч. Каруса Штерне. «Мір, его прошлое, наст. и будущ.» Истор. разв. вселен. и ея обитателей в общенон. излож.

Историческій отд.: Проф. Шиллер «Всемир. исторія с древн. врем. до нач. XX ст.». **Общественный** отд.: Проф. Ван-дер Боргт. «Основы соціальной политики» и проф. Альбер «Политическіе мыслители XVIII и XIX» вв.

Философскій отд.: Проф. Браш. «Классики философіи. Громадныя иллюстр. истор. филос. с выдержками из подлин. сочин. философов.

Географическій отд.: Проф. Эккерт. «Экономич. физич. и политич. географія». С дополн. «Россія, полное описаніе», под ред. пр. Э. Ф. Лесгафта.

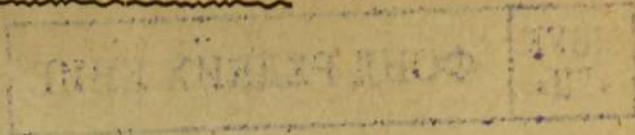
Этническій отд.: (Вопросы духа, вѣры и нравств.) нач. печатаніем двух соч.: «Исторія религіи с древн. времен. до наших дней», нов. изд. знамен. труда проф. Шантепи-де-ля-Сосей и «Половой вопрос» проф. Фореля.

Всѣ шесть отдѣлов, стоят в год (72 вып.) 18 р. с перес. или по 3 р. кажд. (12 вып.). Изданіе на прекрасн. бум. и роскошно иллюстр. множ. рис., отдѣльн. картин, таблиц, хромолит., карт и пр. Подписав. на **Биологич.** отд. позже ноября 1907 г. приплатив. сверх подп. цѣны 30 к.

Адрес для всѣх перечисленных изданій: С.-Петербург. Невскій пр., 147. Глав. конт. изд-ва «Вѣстника Знанія». Подробн. объявл., брошюра, устав. просвѣтит. союза «Вѣст. Зн.» и каталог—выс. безпл. в люб. колич. для распростр.

Ред. изд. **В. В. Битнеръ.**

Проф. Дж. М. Бельдуинъ.

Психологія

И ея методы.

Психологія генетическая, физиологическая, экспериментальная, педагогическая и социальная.

Переводъ съ англійскаго Л. Исакова и А. Пожежинскаго,

подъ редакціей В. В. Битнера.

Съ рисунками.

**ДАР
Д. С. ПОЛЕВОГО**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издательство „Вѣтникъ Знанія“

(В. В. БИТНЕРА).

Содержаніе.

- I. Наука о душѣ — психологія.
  - II. Что общаго имѣетъ, душа у всѣхъ насъ? — Интроспективная психологія.
  - III. Душа животнаго. — Сравнительная психологія.
  - IV. Душа ребенка. — Психологія дитяти.
  - V. Связь тѣла съ душою. — Физиологическая психологія. — Душевные болѣзни.
  - VI. Какъ производить опыты надъ душой. — Экспериментальная психологія.
  - VII. Внушеніе и гипнотизмъ.
  - VIII. Воспитаніе души. — Педагогическая психологія.
  - IX. Душа отдѣльнаго человѣка и общества. — Соціальная психологія.
  - X. Геній и окружающая среда.
-

Изданія „Вѣстника Знанія“ по психологіи и логикѣ вышедшія до 1908 года.

- Проф. *Эльзенгансъ*. Психологія и логика, ц. 40 к., 30, 25 *).
- Проф. *Иерусалемъ*. Руководство психологіи, ц. 100 к., 75, 70.
- Проф. *Лиаръ*. Курсъ логики, ц. 70 к., 53, 49.
- Проф. *Виндельбандъ*. — О свободѣ воли, ц. 70 к., 40, 30.
- Проф. *В. Вундтъ*. Психологія и естествознанія, ц. 75 к., 40, 30.
-

*) Первая цѣна номинальная, вторая — для подписчиковъ „Вѣстн. Зн.“ и для книжныхъ магазиновъ, третья — для кружковъ „Союза Вѣстн. Зн.“.

Проф. Бельдуинъ.

Психологія.

ГЛАВА I.

Наука о душѣ—психологія.

Психологія есть наука о душѣ. Ея цѣлью является изученіе всего, что касается сознанія, точно такъ же, какъ цѣлью другихъ наукъ является изученіе всего, что касается предметовъ, съ которыми онѣ имѣютъ дѣло; на примѣръ, цѣлью астрономіи является изученіе звѣздъ, геологіи — изученіе земли, цѣлью физиологіи — изученіе тѣла. Когда мы пробуемъ прослѣдить всю исторію души, какъ это сдѣлала психологія, мы обнаруживаемъ, что существуетъ нѣсколько общихъ истинъ, съ которыми мы прежде всего должны познакомиться,—истинъ, на открытіе которыхъ наука потратила много времени, но которыя теперь можно усвоить безъ особенно сложныхъ объясненій. Эти общія истины, собственно говоря, предшествуютъ самому изученію и вытекаютъ изъ необходимости первымъ дѣломъ точно опредѣлить предметъ, къ изученію котораго мы приступаемъ.

1. Первая изъ этихъ истинъ заключается въ томъ, что душа не является исключительнымъ достояніемъ человѣка. Другія созданія тоже имѣютъ душу. Психологія уже не ограничиваетъ себя, какъ раньше, исключительно человѣческой душой, отказывая животнымъ въ правѣ на мѣсто въ этой высшей изъ наукъ. Она не можетъ указать такихъ признаковъ или доказательствъ присутствія души, которыхъ нельзя было бы найти у животныхъ. Начать исторію души психологія должна теперь съ самыхъ элементарныхъ формъ проявленія жизни, ибо если мы зададимъ себѣ вопросъ: «Съ какой степени развитія души мы должны начать?» отвѣтъ является самъ собой: «Съ низшей, то есть съ отсутствія души». Всѣ животныя кромѣ того проявляютъ дѣйствія, съ которыми связано наше представленіе о душѣ, о разумѣ. Конечно, утвержденіе этихъ истинъ, какъ и утвержденіе всѣхъ законовъ природы, можетъ быть дано только научными изслѣдованіями. Правилomъ всякаго ученаго является слѣдующее: не дѣлать предположеній, если они не находятъ себѣ вѣскихъ подтвержденій въ фактахъ. Поэтому, мы и видимъ, что большой отдѣлъ психологіи посвященъ какъ-разъ этому вопросу, а именно, стремленію прослѣдить душу у животныхъ и у дѣтей и отмѣтить ступени того, что мы называемъ ея «эволюціей» въ восходящемъ ряду животной жизни, и ея «развитіемъ» при быстромъ ростѣ, который наблюдается у каждаго ребенка въ первые годы жизни.

Это изученіе даетъ намъ двѣ главы исторіи души, которыя вмѣстѣ носятъ названіе «Генетической или начальной психологіи». Генетическая

психологія распадается на двѣ части—«Животную или Сравнительную психологию» и «Психологию ребенка».

2. Другая общая истина, которую слѣдуетъ отмѣтить въ самомъ началѣ, заключается въ томъ, что мы можемъ получить реальные свѣдѣнія о душѣ. На первый взглядъ кажется бесполезнымъ даже поднимать вопросъ объ этомъ, такъ какъ, по мнѣнію очень многихъ, наша душа есть почти единственное, что не можетъ возбуждать сомнѣній въ своей реальности. Но эта увѣренность не то, чего ищетъ наука. Каждая наука требуетъ болѣе надежнаго и точнаго средства изслѣдованія или метода, чѣмъ простое утвержденіе толпы, средства, которое могло бы неограниченно примѣняться многими изслѣдователями, при различныхъ условіяхъ. Такое средство даетъ высокую степень правильности и возможность контроля полученныхъ однажды результатовъ.

Химикъ имѣетъ свои кислоты, реактивы, реторты и т. д.; они представляютъ собою его орудія, и, употребляя ихъ согласно нѣкоторымъ постояннымъ правиламъ, онъ дѣйствуетъ по цѣлесообразному методу. Точно такъ и физиологъ имѣетъ свои микроскопы, красящія жидкости, средства возбужденія тканей тѣла и т. д. Ученый физикъ примѣняетъ свои оптическія стекла, перепонки, электрическія батареи и рентгеновскіе аппараты. Подобнымъ образомъ необходимо, чтобъ и психологъ имѣлъ свой опредѣленный методъ изученія души, который онъ могъ бы изложить передъ вѣмъ угодно и сказать: «Вотъ вы видите результаты, къ которымъ я пришелъ; вы можете сами получить ихъ, если будете слѣдовать моему методу».

Въ исполненіе этого требованія психологъ примѣняетъ два метода изслѣдованія. Онъ можетъ вести изученіе души по двумъ путямъ, изъ которыхъ каждый настолько общедоступенъ, что любой человѣкъ, имѣющій достаточную подготовку, чтобы дѣлать вообще какія нибудь научныя наблюденія, можетъ слѣдовать ему и подтвердить результаты. Одинъ изъ нихъ называется «интроспективнымъ методомъ изученія» или «самонаблюденіемъ». Онъ состоитъ въ томъ, что человѣкъ наблюдаетъ свою собственную душу, отмѣчаетъ всѣ происходящія въ ней явленія, какъ, напримѣръ, душевныя движенія (чувства, волненія), воспоминанія, ассоціаціи случаевъ, имѣвшихъ мѣсто въ его прошломъ, и описываетъ все это. Другіе люди могутъ повторить наблюденія надъ самими собою и убѣдиться, что наблюденія перваго были сдѣланы вѣрно. Въ результатѣ такого самонаблюденія получается нѣкоторое количество свѣдѣній, которыя, будучи изложены въ стройномъ порядкѣ, даютъ «Интроспективную психологию», составляющую одинъ отдѣлъ науки о душѣ.

Затѣмъ второй методъ изученія состоитъ въ томъ, чтобы изучать чужую душу. Мы можемъ дѣлать опыты надъ чужой душой различными способами: такъ, мы можемъ дѣйствовать на нашихъ друзей и окружающихъ, заставляя ихъ думать, чувствовать, соглашаться или отказываться отъ одного или другого и т. д., и наблюдать ихъ поступки. Разница въ ихъ поступкахъ покажетъ намъ разницу ощущеній, которыя мы произвели. Слѣдуя этому методу, психологъ беретъ человѣка, называемаго «субъектомъ» или «реагентомъ», въ свою лабораторію и проситъ его производить нѣкоторыя опредѣленные дѣйствія (напримѣръ, прикасаться къ электрической ручкѣ, дуть въ трубку, или нажимать кнопку звонка), когда онъ увидитъ, услышитъ или почувствуетъ опредѣленные явленія. Если опыты производить съ достаточнымъ вниманіемъ, то можно получить результаты, отмѣченные при помощи предварительно сдѣланныхъ для этого приспособленій. Этотъ второй методъ изученія даетъ результаты, составляющіе двѣ главы, «Экспериментальную (опытную)» и «Физиологическую психологию».

3. Третья истина, которую психологъ въ настоящее время признаетъ чрезвычайно плодотворной при изученіи души, заключается томъ, что душа сильно мѣняется у различныхъ индивидовъ (лицъ) и у различныхъ классовъ индивидовъ. Во-первыхъ, есть рѣзкая разница между здоровой и больной душой. Разница настолько велика, что приходится слѣдовать различнымъ методамъ дѣйствія съ людьми, обладающими больной душой, не только какъ съ отличающимися отъ здоровыхъ людей, для чего больные помѣщаются въ спеціальныя больницы, но и какъ съ различающимися между собою по роду своей болѣзни. Какъ различныя формы тѣлесныхъ недуговъ даютъ намъ свѣдѣнія объ организмѣ, о его крѣпости, формѣ, о его функціяхъ, недостаткахъ, наслѣдственности, взаимоотношеніи частей и т. д., такъ душевные недуги многому учатъ насъ о нормальной душѣ. Это даетъ новую сферу свѣдѣній, составляющихъ «Психологію ненормальнаго» или «Патологію духа».

Рѣзкія отличія души у разныхъ индивидовъ (отдѣльныхъ личностей) существуютъ и въ нормальной жизни; здоровые люди сильно разнятся одинъ отъ другого. Все, что обыкновенно понимаютъ подъ характеромъ и темпераментомъ, отличающимъ одно лицо отъ другого, свидѣтельствуетъ объ этой разницѣ. Но чтобы дѣйствительно знать все, что касается души, мы должны видѣть, въ чемъ заключаются эти измѣненія и попытаться найти объясненіе ихъ существованія. Это составляетъ предметъ еще одного отдѣла психологіи, а именно «Индивидуальной психологіи».

4. Въ связи съ этимъ психологу предъявляютъ требованіе, чтобы онъ указалъ учителю, какъ воспитывать душу, какъ обезпечить наиболѣе здоровое и продуктивное развитіе ея въ человѣкѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дать возможность разнообразнымъ индивидуальнымъ дарованіямъ каждаго отдѣльнаго лица развиться въ наиболѣе полной формѣ. Это есть «Педагогическая психологія» или «Психологія воспитанія».

5. Помимо этихъ крупныхъ задачъ психолога существуетъ еще одинъ отдѣлъ психологіи, который со временемъ долженъ сдѣлаться очень богатымъ, хотя до настоящаго времени еще не былъ глубоко разработанъ; этотъ отдѣлъ относится къ мѣсту занимаемому духомъ въ мірѣ. Если мы зададимся цѣлью узнать о всемъ въ мірѣ, что сдѣлано духомъ, — какая богатая повѣсть откроется съ самыхъ же первыхъ временъ исторіи! Духъ, разумъ создалъ все, что только было создано: онъ положилъ основаніе человѣческому обществу, создалъ литературу, науки, открылъ законы природы, примѣнилъ силы матеріальнаго міра, воплотилъ себя во всѣхъ памятникахъ, которые сохранились, какъ свидѣтельство о существованіи человѣка. Что могло бы намъ дать болѣе ясное представленіе о духѣ, чѣмъ простой подсчетъ того, что достигнуто его дѣятельностью? Этнографія терпѣливо собираетъ все, что было оставлено первобытнымъ человѣкомъ — посуду, оружіе, одежду, религіозные символы, архитектурныя попытки и т. д.; а антропология стремится отдѣлить общее и существенное отъ всего случайнаго или временнаго въ исторіи культуры и цивилизаціи. Эти науки дѣлаютъ успѣхи очень медленно и только изрѣдка открываютъ принципы, которые указываютъ психологу необходимые способы дѣйствія и развитія духа. Все это входитъ въ сферу «Расовой психологіи».

6. Наконецъ, самый новый отдѣлъ психологіи изучаетъ дѣятельность души въ тѣхъ случаяхъ, когда многія лица собираются вмѣстѣ и составляютъ толпу. Животныя собираются стадами, насѣкомыя — роями, большинство созданій живетъ группами; всѣ они обладаютъ стадными стремленіями, и человѣкъ не менѣе ихъ обществененъ по натурѣ. Отсюда являются стадная психологія, психологія толпы и др., которыя всѣ соеди-

няются подъ общимъ названіемъ «Общественной, или Соціальной психологіи». Этотъ отдѣлъ психологіи задаетъ себѣ вопросъ, какія новыя проявленія души обнаруживаются тогда, когда отдѣльные индивиды соединяются въ общемъ дѣйствіи?—или, обратно, когда они искусственно отдѣлены одинъ отъ другого?

Изъ всего этого мы теперь имѣемъ достаточно полное представленіе о томъ, что должна заключать въ себѣ повѣсть о душѣ, разсказанная цѣликомъ. Многіе люди проводятъ цѣлую жизнь за изученіемъ только одного или двухъ изъ этихъ крупныхъ вопросовъ. Но только тогда, когда всѣ выводы, полученные изъ изученія этого чудеснаго явленія — души — соединяются въ одно самостоятельное цѣлое, мы можемъ надѣяться узнать что такое душа. Мы должны представлять себѣ ее, какъ нѣчто растущее, развивающееся, обнаруживающее всѣ степени эволюціи при переходѣ отъ низшихъ животныхъ къ высшимъ и при быстромъ развитіи ребенка;— какъ нѣчто, обнаруживающее свою сущность въ каждой испытываемой нами перемѣнѣ нашей повседневной жизни, о которой мы разсказываемъ другъ другу или которую находимъ невозможнымъ выразить словами;— какъ нѣчто, могущее быть обнаруженнымъ въ лабораторіи и оставляющее слѣды на приборахъ изслѣдованія, которыми пользуется ученый;— какъ нѣчто, подверженное болѣзнямъ и требующее для ухода за собой всѣхъ средствъ больницы, исправительнаго учрежденія и тюрьмы, точно такъ же, какъ и той нѣжности, которая необходима для того, чтобы вырастить чувствительную къ огорченіямъ дѣвочку или пріобрѣсти любовь застѣнчивой дѣвушки;— нѣчто, обнаруживающееся въ развитіи человѣчества отъ грубыхъ приспособленій для добыванія огня, первыхъ организацій для самозащиты и первобытныхъ надписей въ видѣ рисунковъ—до новѣйшихъ открытій въ области электричества, до современныхъ сложныхъ формъ управленія и классическихъ произведеній словеснаго искусства;— и какъ нѣчто, обнаруживающее нѣкоторыя свои особенности въ звѣрекихъ актахъ, совершаемыхъ толпою, въ преступленіяхъ, совершаемыхъ сторонниками суда Линча, и въ дѣйствіяхъ коллективной гуманности человѣколюбивыхъ и религіозныхъ обществъ.

Было бы, конечно, невозможно въ предѣлахъ настоящей маленькой книжки дать хотя бы всѣ главные результаты, полученные въ такомъ большомъ числѣ отдѣловъ этой богатой и растущей науки. Я и не буду пытаться сдѣлать это, но постараюсь изъ различныхъ отдѣловъ выбрать нѣкоторые выдающіеся результаты и принципы. Среди нихъ читатель самъ найдетъ тѣ, которые могутъ сдѣлаться предметомъ его дальнѣйшаго и болѣе глубокаго изученія. Выборъ матеріала изъ такой богатой сокровищницы всецѣло зависѣлъ отъ моего личнаго сужденія, и потому возможно, что не всѣ читатели найдутъ выборъ цѣлесообразно сдѣланнымъ. Однако, всѣ главные отдѣлы, которые только что были кратко очерчены, будутъ разобраны въ предстоящихъ главахъ.

ГЛАВА II.

Что общаго имѣетъ душа у всѣхъ насъ. — Интроспективная психологія.

Изъ всѣхъ указанныхъ источниковъ, откуда психологъ можетъ почерпать свои данныя, интроспективная психологія—то есть описаніе того, что происходитъ въ нашей душѣ въ извѣстные промежутки времени,—является самымъ важнымъ. Это обстоитъ такъ вслѣдствіе двухъ крупныхъ причинъ, которыя отличаютъ психологію отъ всѣхъ другихъ наукъ. Первая заклю-

чается въ томъ, что интроспективный методъ есть единственный, слѣдуя которому мы можемъ изучать душу непосредственно и получать ея свойства въ полной чистотѣ. Каждый изъ насъ знаетъ самого себя лучше, чѣмъ кого-либо другого. Поэтому, указываемый методъ, при которомъ каждый имѣетъ дѣло, главнымъ образомъ, съ своимъ собственнымъ сознаниемъ, можетъ считаться болѣе надежнымъ, если избѣгать ошибокъ, чѣмъ всякій иной методъ, основанный на изученіи другихъ людей, — до той поры, конечно, пока дѣло идетъ о психологій отдѣльной личности, индивида. Вторая причина того, что этотъ методъ является наиболѣе важнымъ, вытекаетъ изъ того факта, что во всѣхъ другихъ отдѣлахъ психологій (и вмѣстѣ съ тѣмъ во всѣхъ другихъ наукахъ) намъ приходится въ концѣ концовъ прибѣгать къ интроспективному методу, т. е. самонаблюденію, чтобы провѣрить результаты, полученные другими способами. Для иллюстраціи приведемъ слѣдующее: естествоиспытатель, какъ, напримѣръ, ботаникъ, физикъ или электротехникъ, не можетъ наблюдать растенія или электрическую искру, не примѣняя въ дѣйствительности самонаблюденія по отношенію къ тому, что совершается передъ нимъ. Свѣтъ, отраженный отъ растенія, долженъ пройти въ его мозгъ и оставить нѣкоторое впечатлѣніе въ его сознаниі, и тогда онъ долженъ примѣнить самонаблюденіе, чтобы описать то, что видитъ. Астрономъ съ плохими глазами не можетъ хорошо наблюдать звѣзды и дѣлать открытія въ нихъ, такъ какъ его описанія явленій, которыя онъ видѣлъ, исходятъ изъ неясныхъ и неправильныхъ изображеній, получающихся вслѣдствіе недостатковъ его зрѣнія. Точно такъ же человекъ, склонный къ преувеличенію и не могущій вѣрно передавать то, что онъ запоминаетъ, не можетъ быть хорошимъ ботаникомъ, такъ какъ этотъ недостатокъ его самонаблюденія сдѣлаетъ его наблюденія надъ растеніями ненадежными.

На практикѣ интроспективный методъ былъ чрезвычайно важенъ, и развитіе психологій вплоть до послѣдняго времени было, главнымъ образомъ, обязано именно его примѣненію. Вслѣдствіе этого, теперь установлено уже много общихъ принциповъ дѣйствія сознанія и много законовъ умственного роста; они то должны раньше всего привлечь наше вниманіе, такъ какъ составляютъ остовъ всей постройки, и мы должны хорошо усвоить ихъ прежде, чѣмъ перейти къ отысканію приложеній, которыя эти законы имѣютъ въ другихъ отдѣлахъ излагаемой нами науки.

Главные выводы „интроспективной“ или, какъ ее чаще называютъ, „общей“, психологій могутъ быть соединены въ небольшое число основныхъ принциповъ, которые звучатъ болѣе или менѣе абстрактно (отвлеченно), но которые будутъ имѣть много конкретныхъ (реальныхъ) иллюстрацій въ послѣдующихъ главахъ.

Факты опыта, явленія, которыя мы находимъ происходящими въ нашей душѣ, естественно распадаются на опредѣленныя группы, легко различаемыя одна отъ другой. Первое различіе совпадаетъ съ обыкновенно признаваемой въ жизни разницей между „мнѣніемъ и поведеніемъ“ или между „знаніемъ и жизнью“. Съ одной стороны, душа разсматривается, какъ нѣчто воспринимающее, учащееся; съ другой стороны, какъ нѣчто дѣйствующее, желающее, дѣлающее то или другое. Второе различіе состоитъ въ контрастѣ между двумя только что упомянутыми душевными состояніями и третьимъ состояніемъ, „чувствованіемъ“. Мы часто говоримъ, что человекъ имѣетъ много знанія, но мало чувства, имѣетъ голову, но не имѣетъ сердца; или говоримъ, что человекъ знаетъ и чувствуетъ правду, но не живетъ по правдѣ.

I. Начиная съ воспріятій, отмѣтимъ прежде всего тѣ пути, по которымъ мы ихъ получаемъ: это — чувства; чувствъ большое число, не

только тѣ пять спеціальныхъ чувствъ, о которыхъ насъ учили въ дѣтствѣ. Кромѣ зрѣнія, слуха, вкуса, обонянія и осязанія мы имѣемъ нѣкоторыя очень опредѣленные другія чувства. Существуютъ мускульныя ощущенія, идущія отъ движенія членовъ нашего тѣла, органическія ощущенія отъ внутреннихъ жизненныхъ процессовъ, ощущенія теплоты и холода, которыя, безъ сомнѣнія, разнятся одно отъ другого, затѣмъ ощущенія боли, которыя вѣроятно имѣютъ свою особую физическую структуру, суставныя ощущенія, ощущенія давленія, равновѣсія тѣла, и цѣлый рядъ иныхъ, которыя, поскольку мы знаемъ, могутъ быть либо самостоятельными и отличными отъ другихъ ощущеній, либо получаться отъ комбинаціи этихъ послѣднихъ. Примѣромъ ихъ могутъ служить ощущенія руки, когда черезъ нее продувается электрической токъ.

Всѣ эти ощущенія даютъ сознанию матеріаль для работы; кромѣ этого матеріала душа въ первое время своей дѣятельности не получаетъ никакого другаго изъ какихъ-либо другихъ источниковъ. Всѣ наши знанія, мнѣнія и убѣжденія въ самомъ началѣ исключительно зависятъ отъ этого притока матеріала, доставляемаго нашими чувствами, хотя, какъ мы дальше увидимъ, отъ перваго воспріятія всей этой лавины ощущеній, постоянно идущихъ изъ внѣшняго міра, еще далеко до сознанія. Однако, это есть главная и существенная функція (дѣятельность) ощущенія: именно, доставлять матеріаль, съ которымъ разумъ работаетъ при своей дальнѣйшей дѣятельности.

Далѣе идетъ процессъ, при помощи котораго сознаніе удерживаетъ полученный матеріаль для дальнѣйшаго употребленія, процессъ за поминанія, или удерживанія въ памяти, и вмѣстѣ съ нимъ процессъ, при помощи котораго сознаніе комбинируетъ матеріаль въ различныя полезныя формы, создавая предметы или лица изъ полученнаго и удержаннаго въ памяти матеріала; второй процессъ называютъ ассоціаціей понятій, мышленіемъ, разсужденіемъ и т. д.

Всѣ эти процессы раньше разсматривались, какъ отдѣльныя „способности“ души, и считались чѣмъ-то, указывающимъ на то, что душа совершаетъ различнаго рода работу. Такой взглядъ въ настоящее время совершенно оставленъ. Психологія смотритъ теперь на душевную дѣятельность гораздо проще. Она говоритъ такъ: душа дѣлаетъ только одинъ родъ работы; проявляя всѣ свои такъ называемыя „способности“, душа совершаетъ только эту единственную работу, но надъ различнымъ матеріаломъ, приходящимъ и проходящимъ черезъ нее. Эта единственная работа состоитъ въ такомъ комбинированіи или совмѣстномъ удерживаніи элементовъ, первоначально приходящихъ въ видѣ ощущеній, что сознаніе можетъ потомъ сразу дѣйствовать на группу ихъ, какъ если бы они составляли одно цѣлое и представляли только одинъ внѣшній предметъ. Попробуемъ изобразить на примѣрѣ этотъ единственный и замѣчательный процессъ, какъ онъ совершается въ сознаніи.

Мы можемъ задать себѣ вопросъ, какъ дитя воспринимаетъ апельсинъ, лежащій на столѣ передъ нимъ. Нельзя на это отвѣтить, что апельсинъ проникаетъ въ сознаніе ребенка черезъ какое-нибудь изъ его чувствъ. При помощи зрѣнія онъ узнаетъ только цвѣтъ и форму апельсина, при помощи обонянія—только его запахъ, при помощи вкуса онъ узнаетъ, что апельсинъ вкусенъ, осязаніемъ онъ обнаруживаетъ форму его поверхности и т. п.

Далѣе, ни одно изъ этихъ чувствъ не даетъ ему представленія объ «индивидуальности» апельсина, или объ отличіи его отъ другихъ предметовъ, производящихъ тѣ же или сходныя ощущенія, напримѣръ, отъ яблока.

Легко видѣть, что послѣ того, какъ всѣ чувства передали сознанию ощущенія, необходимо еще нѣчто: нужно скомбинировать ихъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ и въ одно и то же время найти подходящее опредѣленіе или названіе и съ нимъ нѣкоторое соотношеніе или различіе между данной группой ощущеній и ощущеніями отъ яблока. Только тогда мы можемъ сказать, что знаніе „вотъ апельсинъ“ достигнуто.

Единственный и типичный родъ работы души, который признаетъ психологія, состоитъ именно въ этомъ соединеніи впечатлѣній или группъ впечатлѣній во все большія и болѣе плодотворныя сочетанія. Это называется воспріятіемъ. Мы говоримъ, что сознаніе «воспринимаетъ» апельсинъ, когда оно въ состояніи получить сразу всѣ отдѣльныя ощущенія вмѣстѣ, какъ опредѣляющія одинъ предметъ. Различными обстоятельствами, при которыхъ сознаніе производитъ свою единственную работу, объясняются тѣ различныя названія, которыми болѣе ранняя психологія обозначала различныя «способности».

Однако, эти названія все-таки удобны, и поэтому, чтобы сдѣлать разсматриваемый вопросъ болѣе яснымъ и дать читателю понятіе о значеніи этихъ терминовъ, мы объяснимъ, какъ они всѣ относятся къ одному и тому же единственному роду умственной работы.

Примѣръ съ апельсиномъ иллюстрируетъ то, что мы обыкновенно называемъ впечатлѣніемъ. Это тотъ случай, въ результатѣ котораго является знаніе или понятіе о дѣйствительномъ предметѣ внѣшняго міра. Когда же этотъ процессъ происходитъ послѣ того, какъ предметъ былъ убранъ, мы имѣемъ дѣло съ памятью. Когда онъ происходитъ безъ контролированія его соотношеніемъ съ такимъ внѣшнимъ предметомъ (обыкновенно онъ нѣсколько фантастиченъ, какъ во снѣ или въ мечтахъ, но часто бываетъ очень полезенъ, такъ какъ можетъ приводить къ предчувствованію того, что есть дѣйствительно во внѣшнемъ мірѣ), тогда мы имѣемъ дѣло съ воображеніемъ. Если же процессъ дѣйствительно неправиленъ, но ему вѣрятъ, мы его называемъ иллюзіей, или галлюцинаціей.

Когда въ этомъ процессѣ употребляются просто символы, какъ, на примѣръ, слова, жесты, письмена и др., которые ставятся для обозначенія цѣлыхъ группъ предметовъ, это будетъ мышленіе или разсужденіе. Такимъ образомъ, мы можемъ сказать, что то, къ чему душа приходитъ путемъ своей единственной важной работы, независимо отъ принимаемой этою работою формы, есть понятіе или знаніе (исключая тѣхъ случаевъ, когда выводы несогласны съ дѣйствительностью).

Какъ видимъ, опредѣленія и «способности» старой психологіи могутъ быть оставлены и при современномъ пониманіи «воспріятія» безъ необходимости думать, что душа производитъ больше чѣмъ одного рода работу. Она просто группируетъ и комбинируетъ свой матеріалъ различными способами и во все высшія и высшія степени сложности.

Итакъ, воспріятіе есть одинъ принципъ духовной дѣятельности со стороны пріема и распредѣленія матеріаловъ опыта.

Есть еще другой терминъ, очень употребительный въ психологіи, которымъ иногда опредѣляется тотъ же самый процессъ: это—выраженіе «ассоціація идей». Этимъ указывается на тотъ фактъ, что когда двѣ вещи были восприняты или прошли въ умѣ одновременно, онѣ имѣютъ стремленіе въ послѣдствіи приходитъ въ сознаніе одновременно; или если была воспринята вещь, напоминающая другую или находящаяся съ нею въ рѣзкомъ контрастѣ, то онѣ также стремятся вызывать представленіе одна о другой.

Ясно, конечно, что указанное выраженіе примѣняется къ простымъ мыслямъ, ощущеніямъ или другимъ душевнымъ элементамъ, имѣющимъ

между собою соотношеніе или связь. Мы говоримъ о нихъ, что они «ассоцірованы» (связаны) одинъ съ другимъ.

Этотъ способъ — говорить о душевныхъ матеріалахъ вмѣсто того, чтобы говорить о дѣятельности души, очень удобенъ, и мы имѣемъ полное основаніе дѣлать это, такъ какъ не впадаемъ въ противорѣчіе, если говоримъ, что мысли и впечатлѣнія, которыя душа „воспринимаетъ“, остаются „ассоцірованными“, связанными между собою. Изъ этого объясненія видно, что ассоціація идей тоже подходитъ подъ умственный процессъ воспріятія, о которомъ мы до сихъ поръ говорили.

Есть еще другая особенность души въ обработкѣ получаемого ею матеріала, особенность, показываемая намъ работой, съ которой мы уже познакомились, во время дѣйствія. Когда намъ приходится разсматривать какой-нибудь отдѣльный случай воспріятія или ассоціаціи, мы видимъ, что процессъ начинается обязательно съ того уровня, котораго уже достигли пріобрѣтенія души. Прохожденіе умственныхъ состояній можетъ быть сравнено съ потокомъ, который идетъ съ минуты на минуту безъ перерыва. Оно такъ непрерывно, что мы никогда не можемъ сказать: «Я начну сызнова, забуду прошлое и буду находиться подъ вліяніемъ только текущаго». Какъ бы мы ни желали, мы никогда не можемъ этого сдѣлать, такъ какъ набѣгающій потокъ, о которомъ мы говорили, представляетъ собою насъ самихъ, и мы не можемъ избѣжать перенесенія въ настоящее всѣхъ нашихъ воспоминаній, воображеній, ожиданій, разочарованій и т. д. Такъ, дѣйствіе, которое долженъ произвести на насъ случай или опытъ, встрѣтившійся впервые, зависитъ отъ того пути, которымъ онъ проникаетъ въ потокъ этихъ набѣгающихъ вліяній. Человѣкъ, котораго я встрѣтилъ впервые, можетъ быть для меня настолько безразличенъ, что я его даже не замѣчаю. Но пусть онъ вернется послѣ того, какъ я уже однажды замѣтилъ его, или пусть онъ походитъ на человѣка, котораго я знаю, или пусть дастъ мнѣ поводъ наблюдать его, бояться его, уважать или какъ-нибудь думать о немъ, и тогда онъ уже положительный дѣятель въ моемъ потокѣ. Онъ былъ захваченъ въ теченіе моей умственной жизни и отнынѣ уже составляетъ въ ней нѣчто.

Возьмемъ, на примѣръ, ребенка, который научился рисовать лицо человѣка съ двумя глазами, носомъ, ртомъ и ухомъ съ каждой стороны; если ему потомъ предложить нарисовать лицо человѣка въ профиль, онъ все-таки поставитъ два глаза и прикрѣпитъ по уху съ каждой стороны. Направленіе умственной привычки сказывается на новыхъ результатахъ, и онъ не можетъ избѣжать этого.

Онъ поставитъ два глаза и два уха и тогда, когда передъ нимъ будетъ находиться рисунокъ съ однимъ ухомъ и безъ глазъ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ говорятъ, что новое ассимилируется со старымъ, уподобляется ему. Привычное лицо человѣка въ памяти ребенка ассимилируетъ матеріалъ новаго рисунка, положеннаго передъ нимъ.

Эта особенность всеобща. Душа должна ассимилировать свой новый матеріалъ какъ можно полнѣе, ставя такимъ образомъ старое на мѣсто новаго. Иначе нельзя было бы удерживать отрывочныхъ мелочей, которыя намъ приходилось бы запоминать и обращаться съ ними. Далѣе, именно благодаря этой способности мы приходимъ къ образованію большихъ классовъ предметовъ, какъ, на примѣръ, человѣкъ, животное, добродѣтель, въ которые мы вмѣщаемъ большое количество сходныхъ мелочей и которые называемъ общимъ понятіемъ или просто понятіемъ.

Такимъ образомъ, мы можемъ понимать ассимиляцію, какъ общее стремленіе перерабатывать результаты новыхъ опытовъ такимъ же способомъ, какимъ уже усваивался передъ тѣмъ полученный нами сходный

матеріаль; въ результатѣ этого стремленія разумъ переходитъ отъ частныхъ случаевъ къ общимъ классамъ.

Суммируя то, до чего мы дошли до сихъ поръ, мы находимъ, что общая психологія пришла къ тремъ важнымъ принципамъ въ изслѣдованіи знанія. Во-первыхъ, мы имѣемъ комбинирующее стремленіе души, группирующее и находящее соотношеніе между умственными состояніями и между предметами; оно называется *воспріятіемъ*. Во-вторыхъ, особія соотношенія, устанавливаемыя между различными комбинируемыми состояніями; ихъ мы называемъ ассоціаціей идей. И въ-третьихъ, стремленіе души примѣнять свой старый опытъ и привычки, какъ формы и рамки для приѣма и распредѣленія всѣхъ новыхъ мелочей повседневной жизни; это называется *ассимиляціей*.

II. Обратимся теперь ко второй большой группѣ явленій, происходящихъ въ нашей душѣ. Эта группа, также разсматриваемая общей или интроспективной психологіей, проявляется въ дѣйствіи или поведеніи. Тотъ фактъ, что мы дѣйствуемъ, такъ же важенъ, конечно, какъ фактъ нашего мышленія или нашего чувствованія, и между мыслью и поступкомъ нельзя провести очень глубокаго различія.

Однако, разница существуетъ. Чтобы понять дѣйствіе, намъ придется вернуться къ интроспекціи, или самонаблюденію. Это становится сразу яснымъ, какъ только мы задаемъ себѣ вопросъ, какимъ образомъ мы получаемъ представленіе о дѣйствіяхъ окружающихъ насъ людей. Конечно, мы можемъ не задумываясь отвѣтить, что мы ихъ видимъ. И это будетъ правильно; мы въ самомъ дѣлѣ видимъ ихъ дѣйствія, а что касается ихъ мыслей, то мы ихъ только выводимъ изъ тѣхъ поступковъ, которые видимъ. Но, съ другой стороны, мы можемъ задать другой вопросъ: какимъ образомъ мы выводимъ то или иное заключеніе, видя тотъ или иной поступокъ окружающихъ? Единственнымъ отвѣтомъ на это будетъ слѣдующій: нашъ выводъ соответствуетъ тому, что чувствовали бы мы сами, совершая тотъ же поступокъ. Такъ, мы въ каждомъ случаѣ приходимъ назадъ къ нашему собственному сознанію и должны задавать себѣ вопросъ, какимъ образомъ наше данное дѣйствіе связано съ извѣстной мыслью, возникающей въ нашей душѣ.

На этотъ вопросъ психологія въ настоящее время даетъ общій отвѣтъ: нашъ поступокъ всегда является результатомъ нашей мысли, того запаса знаній, которымъ въ данное время обладаетъ наша душа. Есть, конечно, дѣйствія, которыя мы совершаемъ по чисто нервнымъ причинамъ. Это—инстинктивныя дѣйствія, съ которыми мы будемъ считаться, когда будемъ разсматривать животныхъ. Ими мы можемъ пренебрегать до той поры, пока изучаемъ только дѣйствія, совершаемыя нами произвольно, то есть зависящія отъ нашего сознанія. Оставляя въ сторонѣ инстинкты, психологія даетъ общій принципъ, что съ каждымъ совершаемымъ нами поступкомъ должна быть связана мысль о чемъ-то, ощущеніе или представленіе въ душѣ, нѣкоторое возникшее въ насъ чувство, ускоряющее дѣйствіе.

Этотъ общій принципъ—движущее внушеніе. Оно просто означаетъ, что мы не можемъ имѣть какой-либо мысли или ощущенія, независимо отъ того, приходитъ ли оно отъ нашихъ чувствъ, памяти, или отъ словъ, поведенія или приказанія другихъ, которое не имѣло бы прямого воздѣйствія на наше поведеніе. Мы совершенно не можемъ избѣжать вліянія нашихъ собственныхъ мыслей на наше поведеніе, и часто самыя обыкновенныя случаи нашей повседневной жизни служатъ внушеніемъ или побужденіемъ къ поступкамъ, имѣющимъ крупное значеніе для насъ самихъ и для другихъ. Напримѣръ, газетныя извѣщенія о совершаемыхъ

преступленіяхъ иногда являются побужденіемъ для нѣкоторыхъ людей къ совершенію подобныхъ же преступленій, вслѣдствіе этого закона внушенія: фактъ тотъ, что чтеніе извѣстій вызываетъ опредѣленныя мысли, и эти мысли стремятся побудить насъ къ соотвѣтствующему ряду внушенныхъ дѣйствій.

Наиболѣе интересной и изумительной сферой дѣйствія принципа внушенія (не только движущаго внушенія, но и другихъ родовъ его) является та, которая обыкновенно извѣстна подъ названіемъ гипнотизма. Къ ней и также къ дальнѣйшимъ иллюстраціямъ внушенія мы вернемся впоследствии.

Мы нѣсколько глубже можемъ проникнуть въ дѣйствіе закона движущаго внушенія, задавшись вопросомъ, какой родъ дѣйствій соотвѣтствуетъ въ различныхъ случаяхъ мысли и чувству при различныхъ видахъ душевной дѣятельности, разсмотрѣнныхъ въ отдѣлѣ воспріятія, именно при впечатлѣніи, воображеніи, разсужденіи и т. д.

Мы, конечно, постоянно воздѣйствуемъ на впечатлѣнія; большая часть нашей установившейся жизни состоитъ въ реагированіи (воздѣйствіи) на впечатлѣнія, получаемыя нами отъ окружающихъ предметовъ. Расположеніе предметовъ въ домѣ, на улицѣ, въ конторѣ, въ лавкѣ, такъ хорошо извѣстно, что мы выполняемъ рядъ дѣйствій по отношенію къ этимъ предметамъ безъ особаго контроля со стороны нашего сознанія. Здѣсь законъ движущаго внушенія дѣйствуетъ подъ управленіемъ впечатлѣнія, памяти и ассоціаціи идей. Затѣмъ, мы находимъ также въ нашихъ дѣйствіяхъ элементъ, обусловливаемый дѣятельностью воображенія. Мы восполняемъ всѣ пробѣлы въ мірѣ впечатлѣній, воображая подходящія соотношенія, и затѣмъ мы дѣйствуемъ такъ, какъ если бы мы знали, что эти продукты нашего воображенія являются дѣйствительностью. Это особенно вѣрно въ нашихъ сношеніяхъ съ ближними. Мы никогда въ дѣйствительности не знаемъ, что они будутъ дѣлать отъ времени до времени. Ихъ дѣйствіе предстоитъ въ будущемъ и еще не вполне достоверно; но, основываясь на нашемъ знакомствѣ съ ихъ характеромъ, мы предполагаемъ, то есть воображаемъ, то, что они думаютъ или чего они ожидаютъ, и тогда дѣйствуемъ такъ, чтобы сообразовать ихъ и наши поступки. Здѣсь мы имѣемъ внушеніе личнаго свойства, зависящее отъ нашего умѣнья, такъ сказать, построить характеръ другихъ и ведущее насъ къ отвѣтственнымъ дѣйствіямъ. Это есть сфера наиболѣе важныхъ дѣлъ нашей жизни, что мы увидимъ особенно ясно, когда разсмотримъ ея связь съ слѣдующимъ крупнымъ родомъ дѣйствія, обусловливаемого внушеніемъ.

Эта слѣдующая и высшая сфера дѣйствія есть дѣятельность, вызываемая общими или абстрактными (отвлеченными) мыслями, которыя мы имѣли возможность составить, благодаря воспринимающей работѣ сознанія. Въ этой сферѣ мы имѣемъ особое названіе для тѣхъ мыслей, которыя непосредственно вліяютъ на насъ и побуждаютъ насъ къ дѣйствіямъ: мы называемъ такія мысли мотивами или побужденіями. Мы имѣемъ также особое названіе для того рода дѣятельности, который пробуждается въ насъ ясно продуманными мотивами: это—воля. Но несмотря на эту выразительность, придаваемую нѣкоторымъ дѣйствіямъ, какъ возникающимъ изъ того, что мы называемъ волей, мы должны имѣть достаточно осмотрительности, чтобы не считать волю новой «способностью», прибавленной къ нашему разуму и отличной отъ тѣхъ способовъ дѣйствія, какими душа располагала прежде, чѣмъ явилась воля. Воля есть только названіе для воздѣйствія на поведеніе тѣхъ впечатлѣній, которыя настолько ясны въ нашемъ разумѣ, что мы въ состояніи обдумывать, взвѣшивать

ихъ, дѣйствовать только послѣ нѣкотораго размысленія и такимъ образомъ имѣть ощущеніе, что дѣйствіе явилось результатомъ нашего собственнаго выбора. Дѣйствительными же причинами дѣйствія и въ данномъ случаѣ являются мысли, какъ это было и въ предыдущихъ случаяхъ. Въ послѣднемъ случаѣ мы мысли называемъ мотивами; но мы зависимъ отъ этихъ мотивовъ, этихъ внушеній; мы не можемъ дѣйствовать безъ мотивовъ, и точно также мы не можемъ не дѣйствовать по тѣмъ или инымъ мотивамъ; въ предыдущихъ случаяхъ мы также не могли дѣйствовать безъ нѣкоторыхъ впечатлѣній, воображеній или воспоминаній и не могли не воздѣйствовать на впечатлѣнія или другія умственныя состоянія, въ которыхъ мы находились. Произвольное дѣйствіе или воля есть, поэтому, не что иное, какъ сложный и въ высокой степени сознательный случай общаго закона движущаго побужденія; это есть та форма, которую принимаетъ внушенное дѣйствіе. Когда воспріятіе находится въ своей высшей фазѣ.

Утвержденіе, обратное закону внушенія, тоже правильно: мы не можемъ произвести дѣйствія, не имѣя въ то же время въ сознаніи соотвѣтствующей мысли, воображенія или воспоминанія, которымъ должно было быть внушено дѣйствіе. Эта зависимость дѣйствія отъ мысли, проходящей въ то же время въ сознаніи, рѣшительно подтверждается на нѣкоторыхъ больныхъ, страдающихъ частичнымъ параличемъ. Эти больные находятъ, что они не могутъ двигать членами своего тѣла, когда ихъ глаза завязаны, и это происходитъ отъ того, что, не видя даннаго члена тѣла, они не могутъ сообразить, какое ощущеніе должно произвести у нихъ его движеніе; но откройте имъ глаза и дайте имъ возможность видѣть эту часть тѣла—они свободно будутъ двигать ею. Больной не можетъ говорить, когда извилина его мозга повреждена въ томъ мѣстѣ, которое служить при запоминаніи ощущенія или звука, производимаго словами при ихъ произношеніи. Многіе подобные примѣры приводятъ къ тому заключенію, что для каждаго нашего волевого (произвольнаго) дѣйствія мы должны имѣть нѣкоторый способъ мышленія объ этомъ дѣйствіи, способъ запоминанія того, какое ощущеніе оно производитъ, какъ оно выглядит и т. д.; мы должны имѣть въ сознаніи нѣчто эквивалентное (равносильное) явленію движенія. Это называется принципомъ кинестезическихъ эквивалентовъ,—названіе, которое перестаетъ звучать такъ грозно, когда мы вспомнимъ, что «кинестезическій» значитъ «имѣющій чувство движенія»; такимъ образомъ, этотъ принципъ выражаетъ ту истину, что въ каждомъ случаѣ мы должны имѣть въ сознаніи мысль или умственную картину того дѣйствія, которое мы желаемъ произвести; въ противномъ случаѣ, намъ не удастся произвести его.

То, что мы понимаемъ подъ «свободой» воли, не есть способность дѣлать что-нибудь, не думая объ этомъ, а способность думать сразу о всѣхъ альтернативахъ (видоизмѣненіяхъ) и воздѣйствовать на эту болѣе обширную мысль. Свободное дѣйствіе есть наиболѣе полное проявленіе мысли и того «я», у котораго эта мысль является.

Интересно наблюдать, какъ ребенокъ день за днемъ получаетъ свои эквиваленты. Онъ не можетъ произвести новаго дѣйствія при одномъ только желаніи сдѣлать это; въ его сознаніи недостаетъ эквивалентовъ, съ которыми онъ могъ бы оперировать. Но когда онъ постепенно выучивается дѣйствію, мало-по-малу улавливая правильныя движенія одно за другимъ (чаще всего благодаря подражанію, какъ мы позже увидимъ), онъ накапливаетъ необходимыя эквиваленты въ своей памяти, и потомъ ему необходимо только подумать, какое ощущеніе производитъ данное

движеніе или какъ оно выглядитъ, или какъ звучать слова, чтобы быть въ состояніи произвести это движеніе или произнести эти слова.

III. Самонаблюденіе находитъ еще одинъ большой классъ состояній, опять съ той же стороны воспріятій,—состояній, которыя превращаютъ наше сознаніе изъ простаго театра безразличныхъ перемѣнъ въ то жизненно интересное и задушевное нѣчто, которымъ для каждаго изъ насъ является наша умственная жизнь. Это—сфера чувствованій. Безъ большого труда мы можемъ видѣть, что когда мы получаемъ впечатлѣнія, мысли и ощущенія и воздѣйствуемъ на нихъ однимъ изъ указанныхъ способовъ, мы сами не остаемся безразличными зрителями этой игры, этого непрерывнаго теченія и смѣны процессовъ. Мы непосредственно втянуты въ процессъ; дѣйствительно, самое чувство своего «я» въ каждомъ сознаніи возникаетъ именно оттого, что эта постоянная смѣна представляетъ собою личный ростъ. Душа не есть просто машина, выполняющая то, что ей предписываютъ законы ея дѣйствія. Мы находимъ, что ничто изъ совершающагося вокругъ насъ не проходитъ безъ того, чтобы не повліять на нашу душу къ лучшему или худшему, не сдѣлать ее богаче или бѣднѣе, не доставить радости или горя; отъ этого возникаетъ рядъ состояній сознанія, соотвѣтственно тому, испытываемъ ли мы или ожидаемъ испытать нѣчто хорошее или дурное. Въ этомъ заключается значеніе чувствованія въ широкомъ смыслѣ; это есть ощущеніе души, что она сама нѣкоторымъ образомъ испытываетъ хорошее или дурное вліяніе на нее со стороны того, что въ ней происходитъ. Чувствованія стоятъ на полпути между мышленіемъ и дѣйствіемъ. Мы чувствуемъ по отношенію къ тому, что мы думаемъ, и дѣйствуемъ потому, что мы чувствуемъ. Всякое дѣйствіе управляется чувствованіемъ.

Въ чувствованіи обнаруживаются двѣ ясно опредѣленные черты: во-первыхъ, возбужденіе, принятіе положительнаго состоянія; во-вторыхъ, удовольствіе или огорченіе, которымъ оно сопровождается.

Здѣсь опять можетъ быть достаточно установить различія между степенями, которыя возникаютъ, когда мы переходимъ отъ высшаго къ низшему, отъ жизни ощущенія и впечатлѣнія къ жизни мысли. Таковъ былъ нашъ методъ въ разсмотрѣніи двухъ другихъ фазъ умственной жизни,—познанія, или воспріятія, и дѣйствія. Дѣлая то же самое и въ отношеніи чувствованія, мы находимъ различные термины, прилагаемые къ различнымъ состояніямъ чувствованія. Въ низшемъ состояніи умственной жизни, въ какомъ мы можемъ предположить беспомощное новорожденное дитя, или какое мы предполагаемъ въ нѣкоторыхъ низшихъ формахъ животной жизни, чувствованія суть не больше, какъ удовольствіе или боль, зависящая въ большой степени отъ тѣхъ физическихъ условій, въ какихъ находится жизнь. Возможно, что существуютъ и удовольствіе, и боль, которыя являются въ дѣйствительности ощущеніями съ своими особыми нервными аппаратами, и существуютъ также состоянія удобства и неудобства, или пріятныя и непріятныя чувствованія, обязанныя непосредственному вліянію на сознаніе. Эти послѣднія суть состоянія возбужденія, присоединяющіяся къ ощущеніямъ удовольствія и боли.

Переходя къ жизни памяти и воображенія, мы находимъ много крупныхъ классовъ эмоцій (волненій), опредѣляющихъ состоянія души по отношенію къ тому, что она испытываетъ. Эти эмоціи чрезвычайно богаты и разнообразны. Надежда смѣняется противоположнымъ ей отчаяніемъ, радость—печалью, сожалѣніе слѣдуетъ за ожиданіемъ. Никто не въ состояніи перечислить всѣ фазы эмоціальной жизни. Наибо-

лѣе рѣзкія различія, какъ, на примѣръ, между надеждой и боязнью, радостью и печалью, гнѣвомъ и любовью, имѣютъ свои особыя названія, и причины, ихъ вызывающія, настолько низменны, что имѣютъ даже опредѣленный способъ проявленія въ видѣ нѣкоторыхъ движеній тѣла, называемыхъ эмоціональными выраженіями. Благодаря этимъ выраженіямъ мы видимъ эмоціональныя состоянія окружающихъ и признаемъ ими.

Въ общемъ, мы можемъ сказать, что существуетъ постоянный приливъ и отливъ и постоянное теченіе, и что мы очень рѣдко достигаемъ состоянія относительной свободы отъ вліянія эмоцій.

Тѣлесныя выраженія эмоцій въ большой степени наслѣдственны и общи у человѣка и у животныхъ. Весьма вѣроятно, что они первоначально явились, какъ полезныя для животнаго положенія для защиты, бѣгства, схватыванія и т. д., и перешли къ человѣку какъ пережитки, сдѣлавшись признаками его душевныхъ состояній.

Наконецъ, высшей формой жизни чувствованій является то, что мы называемъ чувствомъ. Чувство возникаетъ въ отвѣтъ на, такъ называемыя, идеальныя состоянія мысли. Направленіе умственнаго роста къ постоянно возрастающей соразмѣрности въ знаніяхъ приводитъ душу къ предчувствованію тѣхъ состояній, когда ея познанія достигнутъ совершенства. Есть нѣкоторые роды реальности, совершенство которыхъ, созданное воображеніемъ, возбуждаетъ въ насъ эмоціональныя состоянія наивысшей силы и значенія. Мысль о Богѣ даетъ возникновеніе религіозному чувству, о добрѣ—этическому, или моральному чувству, мысль о прекрасномъ—эстетическому чувству. Эти чувства представляютъ наиболѣе утонченныя и благородныя плоды жизни чувствованій, такъ какъ мысли, сопровождающіяся ими, относятся къ наиболѣе возвышеннымъ, идеальнымъ объектамъ. Поэтому вѣрно, что то поведеніе, которое совершается подъ внушеніемъ чувства, является наиболѣе благороднымъ и наиболѣе полезнымъ поведеніемъ человѣка.

ГЛАВА III.

Душа животнаго.—Сравнительная психологія.

Выше уже было указано, что животное обладаетъ очень большой долей того, что мы называемъ душой. Это было признано только очень недавно. Раньше, слѣдуя ученію дуалистической философіи и повинуваясь честолюбивому стремленію считать себя вѣнцомъ творенія, животное признавали за бездушную машину, простой автоматъ, приводимый въ движеніе дѣйствіемъ нѣкоторыхъ пружинъ. Такой взглядъ былъ оставленъ по двумъ причинамъ, изъ которыхъ каждой было достаточно для того, чтобы произвести переворотъ во взглядахъ и дать начало психологіи животнаго.

Первой причиной явилась теорія эволюціи (развитія), установившая тотъ фактъ, что нѣтъ какой-либо рѣзкой пропасти между человѣкомъ и высшими животными въ отношеніи духовныхъ дарованій, и что та разница, которая между ними существуетъ, является только результатомъ законовъ духовнаго роста; вторая причина заключалась въ томъ, что по мѣрѣ развитія наукъ само собой стало очевиднымъ, что самъ человѣкъ является машиной въ гораздо большей степени, чѣмъ это когда-либо предполагалось. Человѣкъ растетъ по извѣстнымъ законамъ; его развитіе находится въ тѣсной зависимости отъ тѣхъ условій, физическихъ и общественныхъ,

въ которыхъ онъ живетъ; его душа является частью естественной системы вещей. То же самое можно сказать и о животномъ. Оно выполняетъ, поскольку возможно, тотъ же рядъ функций; оно живетъ въ своихъ особыхъ физическихъ и общественныхъ условіяхъ, работаетъ при тѣхъ же условіяхъ роста, какимъ подчиняется человѣкъ; его душа обнаруживаетъ тѣ же, по существу, явленія, какія наблюдаются въ человѣческой душѣ на раннихъ ступеняхъ ея развитія, напр., у ребенка. Все это показываетъ, что животное обладаетъ такими же правами на признаніе его существомъ, одареннымъ сознаниемъ, какими обладаетъ, на примѣръ, ребенокъ; если мы исключаемъ присутствіе души у животного, мы должны исключить его и у ребенка. Далѣе, это также показываетъ (что еще важнѣе для науки психологій), что развитіе души на его раннихъ ступеняхъ и въ нѣкоторыхъ особыхъ направленіяхъ особенно хорошо обнаруживается у животныхъ.

Инстинктъ животныхъ. Когда мы обращаемся къ животнымъ, то первымъ, что насъ поражаетъ въ нихъ, является замѣчательный рядъ, такъ называемыхъ, животныхъ инстинктовъ. Каждый изъ насъ имѣетъ представленіе о томъ, что такое животные инстинкты; достаточно только пойти въ зоологическій садъ, чтобы увидѣть ихъ проявленіе въ большихъ размѣрахъ. Возьмемъ домашнюю кошку и прослѣдимъ ея жизнь въ теченіе дня, наблюдая за всѣми ея дѣйствіями. По утрамъ она „умываетъ“ свою мордочку и совершаетъ свой туалетъ въ силу инстинкта. Инстинктивнымъ образомъ ловитъ она мышь на завтракъ. Она возбуждаетъ свой аппетитъ, оттягивая чуть ли не на цѣлый часъ время ѣды, и въ этотъ промежутокъ жестоко играетъ съ своей жертвой, десятки разъ выпуская и снова ловя ее. Если у нея есть котята, она съ величайшей тщательностью обучаетъ ихъ кошачьему этикету и обычаямъ, все въ силу инстинкта; котята инстинктивно же отвѣчаютъ на ея вниманіе. Въ теченіе дня она ведетъ чрезвычайно опрятный образъ жизни, дѣлая приспособленія, которыя съ удивленіемъ наблюдаетъ цивилизованный человѣкъ. Она проявляетъ отвращеніе къ водѣ какъ разъ въ той степени, въ какой должно его проявлять созданіе, не умѣющее плавать. Она хорошо знаетъ, отъ какихъ враговъ слѣдуетъ бѣжать и какимъ можно дать отпоръ, примѣняя съ необычайной ловкостью свои внушительные когти. Она предпочитаетъ ночныя экскурсіи и походы, такъ какъ обладаетъ такимъ зрѣніемъ, которое дѣлаетъ ночную тьму безопасной для нея. Она имѣетъ особые звуковыя выраженія для своихъ эмоцій, которыя человѣкъ напрасно старается искоренить всѣми средствами домашней цивилизаціи. Она обладаетъ особымъ искусствомъ привлекать кота, который въ свою очередь умѣетъ очаровать ее своими пѣснями, не чарующими никого, кромѣ нея. И такъ далѣе, почти безъ конца.

Наблюдайте собаку, птицъ различныхъ родовъ, обезьянъ, зайцевъ, и вы найдете удивительное разнообразіе привычекъ, которыя различнымъ образомъ но съ одинаковымъ успѣхомъ приспособляютъ животныхъ къ тому роду жизни, который они должны вести. Замѣчательный инстинктъ муравьевъ и пчелъ общеизвѣстенъ. Эти насекомыя образуютъ колоніи, въ которыхъ нетрудно замѣтить полное проявленіе принциповъ соціальной организаціи: рабство, половое раздѣленіе, раздѣленіе труда, централизація средствъ, общественное распредѣленіе пищи, уголовныя наказанія и т. д.

Все это (уже не останавливаясь на подробностяхъ, которыя въ изобиліи можно найти въ книгахъ, описывающихъ жизнь животныхъ) давало матеріалъ для многовѣкового изученія, но только за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ очерки теоріи инстинкта пополнились существенными знаніями. Краткій обзоръ этой теоріи мы дадимъ теперь на послѣдующихъ страницахъ.

1. Въ основѣ инстинкта, вообще, лежитъ наслѣдственное нервное стремленіе произвести тотъ родъ дѣйствія, которымъ характеризуется инстинктъ. Это нервное стремленіе обнаруживается независимо отъ сознанія индивида въ очень многихъ случаяхъ, напримѣръ, въ инстинктѣ сосанія у молодыхъ животныхъ, клеванія—у птенцовъ, въ кочеваніи взрослыхъ млекопитающихъ и птицъ, въ инстинктѣ «ухаживанія» у многихъ родовъ животныхъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ «совершеннымъ» инстинктомъ.

Чтобы быть «совершеннымъ», инстинктъ долженъ успѣшно проявляться у животного, когда его организмъ созрѣлъ, безъ всякаго обученія, безъ примѣра, которому можно было бы подражать. «Совершенные» инстинкты бывають только врожденными; нервный аппаратъ долженъ только достигнуть извѣстной степени зрѣлости или роста, и тогда инстинктивное дѣйствіе проявится само собой, какъ только внѣшнія условія жизни сдѣлають это дѣйствіе своевременнымъ и полезнымъ.

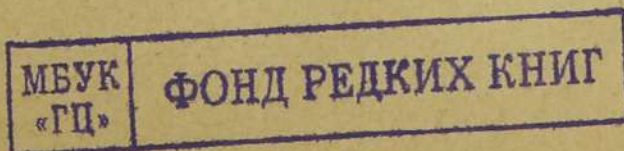
2. Съ другой стороны, многіе инстинкты (наибольшее число ихъ, въ дѣйствительности) не совершенны. Несовершенными являются тѣ инстинкты, которые не приспособляють животное вполне для опредѣленныхъ дѣйствій, но только отчасти направляютъ его къ цѣли.

Оно имѣетъ самопроизвольное стремленіе дѣлать нѣкоторыя вещи, напримѣръ, строить гнѣздо, пѣть и т. д.; но оно не способно дѣлать это хорошо или даже совсѣмъ неспособно дѣлать это, если оно отъ рожденія было предоставлено самому себѣ. Это природное надѣленіе несовершенными инстинктами явилось полемъ наиболѣе интересныхъ изслѣдованій по психологіи животного и привело къ новому виду соотношенія между инстинктомъ и сознаніемъ.

3. Было найдено, что многія молодыя животныя и птицы нуждаются въ примѣрѣ и обученіи взрослыхъ для первоначальнаго выполненія многихъ такихъ дѣйствій, которыя кажутся инстинктивными. Подобное явленіе можно наблюдать и въ такихъ случаяхъ, когда на самомъ дѣлѣ существуетъ врожденное стремленіе производить данное дѣйствіе. Многія птицы, напримѣръ, имѣють общій инстинктъ строить гнѣздо; но во многихъ случаяхъ, будучи поставлены въ искусственныя условія, они сдѣлають это хуже, чѣмъ при нормальныхъ условіяхъ. Птицы имѣють также инстинктъ производить звуковыя сочетанія; но если отъ рожденія держать птицу въ такихъ условіяхъ, чтобы она не слышала звуковъ, производимыхъ птицами той породы, къ которой она принадлежитъ, то она будетъ издавать совсѣмъ несвойственные ей звуки или научится подражать звукамъ тѣхъ породъ, среди которыхъ она росла.

4. Главнымъ средствомъ обученія и пополненія того, чего не достаетъ въ инстинктахъ, у животныхъ является подражаніе. То обстоятельство, что молодое животное видитъ нѣкоторыя движенія старшихъ или слышитъ издаваемые ими крики, ведетъ его къ подражанію этимъ движеніямъ и звукамъ. Врожденная наклонность къ воспроизведенію движеній или звуковъ, свойственныхъ его породѣ, конечно, помогаетъ ему легче производить именно эти дѣйствія, а не какія-либо другія. Такимъ образомъ, врожденныя наклонности и стремленіе подражать—непосредственно помогаютъ другъ другу и ускоряють приобрѣтеніе маленькимъ созданіемъ привычекъ его породы.

5. Есть всѣ основанія думать, что самое стремленіе подражать является инстинктивнымъ. Молодыя животныя и, въ особенности, обезьяны и дѣти, самопроизвольно начинаютъ подражаніе, когда они достигнутъ извѣстнаго возраста. Подражаніе является инстинктивнымъ у птицы—пересмѣшника, у попугая и т. д.

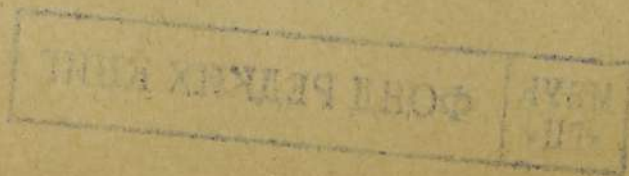
Болѣ того, самый механизмъ этого дѣйствія подражанія въ настоящее время уже очень хорошо извѣстенъ. Принципъ психологій, заключающійся въ выраженіи кинестезическихъ эквивалентовъ, указываетъ намъ на то, что представленіе о движеніи, получившееся въ сознаниі черезъ посредство зрѣнія или какого-либо другого чувства, побуждаетъ извѣстный аппаратъ произвести то же движеніе и у наблюдателя. Подтверженіе этому мы можемъ видѣть въ обычномъ стремленіи слушателей повторять жесты оратора и во многихъ подобныхъ случаяхъ. Если этотъ принципъ обобщить такъ, чтобы онъ обнималъ все роды ощущеній, а не только движенія, то мы получимъ то, что называется вообще подражаніемъ. Далѣе, каждый разъ, когда ребенокъ подражаетъ дѣйствию, онъ воспринимаетъ свое собственное подражаніе, и это служитъ примѣромъ или образцомъ для дальнѣйшаго повторенія дѣйствія. Такой способъ накопленія даетъ молодому животному или ребенку постоянную практику и дѣлаетъ его все болѣе и болѣе приспособленнымъ къ дѣйствіямъ, необходимымъ въ его жизни.

6. Сама собой очевидна польза такого устройства, при которомъ одинъ общій инстинктъ, какъ подражаніе, замѣняетъ массу специальныхъ инстинктовъ или дополняетъ ихъ. Оно даетъ нѣкоторую степень пластичности животному, которое благодаря этому можетъ соответственнымъ образомъ воздѣйствовать на измѣненія условій его жизни. Специальные инстинкты, наоборотъ, настолько твердо установлены, что они заставляютъ животное дѣйствовать только по одному опредѣленному способу въ отвѣтъ на то или иное обстоятельство; но какъ только инстинктъ принимаетъ форму подражанія, получающіяся въ результатѣ дѣйствія стремятся уподобиться тѣмъ образцамъ, которые представляютъ для животного дѣйствія другихъ существъ.

Эти болѣе или менѣе новые успѣхи, достигнутые недавнимъ изслѣдованіемъ въ области инстинкта, имѣли прямое вліяніе на теоріи происхожденія инстинкта и его мѣста въ жизни животныхъ.

Теорія инстинкта. По старымъ воззрѣніямъ, животный инстинктъ являлся просто чѣмъ-то однажды созданнымъ, при чемъ каждое животное было разъ навсегда создано „по своему образу“; соответственно съ этимъ на вопросъ почему инстинктъ является именно такимъ, а не какимъ-либо инымъ, давалось только одно объясненіе, гласившее, что онъ такимъ былъ созданъ. Оставляя въ сторонѣ эти воззрѣнія, исходящія изъ акта «творчества», мы имѣемъ два взгляда, оба основанные на теоріи развитія. Каждый изъ нихъ утверждаетъ, что инстинкты развились изъ болѣе простыхъ дѣйствій животныхъ при помощи постепеннаго процесса; они отличаются одинъ отъ другого въ отношеніи элементовъ, первоначально входившихъ въ тѣ дѣйствія, которыя впоследствии сдѣлались инстинктивными.

1. Во-первыхъ, существуетъ такъ называемая теорія рефлексовъ. Эта теорія считаетъ инстинкты рефлексивными дѣйствіями, подобными закрыванію глаза въ тотъ моментъ, когда въ него грозитъ попасть посторонній предметъ, но только гораздо болѣе сложными. Такия дѣйствія являются результатомъ соединенія простыхъ рефлексовъ во все болѣе и болѣе количество и съ возрастающей продуктивностью. Эта теорія стремится объяснить инстинкты исключительно нервными дѣйствіями. Она идетъ рука объ руку съ тѣми взглядами на развитіе, которые утверждаютъ, что нервная система росла изъ поколѣнія въ поколѣніе, вслѣдствіе непрерывныхъ рефлексивныхъ воздѣйствій организма на окружающія условія, а благодаря этому являлась все большая и большая приспособленность къ внѣшнему міру. Только такимъ образомъ, говорятъ защитники этой теоріи,

мы можемъ объяснить тотъ фактъ, что животное совершенно не знаетъ, что оно дѣлаетъ, когда дѣйствуетъ инстинктивно, что оно не имѣетъ какой-либо цѣли въ своемъ сознаніи; оно просто чувствуетъ, что его нервная система дѣлаетъ то, что должна дѣлать, вслѣдствіе своей органической приспособленности къ воздѣйствіямъ воздуха, земли, моря, каковы бы ни были эти воздѣйствія.

Однако, намъ могутъ задать вопросъ: почему послѣдующія поколѣнія улучшаютъ то, что перенимаютъ отъ предыдущихъ, почему существуетъ стремленіе постепенно совершенствоваться инстинктъ?

Отвѣтомъ на это является другой важный законъ біологіи—законъ варіаціи, измѣненія. Этотъ законъ формулируетъ общее правило, заключающееся въ томъ, что въ каждомъ новомъ поколѣніи молодые индивиды слегка отличаются во всевозможныхъ направленіяхъ отъ своихъ родителей. Допуская это, мы найдемъ въ каждой группѣ семействъ нѣсколько молодыхъ индивидовъ, которые лучше своихъ родителей; эти дѣти будутъ имѣть преимущества передъ другими и больше шансовъ вырасти и дать жизнь новому поколѣнію.

Такимъ образомъ, путемъ постоянной варіаціи и естественнаго подбора, то есть путемъ „переживанія всего, что болѣе приспособлено“, въ борьбѣ съ остальными, получается постоянное совершенствованіе инстинкта.

2. Вторая теорія, соперница первой, утверждаетъ, что нѣкоторымъ инстинктамъ присущи столь явные признаки мышленія, что животному слѣдуетъ приписать нѣкоторую степень разумнаго приспособленія къ окружающимъ условіямъ при пріобрѣтеніи данныхъ инстинктивныхъ дѣйствій. Напримѣръ, мы знаемъ, что нѣкоторыя мускульныя движенія, связанныя съ инстинктомъ, какъ напр. въ случаѣ постройки гнѣздъ птицами, такъ сложны и въ то же время такъ опредѣленно приспособлены къ цѣли, что только съ большой натяжкой можно допускать возникновеніе ихъ изъ простого рефлективнаго приспособленія. Есть еще одно затрудненіе въ теоріи рефлексовъ, которое казалось непреодолимымъ многимъ изъ способнѣйшихъ психологовъ животной жизни: именно затрудненіе, заключающееся въ томъ, что многіе инстинкты требуютъ одновременнаго дѣйствія большого числа мускуловъ, которые дѣйствуютъ въ „соотношеніи“ одинъ съ другимъ или въ помощь одинъ другому, исключая такимъ образомъ, возможность предположенія, чтобы инстинктъ могъ быть пріобрѣтенъ постепенно. Такое предположеніе исключается потому, что по самому существу данныхъ случаевъ мы не можемъ допустить, чтобы данный инстинктъ былъ когда-либо несовершеннымъ, такъ какъ частичные инстинкты, которые могли бы ему предшествовать за нѣсколько поколѣній, должны были бы быть не только бесполезны для животнаго, но даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ положительно вредны. Напримѣръ, для чего могло бы животному понадобиться умѣнье продѣлывать нѣкоторыя изъ движеній, необходимыхъ при плаваніи, или птицѣ умѣнье строить неподходящее для нея гнѣздо? Такіе инстинкты совсѣмъ не были бы полезны для нихъ. Такимъ образомъ, вторая теорія говоритъ намъ, что животныя, чтобы продѣлывать данныя дѣйствія, должны были имѣть умъ, уже тогда, когда они впервые имъ научились. Но, всѣми признается, что послѣ того, какъ инстинктъ пріобрѣтенъ, онъ уже далѣе выполняется безъ сознанія и безъ разумнаго намѣренія, передаваясь отъ поколѣнія къ поколѣнію.

Это кажется вполне правильнымъ, такъ какъ дѣйствія, бывшія сначала разумными, могутъ такъ часто быть выполняемы нами, что мы наконецъ начинаемъ производить ихъ, не думая о нихъ, по привычѣ.

Такимъ же образомъ, говорить теорія, животныя пришли къ рефлективному выполнению тѣхъ дѣйствій, которыя сначала требовали ума. Изложенная теорія, выдвигающая точку зрѣнія, по которой первоначально требовался для выполнения дѣйствій, сдѣлавшихся впоследствии инстинктивными и не нуждающимися въ сознательномъ направленіи ихъ, называется теоріей исчезнувшей сознательности.

Эта теорія имѣетъ много говорящаго въ ея пользу. Она объясняетъ необъяснимое, съ точки зрѣнія теоріи рефлексовъ, возраженіе, которое было выше указано, — возраженіе, что нѣкоторые инстинкты не могли явиться результатомъ постепеннаго приспособленія. Она также объясняетъ необычайно разумный видъ проявленія нѣкоторыхъ инстинктовъ.

Однако, и это воззрѣніе доступно критикѣ, которая значительно усилилась по мѣрѣ роста біологическихъ знаний за послѣдніе годы. Эта критика основывается на томъ фактѣ, что теорія исчезнувшей сознательности требуетъ, чтобы дѣйствія, усвоенныя однимъ поколѣніемъ, благодаря уму, передавались слѣдующимъ поколѣніямъ въ силу наследственности. Само собой очевидно, что, если не выполняется это послѣднее условіе, то разумное выполненіе даннаго рода дѣйствій однимъ поколѣніемъ не имѣетъ значенія для всего вида, такъ какъ эффекты нервной системы не передадутся потомкамъ, и имъ придется начинать съ того же мѣста, откуда начинали ихъ родители, и слѣдовательно, указанный родъ дѣйствій никогда не запечатлѣлся бы въ нервной системѣ вида.

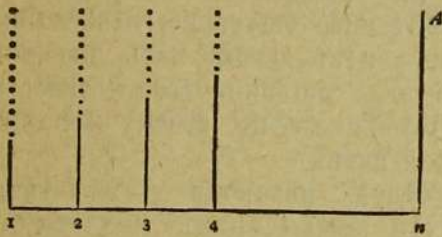
Сила этой критики безспорна для тѣхъ, кто признаетъ, какъ это дѣлаютъ многіе современные біологи, что ни одно измѣненіе, ни одна черта характера, пріобрѣтенная родителями, ни одинъ изъ результатовъ употребленія или бездѣйствія какой-нибудь части тѣла, ни одно изъ стремленій или привычекъ дѣйствія, словомъ, ни одно измѣненіе, произведенное въ тѣлѣ или въ душѣ родителей въ теченіе ихъ жизни, не передается наследственно ихъ дѣтямъ. Единственнымъ родомъ измѣненій, которыя проявляются въ послѣдующихъ поколѣніяхъ, являются глубокіе слѣды болѣзни, яда, голоданія и другихъ причинъ, дѣйствующихъ на всю систему, какъ на одно цѣлое, но не стремящихся воспроизводить по наследственности какое-нибудь специальное дѣйствіе, которому научились и которое производили родители. Если на это возраженіе можетъ быть данъ отвѣтъ, то теорія, по которой разумныя дѣйствія должны были предшествовать происхожденію сложныхъ инстинктовъ, должна быть предпочтена, если же нѣтъ, то теорія исчезнувшей сознательности должна быть отброшена, какъ непригодная.

Недавніе споры по вопросамъ теоріи развитія (эволюціи) выяснили новую точку зрѣнія, извѣстную подъ названіемъ органическаго подбора и имѣющую плодотворное приложение къ рѣшенію проблемы происхожденія инстинктовъ. Эта точка зрѣнія въ нѣкоторой степени примиряетъ обѣ теоріи инстинкта. Она утверждаетъ, что разумныя приспособленія, сдѣланныя членами одного поколѣнія, могутъ дать направленіе послѣдующему развитію, хотя бы тутъ и не было прямой наследственной передачи пріобрѣтенныхъ чертъ отъ отца къ сыну. Что касается инстинктовъ, сторонники этого взгляда разсуждаютъ приблизительно такъ:

Допустимъ, что мы говоримъ, слѣдуя первой теоріи, указанной выше, что организмъ имѣетъ нѣкоторые рефлексы, которые обнаруживаютъ извѣстную степень его приспособленности къ окружающимъ условіямъ; допустимъ, далѣе, что мы принимаемъ выдвигаемое сторонниками теоріи исчезнувшей сознательности положеніе, согласно которому постепеннаго исправленія этихъ рефлексовъ измѣненіемъ (варіаціей) способности у послѣдующихъ поколѣній недостаточно для объясненія происхож-

денія инстинкта, если принять во вниманіе частичныя инстинкты могущіе быть и не быть полезными; и, наконецъ, допустимъ, мы признаемъ, что нѣкоторыя сложныя инстинкты требовали разумнаго, сознательнаго приспособленія для своего пріобрѣтенія.

Если внимательно продумать эти пункты, то одинъ новый принципъ дастъ намъ возможность составить цѣльную теорію, которая избѣгнетъ затрудненій первыхъ двухъ теорій. Этотъ принципъ представляетъ собою то, съ чѣмъ мы уже встрѣтились: по этому принципу, умъ дополняетъ частичныя инстинкты у каждаго поколѣнія, чѣмъ дѣлаетъ ихъ полезными въ тѣхъ направленіяхъ, въ которыхъ они были неполными, и такимъ образомъ поддерживааетъ въ живыхъ молодое поколѣніе все время, пока его инстинкты несовершенны. Это даетъ виду время постепенно дополнить свои инстинктивныя дарованія въ рядѣ нѣсколькихъ поколѣній, каждое изъ которыхъ одинаковымъ образомъ примѣняетъ свой умъ;—время накопить, вслѣдствіе случайныхъ измѣненій въ поколѣніи, тѣ перемѣны въ нервной системѣ, которыхъ требуетъ совершенный инстинктъ. Такъ, съ теченіемъ времени зависимость каждаго поколѣнія отъ помощи ума становится все меньше и меньше, пока нервная система не станетъ способна производить данныя дѣйствія совершенно самостоятельно. Результаты тогда будутъ тѣ же самыя, какъ если бы пріобрѣтенія, сдѣланныя каждымъ поколѣніемъ, становились наследственными, чего на самомъ дѣлѣ не было. Все, чего требуетъ эта теорія въ дополненіе къ взглядамъ, принятымъ обоими историческими школами, заключается въ видѣ предположенія, что видъ существовалъ съ помощью своего ума, дополняющаго несовершенныя инстинкты достаточно долго, чтобы имѣть время произвести достаточныя измѣненія въ необходимомъ направленіи. Инстинктъ тогда становится вполнѣ независимымъ, и контроль сознанія надъ нимъ становится болѣе ненужнымъ ¹⁾.

Происхожденіе инстинкта путемъ органическаго подбора. *Аи*— совершенный инстинктъ. 1, 2... *n*— послѣдовательныя поколѣнія. Сплошныя линіи изображаютъ приспособленіе нервной системы по пути къ образованію инстинкта. Пунктирныя— степень участія разума въ дѣятельности особи. Участіе разума становится все меньше и больше по мѣрѣ того, какъ приспособленность нервной системы доходить до совершенства, образуя „совершенный инстинктъ“.

Эта теорія непосредственно подтверждается фактами, о которыхъ мы уже говорили, фактами указывающими, что многіе инстинкты не совершенны, а только намѣчены и становятся жизненными, благодаря сознательному подражанію и пріобрѣтеніямъ молодыхъ особей. Цыпленокъ, напримѣръ, не знаетъ значенія воды, когда смотритъ на нее, несмотря на то, что безъ нея не можетъ жить; ему нужно видѣть, какъ пьетъ его мать, или случайно намочить свой клювъ, чтобы пробудить частичный инстинктъ пить тѣмъ особеннымъ способомъ, какимъ пьютъ всѣ птицы, закидывая голову назадъ. Такъ и въ другихъ дѣйствіяхъ, характерныхъ для даннаго вида и даже необходимыхъ для его жизни, мы видимъ соразмѣрность между

¹⁾ Читатели, которые знакомы съ теоріей двойственности сознанія (см. В. Битнеръ „Въ область таинственнаго“, и его же „Гипнотизмъ и родств. явленія въ наукѣ и жизни“), легко объяснятъ себѣ происхожденіе инстинктовъ и, т. ск., механизмъ ихъ образованія. Дѣло въ томъ, что во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ участвуютъ какъ сознаніе, такъ и подсознаніе, иными словами, оба полушарія мозга. По мѣрѣ повторенія создается привычность, и одно полушаріе постепенно перестаетъ участвовать въ работѣ, и послѣдняя совершается подсознательно, автоматически. Подробнѣе см. объ этомъ упомянутыя выше книги. Редакція.

разумнымъ приспособленіемъ черезъ сознательныя дѣйствія и частичными инстинктами, которыми обладаетъ животное.

Поэтому, въ теоріи органическаго подбора мы, повидимому, имѣемъ положительное рѣшеніе вопроса о происхожденіи инстинкта. Она можетъ имѣть подобное же приложеніе въ другихъ случаяхъ, гдѣ эволюція приняла опредѣленное направленіе, повидимому, подъ дѣйствіемъ разума. Она показываетъ намъ, что душа играла положительную роль въ эволюціи органической природы.

Умъ животныхъ. Переходя къ дальнѣйшимъ способностямъ животныхъ, мы наталкиваемся на фактъ, о которомъ уже говорили, когда нашли необходимымъ признать въ нѣкоторой степени умъ животного, чтобы дополнить его инстинкты. Что мы понимаемъ подъ словомъ умъ?

Это слово можетъ употребляться въ широкомъ смыслѣ для обозначенія всѣхъ примѣненій сознанія или души, разсматриваемыхъ какъ нѣчто дополнительное къ рефлексамъ нервной системы. Въ жизни животного, какъ и въ жизни человѣка, всегда, когда мы находимъ индивида производящимъ какое-либо дѣйствіе, имѣющее отношеніе въ умственной работѣ, т. е. примѣняющимъ знанія или опытъ, мы говоримъ, что онъ дѣйствуетъ при помощи ума.

Простѣйшая форма такого дѣйствія, изъ которой явилось большинство высшихъ формъ, можетъ быть иллюстрирована слѣдующимъ примѣромъ: цыпленокъ клюнулъ какого-то страннаго червяка, и, найдя его невкуснымъ, уже впоследствии отказывается клевать червей этого рода. Этотъ отказъ сдѣлать второй разъ то, что однажды привело къ неприємнымъ результатамъ, обнаруживаетъ умъ. Мы теперь говоримъ, что цыпленокъ „знаетъ“, что этого червяка не слѣдуетъ клевать. Инстинктивное побужденіе клевать всѣхъ червей замѣнилось отказомъ клевать нѣкоторыхъ изъ нихъ. Далѣе, беря обратный случай, мы находимъ, что цыпленокъ, который не отвѣтилъ инстинктивно на зрительное ощущеніе, испытанное при видѣ воды, но долженъ былъ сначала увидѣть свою мать пьющей, дѣйствовалъ съ умомъ или въ нѣкоторомъ состояніи сознательности, когда подражалъ старой курицѣ и послѣ того пилъ по своему желанію. Онъ теперь „знаетъ“, что вода служитъ для питья.

Далѣе у насъ возникаетъ вопросъ, откуда являются у животного дѣйствія, необходимыя для приложенія его знанія. Какъ выучивается оно мускульнымъ движеніямъ, которыя дополняютъ или замѣняютъ его прежніе инстинктивные способы дѣйствія?

Этотъ вопросъ особенно ясно вырисовывается, когда мы спрашиваемъ себя, какъ ребенокъ пріобрѣтаетъ способность совершать новыя цѣлесообразныя дѣйствія. Мы находимъ, что онъ постоянно учится, измѣняя свои привычки, совершенствуя свои способы дѣйствія, пріобрѣтая совершенно новыя и очень сложныя функціи, какъ напримѣръ, выучиваясь говорить, писать и т. д. Все это—дѣйствія, основанныя на умѣ; они пріобрѣтаются мало-по-малу, съ большими усиліями и трудомъ. Однимъ изъ важнѣйшихъ и интереснѣйшихъ вопросовъ психологіи является вопросъ: какимъ образомъ дитя приводитъ свои нервную и мускульную системы подъ все болѣе и болѣе полный контроль разума. Какъ оно можетъ измѣнять и постепенно исправлять свое «реагированіе» (такъ мы называемъ его воздѣйствія на предметы и явленія, происходящія вокругъ него) такимъ образомъ, чтобы дѣйствовать все болѣе и болѣе сознательно?

Отвѣтъ, повидимому, таковъ, что ребенокъ дѣйствуетъ на основаніи опыта. Онъ не потому дѣйствуетъ, что имѣетъ умъ, т. е. знаетъ, какъ дѣйствовать, не учившись этому; таковъ былъ старый и несомнѣнно вполне ошибочный взглядъ на умъ. Душа не можетъ двигать тѣло просто по

своему усмотрѣнію. Никто не можетъ сдѣлать этого. Человѣкъ, какъ и маленькое животное, долженъ испробовать вещи и постоянно пытаться дѣлать ихъ, чтобы найти какъ онѣ дѣйствуютъ, и чего отъ нихъ ожидать. Каждое существо, человѣкъ, звѣрь или птица, должно дѣлать это самостоятельно. Независимо отъ инстинктивныхъ дѣйствій, которыя ребенокъ выполняетъ, совсѣмъ не зная ихъ значенія, и независимо отъ равнымъ образомъ инстинктивнаго подражательнаго способа выполненія ихъ безъ определенной цѣли научиться большому путемъ подражанія; онъ во всѣхъ случаяхъ принимается за опыты. Обыкновенно его опыты производятся при помощи подражательныхъ дѣйствій.

Онъ подражаетъ тому, что на виду у него дѣлаютъ окружающіе; или онъ подражаетъ своимъ собственнымъ инстинктивнымъ дѣйствіямъ, воспроизводя въ своемъ сознаніи воспоминанія того, что раньше продѣлалъ; или же, случайно натолкнувшись на счастливую комбинацію, повторяетъ ее подражаніемъ. Такимъ образомъ, въ силу уже указаннаго принципа, онъ накопляетъ массу кинѣстезическихъ эквивалентовъ, которые сохраняются въ его памяти и даютъ ему возможность дѣйствовать определеннымъ образомъ, когда онъ попадетъ въ соответственныя условія. Онъ также пріобрѣтаетъ то, что мы назвали ассоціаціями, между дѣйствіями и причиняемыми ими болью или удовольствіемъ и такимъ образомъ избѣгаетъ непріятнаго и повторяетъ то, что пріятно.

Наиболѣе плодотворное дѣйствіе этого рода подражательнаго обученія находится въ связи съ «непрерывными» усиліями, попытками молодыхъ особей и особенно дѣтей. Это называется настойчивымъ подражаніемъ. Ребенокъ видитъ передъ собою какое-нибудь движеніе, которому подражаетъ; допустимъ, что это—какое-нибудь сложное дѣйствіе руки. Онъ пытается воспроизвести его въ видѣ опыта, примѣняя мускулы руки и кисти. При этомъ онъ напрягаетъ всего себя, высовываетъ языкъ, сгибаетъ туловище и двигаетъ всѣмъ тѣломъ съ головы до ногъ. Такимъ образомъ онъ находитъ нѣкоторый путь къ правильному результату, но только очень грубый и неточный. Затѣмъ онъ снова пробуетъ, уже изъ тѣхъ знаній, которыя ему дала первая попытка; второй опытъ уже не такъ неуловимъ, такъ какъ онъ воздерживается отъ нѣкоторыхъ мѣшающихъ ему тѣлодвиженій и гримасъ и повторяетъ только тѣ движенія, которыя кажутся ему наиболѣе близкими къ правильнымъ. Онъ пробуетъ еще и еще разъ, постоянно, хотя и медленно, сокращая ошибочныя движенія и приближаясь къ образцу, и такимъ образомъ выучивается производить дѣйствіе, требующее ловкости.

Тяжелыя и разбросанныя движенія его, сопровождающіяся лишними усиліями и напряженіемъ всего тѣла, служатъ къ прямой его пользѣ. Они значительно увеличиваютъ шансы на то, что среди всѣхъ ихъ найдутся нѣкоторыя, достигающіе цѣли, которые такимъ образомъ увеличатъ его запасъ эквивалентовъ. Собаки и обезьяны выучиваются открывать двери, опускать рѣшетки оградъ и производить сравнительно сложныя дѣйствія, настойчиво производя опыты со многими разнообразными движеніями до тѣхъ поръ, пока не натолкнутся, наконецъ, на тѣ, которыя достигаютъ цѣли.

Это—типичный способъ производить опыты, при помощи которыхъ пріобрѣтаются новыя сложныя движенія. У дѣтей онъ широко проявляется безъ чьего-либо вмѣшательства; ребенокъ проявляетъ настойчивость по своему собственному почину. Онъ скорѣе, чѣмъ молодая животная, способенъ понять значеніе выполненнаго дѣйствія и дѣйствительно желать произвести его. У животныхъ пріобрѣтенія не распространяются очень далеко вслѣдствіе ограниченности ихъ умственныхъ дарованій; но, обучая домашнихъ

животныхъ или воспитывая животныхъ для цирковыхъ представлений, обучающей помогаетъ имъ или побуждаетъ ихъ къ дѣйствіямъ, пользуясь ассоціаціями боли и удовольствія. Онъ увеличиваетъ чувства удовольствія и боли у животнаго при помощи кнута, награды пищею и т. п., такъ что каждый шагъ въ успѣхахъ или неудачахъ животнаго имѣетъ острую ассоціацію съ болью или удовольствіемъ. Такимъ образомъ, животное приобретаетъ цѣлый рядъ ассоціацій, избѣгаетъ тѣхъ дѣйствій, съ которыми связана боль, и повторяетъ тѣ, которыя вызываютъ у него воспоминанія удовольствія, во все время продолжительнаго исполненія; въ результатъ исполненія такъ близко напоминаетъ дѣйствія, требующія высшаго ума, на примѣръ. счетъ чиселъ, — выдергиваніе картъ, что вызываетъ изумленіе у зрителей.

Первая же встрѣча съ ограниченностью животныхъ по сравненію съ человѣкомъ можетъ вызвать общій вопросъ, какъ далеко простираются ихъ умственные способности. Правильное отношеніе къ этому вызывавшему много дебатовъ вопросу требуетъ нѣкоторыхъ дальнѣйшихъ разъясненій.

У ребенка мы находимъ стремленіе реагировать тѣми или иными способами на всѣ предметы, явленія и т. д., которыя сходны въ извѣстныхъ отношеніяхъ. Выучившись, на примѣръ, производить рукою какое либо дѣйствіе, онъ будетъ потомъ примѣнять тѣ же движенія къ сходнымъ дѣйствіямъ, которыя найдетъ нужнымъ произвести. Онъ такимъ образомъ стремится, по выраженію психологовъ, «обобщать», то есть приводить свое тѣло въ опредѣленные положенія, которыя будутъ соответствовать большому числу деталей опыта.

Въ отношеніи къ воспріятію знаній мы назвали это ассимиляціею. Это избавляетъ ребенка отъ громадныхъ трудовъ и риска; ибо какъ только предметъ или явленіе представляется ему въ нѣкоторыхъ общихъ чертахъ, онъ можетъ сразу принять положеніе, соответствующее этимъ общимъ чертамъ, не ожидая пока обнаружатся частныя особенности даннаго явленія. Способность дѣлать это проявляется двумя способами, которые соответственно характеризуютъ, съ одной стороны, человѣка и съ другой — низшихъ животныхъ.

У животныхъ это стремленіе обобщать, воздѣйствовать на классы предметовъ скорѣе чѣмъ на отдѣльные предметы, принимаетъ форму просто чего-то вродѣ соединенія въ мозговыхъ ходахъ. Воспринимаются различныя ощущенія, и затѣмъ вслѣдствіе своего сходства они стремятся одинаковымъ путемъ перейти въ дѣйствіе. Животное неразрывно связано съ тѣмъ, что происходитъ; оно не предвидитъ того, что можетъ произойти. Оно не пользуется своимъ опытомъ, какъ символомъ, и не прилагаетъ его напередъ къ другимъ предметамъ и событіямъ. Оно въ настоящемъ смыслѣ пассивно, недѣятельно: на него должны оказать вліяніе побуждающія явленія, чтобы заставить его принять нѣкоторое положеніе и проявить дѣйствіе. Поскольку его знаніе «общее», оно называется представленіемъ. Собака имѣетъ представленіе о кнутѣ; такъ какъ разные кнуты немногимъ отличаются одинъ отъ другого, она будетъ одинаково относиться ко всѣмъ имъ. Въ человѣкѣ же развитіе души сдѣлало рѣшительный шагъ впередъ. Ребенокъ очень скоро начинаетъ употреблять символы, изъ которыхъ наиболѣе важными являются для него слова. Ему не нужно, подобно животному, ждать многихъ встрѣчъ съ одинаковыми предметами, чтобы получить представленіе о нихъ; онъ самъ выходитъ на встрѣчу новому, ожидая увидѣть его подобнымъ старому и дѣйствуя, какъ будто онъ предвидѣлъ его. Онъ такимъ образомъ естественно попадаетъ на общіе пути дѣйствія, различить и отдѣлить которые является функціею опытности. Онъ, повидимому, имѣетъ большій запасъ высшаго рода того, что мы называемъ воспріятіемъ, въ противоположность болѣе кон-

вретнымъ и случайнымъ ассоціаціямъ идей. Онъ получаетъ понятія, въ отличіе отъ представленій, получаемыхъ животными. Вмѣстѣ съ этимъ идетъ развитіе рѣчи, въ которой нѣкоторые психологи видятъ источникъ всего превосходства человѣка надъ животными. Слова становятся символами чрезвычайно отвлеченнаго рода для нѣкоторыхъ классовъ ощущеній; и, болѣе того, съ рѣчью мы приобрѣли средство соціального общенія, которое необычайно сильно двинуло впередъ развитіе индивида, отдѣльной личности.

Весьма вѣроятно, въ дѣйствительности, что эта разница между обобщеніемъ, пользующимся символами, и простой ассоціаціей, является основой всѣхъ послѣдующихъ отличій, давшихъ человѣку его настоящее громадное превосходство надъ животными. Изъ нея развилась способность мышленія, разсужденія и т. д., являющаяся достояніемъ исключительно человѣка. Что касается мозга, то послѣдствіемъ этой разницы явилось особое развитіе его, во-первыхъ, въ смыслѣ образованія особыхъ мозговыхъ центровъ, управляющихъ функціями рѣчи, во-вторыхъ, въ смыслѣ болѣе организованности сѣраго вещества коркового слоя мозга, въ которому мы вернемся въ одной изъ послѣдующихъ главъ. Въ дѣйствительности, разсматривая человѣка со стороны развитія мозга, мы видимъ, что нѣтъ пропасти между человѣкомъ и животными въ законахъ организаціи, но что разница является результатомъ эволюціи.

Позже въ жизни ребенка мы находимъ другой контрастъ, зависящій отъ разницы условій общественной жизни и организаціи—между животными и людьми. Животныя, повидимому, не имѣютъ высоко развитаго чувства своего «я», какое есть у человѣка; причиной этого, безъ сомнѣнія, является то, что такое самосознаніе есть результатъ жизни и ощущеній въ тѣхъ чрезвычайно сложныхъ общественныхъ отношеніяхъ, въ которыхъ воспитывается человѣческое дитя, и установить его можетъ только оно само, благодаря своимъ прирожденнымъ способностямъ.

Игры животныхъ. Еще одинъ изъ интереснѣйшихъ вопросовъ жизни животныхъ относится къ ихъ играмъ. Большинство животныхъ любитъ игры. Что они занимаютъ замѣчательно разнообразными видами спорта, хорошо извѣстно даже новичку въ изученіи ихъ привычекъ. Начиная съ ранняго дѣтства, они рѣзвятся, борются, прыгаютъ и бѣгаютъ вмѣстѣ, гоняются другъ за другомъ, играютъ съ неодушевленными предметами, какъ котенокъ съ мячемъ, присоединяются къ играмъ дѣтей и взрослыхъ людей, какъ, на примѣръ, собака, которая играетъ въ прятки со своимъ юнымъ хозяиномъ, и все это съ тѣмъ знаніемъ и умѣньемъ, которыя дѣлаютъ ихъ превосходными компаньонами. Томы, посвященные этому предмету, даютъ полное перечисленіе всѣхъ игръ животныхъ, и намъ нѣтъ нужды повторять это; психолога интересуетъ, главнымъ образомъ, общее значеніе игръ въ жизни отдѣльнаго животного и ребенка и психологическія состоянія и причины, обнаруживаемыя ими. И у человѣка и у животного игра показываетъ нѣкоторыя общія характерныя черты, которыя мы вератцѣ разсмотримъ.

1. Игры животныхъ въ большой степени инстинктивны, и въ большинствѣ случаевъ они начинаютъ играть безъ предварительнаго обученія. Котенокъ по какому-то внутреннему толчку принимается за игру. Щенята прыгаютъ, не учившись этому, и достаточно окрѣпши принимаютъ всѣ игривыя положенія, характеризующія ихъ породу. Это особенно интересно у взрослыхъ животныхъ въ, такъ называемыхъ, «играхъ ухаживанія». Птицы, на примѣръ, предаются цѣлому ряду игръ съ трудными и красивыми движеніями въ періодъ спариванія.

2. Изъ инстинктивнаго характера игръ слѣдуетъ то, что каждое семейство животныхъ должно имѣть свои особенныя игры. Мы находимъ одни виды спорта у собакъ, другіе у кошекъ; то же справливо и для всѣхъ животныхъ зоологическаго сада, дикихъ и ручныхъ. Каждое животное обнаруживаетъ свой видъ своими спортивными привычками не менѣе ясно, чѣмъ своей формой, крикомъ или какими-либо другими изъ такъ называемыхъ «специфическихъ» (свойственныхъ данному виду) особенностей. Это важно не только для зоолога, какъ указаніе разницы въ эволюціи, въ степени приобрѣтеній, въ условіяхъ жизни и т. д., но и для психолога, какъ указаніе различія въ томъ, что называется темпераментомъ животнаго. Животныя не только выказываютъ индивидуальныя особенности, обнаруживаемыя людьми, когда одинъ любитъ такую-то игру, а другой—иную, одинъ является вожакомъ въ игрѣ, а другой—подчиненнымъ, но и болѣе крупныя особенности, характеризующія цѣлыя расы. Испанцы любятъ бой быковъ; другія націи находятъ его отвратительнымъ и забавляются менѣе звѣрскими способами. Такъ и животныя различаются во вкусахъ: нѣкоторые изъ нихъ постоянно изображаютъ борьбу и съ такимъ жаромъ, что причиняютъ другъ другу поврежденія, въ то время какъ другія предпочитаютъ менѣе суровыя развлечения—прыганье, игру съ падающими листьями и катящимися камешками или съ набѣгающими на берегъ волнами.

3. Психологически наиболѣе интересной характерной чертой игры людей или животныхъ является то состояніе «самообмана», въ которомъ во время ея находится душа. Если мы вдумаемся въ свои собственныя игры, то мы увидимъ, что среди игры мы находимся въ состояніи какой-то раздвоенности нашего сознанія. Мы втягиваемся въ игру, какова бы она ни была, какъ если бы условности ея были дѣйствительнымъ фактомъ, и въ то же время сохраняемъ чувство того, что она не реальна. Иначе говоря, мы во время игры сознаемъ всѣ явленія дѣйствительности, но условливаемся съ товарищами совместно дѣйствовать такъ, какъ будто бы игра представляла нѣчто реальное. вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняется ощущеніе, что игра является предметомъ нашего добровольнаго соглашенія, которое во всякое время можетъ быть нарушено; что вся временная иллюзія, которой мы поддаемся, есть не болѣе, какъ только наше собственное дѣло, работа, которую мы сами на себя взвалили. Это-то и понимается подъ словомъ «самообманъ».

Теперь ясно, что животныя имѣютъ это чувство самообмана въ своихъ играхъ съ другими животными или съ человѣкомъ. Собака играетъ съ своимъ хозяиномъ, дѣлая видъ, что кусаетъ его руку; на самомъ же дѣлѣ, она только захватываетъ ее между своими челюстями и мнетъ, все время остерегаясь, чтобъ не надавить на нее слишкомъ сильно; при этомъ она проходитъ черезъ рядъ характерныхъ положеній, ясно показывающихъ, что она хорошо понимаетъ разницу между укусомъ въ игрѣ и настоящимъ укусомъ. Если случайно хозяинъ дѣлаетъ видъ, что ему причинена боль, собака принимаетъ позы, ясно обнаруживающія огорченіе, и вкрадчиво оправдывается. Точно также, когда животныя играютъ вмѣстѣ, обыкновенно достаточно «настоящаго» укуса со стороны того изъ нихъ, которое было подмято подъ себя остальными, чтобы его быстро освободили. Главный интересъ этого сознательнаго самообмана заключается въ томъ, что многіе признаютъ его существенной примѣсью эстетическаго чувства. Говорятъ, что дѣйствіе на насъ произведенія искусства получается отъ того, что оно вызываетъ въ насъ какъ бы настоящее представленіе изображенной сцены или мотива, хотя тѣмъ не менѣе сохраняетъ свой контрастъ съ нашей дѣйствительностью

Если это вѣрно, то возникаетъ вопросъ, насколько обладаютъ зачатками эстетическаго чувства животныя въ своихъ состояніяхъ самообмана. Находитъ ли самка павлина красивымъ своего самца со всей его игрой цвѣтовъ и движеній? Говоритъ ли животное: «Ахъ, какъ красиво!», когда его пріятель дѣлаетъ во время игры великолѣпный выпадъ и возвращается со спокойнымъ, но самоувѣреннымъ видомъ, котораго не можетъ не понять наблюдавшій это человѣкъ?

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, по крайней мѣрѣ, мы должны были бы отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно, если бы считали самообманъ существенной частью эстетическаго наслажденія.

Теоріи игры животныхъ. Вопросъ о значеніи игры для животныхъ вызывалъ очень недавно горячіе споры. Въ настоящее время признаются двѣ главныхъ теоріи.

I. Болѣе старая изъ этихъ теорій разсматривала игру, какъ расходование лишней нервной силы въ организмѣ животнаго. По этой теоріи организмъ требуетъ игры, когда онъ свѣжъ и силенъ. Лошадь норовиста и играва по утрамъ и гораздо менѣе вечеромъ. Собаки ложатся и отдыхаютъ, когда онѣ утомились, истративши лишнюю энергію. Эта теорія игры называется теоріей избытка силъ.

Камень преткновенія приведенной теоріи заключается въ томъ, что она не въ состояніи объяснить какой-либо изъ характерныхъ особенностей игры, указанныхъ выше. Поэтому, игра должна быть инстинктивной по своей формѣ, обнаруживая нѣкоторые сложные и укоренившіеся способы проявленія, если она является простымъ расходованіемъ лишней силы. Мы болѣе подвижны утромъ, но это не объясняетъ, почему мы любимъ нѣкоторые роды сложныхъ игръ и занимаемся ими въ любые часы. Болѣе того, животныя и дѣти способны продолжать игру даже тогда, когда они сильно утомлены. Собака, напримѣръ, кажущаяся совершенно обезсилѣвшей, все-таки не въ состояніи противостоятъ новымъ приглашеніямъ товарищей продолжать охоту. Далѣе, почему игры характерны для вида, и различныя семейства животныхъ имѣютъ свои особенныя, имъ однимъ свойственныя, игры? Трудно понять, какимъ образомъ это могло получиться, если нѣтъ какой-либо болѣе глубокой причины, вслѣдствіе которой каждый видъ избралъ свои особенныя характерныя игры.

Сторонники этой теоріи пытаются устранить затрудненіе, говоря, что инстинктъ подражанія объясняетъ тѣ особенныя направленія, которыя принимаетъ трата энергіи у данной породы. Игра котенка напоминаетъ игры кошачьяго племени, потому что котенокъ привыкъ подражать кошкамъ; когда онъ впервые начинаетъ играть, онъ находится въ обществѣ кошекъ и потому расходуетъ излишнюю энергію обычными подражательными путями. Такимъ образомъ, подростая, онъ выучивается играмъ своего вида. Эта сторона вопроса заключаетъ въ себѣ довольно многое: большинство игръ подражательно, конечно, постольку, поскольку онѣ, вообще, являются результатомъ выучки. Но это все-таки не спасаетъ теорію, ибо многія игры животныхъ совсѣмъ не требуютъ отъ индивида выучки и являются чисто инстинктивными. Въ этихъ случаяхъ животное не ждетъ, пока выучится играмъ своего вида, а сразу приступаетъ къ нимъ на свой собственный рискъ и страхъ. Кромѣ того, есть много формъ игры животныхъ, которыя совсѣмъ не подражательны. Въ нихъ животныя дѣйствуютъ сообща, но играютъ различныя роли; молодыя животныя продѣлываютъ въ игрѣ дѣйствія, которыхъ не выполняетъ ихъ мать.

Все это усиливаетъ другое возраженіе противъ указанной теоріи очень серьезное, въ глазахъ всѣхъ, кто признаетъ теорію развитія. Теорія избытка энергіи разсматриваетъ импульсъ игры (побужденіе

къ игрѣ), являющійся одной изъ наиболѣе широко распространенныхъ характерныхъ чертъ животной жизни, какъ случайную вещь, посторонній продуктъ—простое потребленіе излишка энергіи. Онъ совсѣмъ неваженъ для животныхъ. Это дѣлаетъ невозможнымъ предположеніе, что игра пришла къ своему сложному современному виду по законамъ эволюціи; ибо переживаніе вслѣдствіе естественнаго подбора предполагаетъ, что особенность или черта характера, упрочившаяся у даннаго вида, достаточно важна для того, чтобы охранять жизнь животнаго въ его борьбѣ за существованіе; иначе она не передавалась бы изъ поколѣнія въ поколѣніе и не совершенствовалась бы вслѣдствіе приносимой ею пользы.

Въ общемъ, мы такимъ образомъ находимъ, что теорія избытка энергіи неудовлетворительна.

II. Поэтому, если мы хотимъ отвѣтить на указанныя возраженія, мы должны искать другую теорію. Такая теорія была выдвинута очень недавно. Она придерживается того взгляда, что игры животныхъ въ высшей степени полезны для нихъ по слѣдующему соображенію: онѣ упражняютъ и развиваютъ въ молодыхъ животныхъ ту самую дѣятельность (хотя и въ формѣ игры), которую имъ впослѣдствіи придется вести серьезно въ жизни. Обзоръ игръ животныхъ, по сравненію съ дѣятельностью, проявляемой взрослыми животными даннаго вида, подтверждаетъ эту теорію въ замѣчательно большомъ числѣ случаевъ. Онъ показываетъ, что молодые животные въ своихъ играхъ предвидятъ ту борьбу, тѣ удовольствія, совмѣстныя дѣйствія, неудачи и случайности, которыя ожидаютъ ихъ въ дальнѣйшемъ, и, учась примѣняться ко всѣмъ этимъ положеніямъ, готовятъ себя къ той серьезной отвѣтственности, которую возложить на нихъ зрѣлый возрастъ. По этой теоріи каждая игра становится превосходнымъ приспособленіемъ къ природѣ. Котенокъ играетъ съ мячемъ точно такъ, какъ старая кошка поступаетъ съ мышью; щенята постоянно борются и такимъ образомъ выучиваются дѣйствовать зубами и когтями; олени гоняются другъ за дружкой, пробуя свою быстроту и учась убѣгать отъ враговъ. Если мы наблюдаемъ молодыхъ животныхъ за игрой, мы видимъ, что ни одинъ мускулъ, ни одинъ нервъ не ускользаетъ отъ этого предварительнаго обученія и упражненія, и инстинктивныя стремленія, контролирующія игру, направляютъ дѣятельность какъ разъ по тому пути, по которому впослѣдствіи будутъ вести ее потребности жизни животнаго.

По этой теоріи, игра является дѣломъ высшей важности. Она — не посторонняя случайность, а существенная часть приспособленности животнаго. Періодъ дѣтства сильно растягивается у высшихъ животныхъ съ цѣлью дать молодому поколѣнію время научиться всему, что необходимо, чтобы встрѣтить суровыя условія жизни; остальныя животные въ періодъ дѣтства имѣютъ въ инстинктѣ игры важнѣйшее средство къ надлежащему исползованію своего времени. Въ высшей степени интересно видѣть, какъ взрослые животные играютъ съ молодыми, примѣняясь къ ихъ силамъ, повторяя безчисленное число разъ одни и тѣ же упражненія, съ громадными усиліями развивая въ нихъ большую смѣлость, выносливость и ловкость.

Эта теорія очень просто объясняетъ, почему игры различны у разныхъ видовъ. Условія дѣйствительной жизни у нихъ различны, а вслѣдствіе этого и привычки различаются между собой. Такимъ образомъ то обстоятельство, что мы находимъ у молодыхъ животныхъ какъ разъ тѣ игры, которыя готовятъ въ нихъ привычки взрослыхъ животныхъ ихъ вида, служитъ только новымъ подтвержденіемъ второй теоріи.

Этотъ взглядъ становится въ настоящее время общепринятымъ. Можно привести много иллюстрацій сказаннаго. Простой случай нетрудно видѣть хотя-бы въ такой мелочной вещи, какъ привычка прыгать въ игрѣ;

возьмемъ, напримѣръ, разницу между серной и обыкновенной козулей. Первая, играя на ровной мѣстности, продѣлываетъ забавный рядъ прыжковъ въ вышину, которые ни мало не подвигаютъ ее впередъ. Въ противоположность этому, козуля, жизнь которой въ зрѣломъ возрастѣ нормально протекаетъ въ равнинахъ, дѣлаетъ длинные граціозные прыжки. Разница станетъ понятной съ точки зрѣнія послѣдней теоріи, если вспомнимъ, что серна приспособлена къ жизни въ скалистой мѣстности, гдѣ единственнымъ полезнымъ видомъ прыжка является именно тотъ вертикальный прыжокъ, который сейчасъ продѣлывала передъ нами молодая серна; наоборотъ, олень, живущій на равнинахъ, постоянно будетъ нуждаться въ длинномъ бѣговомъ прыжкѣ.

Наконецъ, по этой теоріи игра становится факторомъ эволюціи, который улучшается вслѣдствіе своей пользы въ развитіи животной жизни, и поэтому мы можемъ думать, что игра, постепенно совершенствуясь, пришла къ тому разнообразію и красотѣ формъ, которыя она теперь принимаетъ.

Съ психологической стороны мы находимъ соответственное положеніе вещей. Умъ молодого животного или ребенка воспитывается и развивается въ раннемъ возрастѣ въ игрѣ. Забавы имѣютъ глубокое педагогическое вліяніе, тѣмъ болѣе, что онѣ являются естественнымъ и инстинктивнымъ способомъ приобрѣтенія практическихъ навыковъ. Это тоже въ высшей степени важно для индивида.

Нетрудно видѣть, что и въ отношеніи ума и въ отношеніи тѣла игра является иллюстраціей принципа органическаго подбора, уже объясненнаго выше. Она дѣлаетъ молодое животное гибкимъ, пластичнымъ, способнымъ къ приспособленію; она дополняетъ всѣ другіе инстинкты и несовершенныя дѣйствія его; она даетъ ему лишній шансъ на существованіе и такимъ образомъ опредѣляетъ ходъ развитія въ томъ направленіи, которое обнаруживаетъ играющее животное. Общественныя или общительныя привычки животныхъ, вѣроятно, въ большой степени обязаны этому импульсу игры, дающему развитіе отдѣльному индивиду и укореняющему данныя стремленія въ цѣлой породѣ животныхъ, какъ было только что указано.

Ниже мы будемъ анализировать игру ребенка и выведемъ изъ нея нѣкоторыя заключенія. Пока же будетъ достаточно сказать, что въ своихъ играхъ молодые животные приобрѣтаютъ ту гибкость ума и мускуловъ, отъ которой многое зависитъ въ общественномъ положеніи и въ личной производительности ихъ дальнѣйшей жизни.

У дѣтей игра, конечно, не является единственнымъ факторомъ развитія, хотя ея значеніе отъ этого не уменьшается. Намъ приходится вести дѣтей дальше другими средствами, но другія средства никогда не должны мѣшать этому естественному воспитанію; они скорѣе должны стремиться, разумно дополнить игру, дать ей опредѣленное направленіе и расширить ея сферу.

ГЛАВА IV.

Душа ребенка. Психологія дитяти.

Одна изъ наиболѣе интересныхъ главъ новѣйшей психологіи—это та, которая разсматриваетъ душу дитяти. Она является также и болѣе общей темой, такъ какъ все человѣчество съ особенной нѣжностью относится къ дѣтямъ, въ которыхъ инстинктивно чувствуетъ невинность и простоту. Однако, общій интересъ, питаемый къ дѣтямъ, очень мало спо-

собствовалъ (какъ это ни можетъ показаться страннымъ) научному изслѣдованію дѣтства. Даже въ настоящее время, когда уже приобрѣтено немало цѣнныхъ свѣдѣній, большую опасность для правильности изученія дѣтской души представляетъ излишнее усердіе и невѣжественная самоуверенность многихъ изслѣдователей. Это особенно вѣрно для Америки, гдѣ «изученіе дитяти» сдѣлалось излюбленнымъ конькомъ для родителей и учителей, имѣющихъ слабое представленіе о принципахъ научныхъ методовъ, и гдѣ вліятельные воспитатели считались со всеми такъ называемыми, «наблюдателями», и принимали отъ нихъ безъ разбора всѣ замѣтки о дѣйствіяхъ дѣтей, не имѣя въ виду какой-либо опредѣленной задачи и не подвергая критикѣ способовъ ихъ полученія. Полезно, будетъ поэтому, въ самомъ же началѣ ясно сказать, что настоящая глава ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ цѣлью побудить родителей или читателей, не психологовъ, сообщать о своихъ наблюденіяхъ, и что по мнѣнію автора настоящей книги напечатанные въ послѣднее время въ большомъ количествѣ «отвѣты» на интересующіе психолога вопросы по большей части оказались ничего не стоящими, такъ какъ они нагромождали кучу наблюденій, сдѣланныхъ людьми различной степени компетентности и некомпетентности.

Съ другой стороны требованія, предъявляемыя здѣсь, какъ и во всякой другой сферѣ точнаго наблюденія, вполне ясны. Человѣкъ, изучающій душу ребенка, долженъ обладать глубокимъ знаніемъ принциповъ общей психологіи, для того чтобы при наблюденіи различать, что характерно для ребенка и что въ немъ исключительно; онъ долженъ также обладать достаточной независимостью въ своихъ идеяхъ и толкованіяхъ, чтобы уловить то, что является цѣннымъ въ дѣйствіяхъ ребенка, и отличить отъ того, что общеизвѣстно, а также для того, чтобы сумѣть создать положенія или даже поставить опыты, контролирующие тѣ дѣйствія ребенка, которыя кажутся стоящими этого. Необходимость этихъ качествъ видна, если мы вспомнимъ исторію вопроса развитія ребенка, — вопроса за который брались самые выдающіеся психологи. Исторія эта показываетъ, какъ ученые постепенно овладѣвали своей задачей, благодаря тому, что каждый наблюдатель подвергалъ критикѣ методъ и результаты своего предшественника, пока не были выведены нѣкоторыя правила наблюденія и опыта, которыя дѣлаютъ возможными воспроизведеніе и повторное наблюденіе случаевъ изъ жизни ребенка.

Какъ иллюстрацію того, надъ какими вопросами производилась эта тщательная критическая работа, я приведу слѣдующіе примѣры: рефлексивныя движенія ребенка, появленіе и ростъ ощущенийъ, какъ на примѣръ, ощущенія цвѣта, возникновеніе выбора и предпочтенія, начало предпочтенія дѣйствовать лѣвой или наоборотъ правой рукой, происхожденіе, механизмъ и значеніе подражанія, приобрѣтеніе умѣнья говорить и писать, ростъ ощущенія своей личности у ребенка и ростъ его общественнаго сознанія, наконецъ, законы физическаго роста, какъ вліяющіе на его умственное развитіе. Рѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ достигнуто лишь съ большей или меньшей точностью. Данныя и результаты, къ которымъ мы теперь перейдемъ, могутъ быть приняты; какъ типичные и скорѣе только намѣчающіе полное знаніе, чѣмъ приближающіеся къ нему.

Прежде, чѣмъ взяться за отдѣльные вопросы, будетъ кстати сказать нѣсколько словъ объ общемъ смыслѣ изученія дѣтской души. Я это сдѣлаю тѣмъ болѣе охотно, что несмотря на надежду получить положительные результаты, данные вопросы представляютъ въ настоящее время интересъ только потому, что психологія желаетъ признать ихъ и работать надъ ними. Изучать ребенка научными методами означало ввести въ

психологію приємъ, сдѣлавшій переворотъ въ естественныхъ наукахъ; этотъ пріемъ долженъ произвести переворотъ и въ гуманитарныхъ наукахъ, дѣлая ихъ также въ значительной мѣрѣ науками естественными. Новымъ и важнымъ вопросомъ, поставленнымъ психологіей, является вопросъ, какъ расла душа. Какой свѣтъ на ея дѣятельность и сущность можетъ пролить знаніе ея раннихъ состояній и процессовъ ея роста?

Это непосредственно влечетъ за собою новый рядъ вопросовъ: въ какомъ соотношеніи находятся между собой ростъ души у ребенка и ростъ ея у животныхъ?—и въ какомъ отношеніи стоитъ этотъ ростъ черезъ посредство наслѣдственности и общественныхъ вліяній, къ росту расы, семейства и общества, въ которомъ ребенокъ воспитывается?

Все это можетъ быть объяснено только при свѣтѣ теоріи эволюціи, омолодившей науки о жизни; теперь мы начинаемъ видѣть, какъ болѣе юными становятся и науки о душѣ, благодаря тому же ученію эволюціи. Это обыкновенно подразумѣвается, когда говорятъ, что психологія начинаетъ становиться «генетической».

Можно вѣрнѣе указать преимущества, получаемыя при изученіи дѣтей именно съ этой точки зрѣнія.

1. Во-первыхъ, факты дѣтскаго сознанія очень просты; другими словами, они являются просто ощущеніями или воспоминаніями ребенка, а не его собственнымъ наблюденіемъ ихъ. Во взросломъ сознаніи развлекающее вліяніе самонаблюденія становится факторомъ немалой важности. Я не могу точно отмѣчать то, что я чувствую, вслѣдствіе того, что сосредоточенія моего вниманія на данномъ ощущеніи измѣняетъ его характеръ. Моя воля также сложная вещь, соединяющая въ себѣ мою личную гордость и мое самосознаніе. Но эмоціи ребенка такъ же самопроизвольны, какъ родниѣ. Ихъ вліяніе на умственную жизнь выливается въ дѣйствіи совершенно чистымъ, неподвергшимся условію расчета, двойственности и осмотрительности взрослого человѣка. Каждый изъ насъ, взрослыхъ, окруженъ сѣтью условностей и предразсудковъ, созданныхъ нами самими. Мы не только отражаемъ въ себѣ общественныя условія, окружающія насъ, теряя такимъ образомъ самопроизвольность, характерную для дѣтства, но каждый изъ насъ еще создаетъ свой собственный мірокъ уединенія и условности.

По выраженію Бекона, мы являемся поклонниками не только общихъ, но еще и своихъ собственныхъ идоловъ.

Ребенокъ, наоборотъ, не знаетъ еще ни своего собственного значенія, ни своей родословной, ни своей красоты, ни общественнаго положенія, ни религіи. Онъ не наблюдалъ самого себя сквозь всѣ эти и безчисленное множество другихъ стеколъ—времени, мѣста и обстоятельствъ. Онъ еще не сдѣлалъ самого себя своимъ кумиромъ, а весь міръ—храмомъ; и мы можемъ изучать его свободнымъ отъ сложныхъ наростовъ, которые явятся болѣе поздними отложеніями его самосознанія.

2. Изученіе дѣтей часто является единственнымъ средствомъ испытанія правильности нашего анализа. Если мы приходимъ къ заключенію, что нѣкоторое душевное состояніе обусловливается соединеніемъ болѣе простыхъ элементовъ, мы можемъ обратиться къ соответствующему періоду жизни ребенка, чтобы наблюдать это соединеніе. Разстояніе отъ ребячества до зрѣлости такъ громадно, и умственная жизнь ребенка начинается съ такого низкаго уровня, въ смыслѣ умственныхъ способностей, что врядъ ли современная психологія знаетъ такіе спорные вопросы анализа, которые не могли бы быть изслѣдованы этимъ способомъ.

Въ этомъ пунктѣ психологія ребенка становится болѣе цѣнной, чѣмъ изученіе души животныхъ. Послѣднія никогда не становятся людьми,

дѣти же становятся. Животныя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ являются вѣтвью въ деревѣ роста человѣка, оставаясь въ другихъ отношеніяхъ далеко позади него. Изучая животныхъ, мы постоянно боимся, что аналогія между ними и человѣкомъ можетъ не имѣть мѣста, что нѣкоторый элементъ, существенный въ развитіи человѣческой души, можетъ совсѣмъ отсутствовать у животныхъ. Даже въ такомъ вопросѣ, какъ установленіе мѣстоположенія различныхъ функцій въ мозгѣ (съ этимъ мы встрѣтимся дальше), гдѣ аналогія первымъ дѣломъ относится къ сравнительной анатоміи и только потомъ уже къ психологіи, обезьяна обнаруживаетъ такую аналогію съ человѣкомъ, какой не наблюдается у собаки. Но при изученіи дѣтей мы можемъ всегда быть увѣрены, что нормальный ребенокъ имѣетъ въ себѣ зачатки нормального человѣка.

3. Далѣе, изучая разумъ ребенка, мы имѣемъ еще преимущество соотвѣтственной простоты съ тѣлесной стороны; мы имѣемъ возможность наблюдать физиологическіе процессы въ то время, когда они сравнительно просты, то есть, когда нервная система еще не достигла зрѣлости. Напримѣръ, психологія раньше считала, что мы имѣемъ «способность рѣчи», врожденное умственное качество, не поддающееся дальнѣйшему анализу; но такой взглядъ не получилъ поддержки, когда обратились къ мозгу младенца. Мы не только не находимъ въ немъ тѣхъ центровъ, которые извѣстны какъ *область рѣчи*, но даже тѣ центры, которые мы находимъ, еще не выполняютъ своихъ функцій ни каждый порознь, ни всѣ вмѣстѣ. Другими словами, первоначальнымъ объектомъ этихъ разнообразныхъ центровъ являлась не рѣчь, а нѣкоторая другая, менѣе сложная функція; сама же рѣчь возникла въ процессѣ развитія изъ соединенія этихъ отдѣльныхъ функцій.

4. При наблюденіи дѣтей возможно болѣе прямое приложеніе опыта. Подъ опытомъ я здѣсь подразумѣваю и опыты надъ чувствами, и опыты прямо надъ сознаниемъ—черезъ внушеніе, общественное вліяніе и т. д. При опытахъ со взрослыми возникаютъ затрудненія вслѣдствіе того, что ихъ реакціи, какъ, напримѣръ, добровольное выполненіе нѣкотораго движенія, когда получается опредѣленное ощущеніе, усложняются размысленіемъ, привычками, выборомъ и т. д. Подвергающійся опыту слышать, напр., звукъ, воспринимаетъ его и нажимаетъ на пуговку—если желаетъ и согласенъ сдѣлать это. Что происходитъ въ этотъ промежутокъ между началомъ входящаго нервного процесса и окончаніемъ исходящаго наружу нервного процесса? Во всякомъ случаѣ,—нѣчто, представляющее мозговой процессъ большой сложности. Все, что опредѣляетъ и упрощаетъ происходящее въ мозгу явленіе, придаетъ большую степень вѣрности результатамъ. По этой причинѣ опыты надъ рефлексивными дѣйствіями являются цѣнными и рѣшающими тамъ, гдѣ подобные же опыты надъ добровольными сознательными дѣйствіями даютъ неопредѣленный отвѣтъ и имѣютъ сомнительную цѣнность. Душа же ребенка сравнительно проста и потому представляетъ богатое поле для плодотворныхъ опытовъ; это обнаруживается въ реакціяхъ ребенка на сильный раздраженія напр. на яркіе цвѣта, о чемъ рѣчь будетъ ниже.

При этомъ неполномъ обзорѣ преимуществъ дѣтской психологіи слѣдуетъ, однако, указать на опасности злоупотребленія ею. Эти опасности вполне реальны. Самая простота, которая повидимому характеризуетъ жизнь ребенка, часто бываетъ крайне обманчива, вслѣдствіе того, что она иногда имѣетъ двоякій смыслъ. Два дѣйствія ребенка могутъ показаться въ одинаковой степени простыми; но одно изъ нихъ можетъ быть приспособленнымъ дѣйствіемъ, выученнымъ съ большимъ трудомъ и въ дѣйствительности очень сложнымъ, въ то время, какъ другое изъ нихъ не является

результатомъ приспособленія и въ дѣйствительности будетъ простымъ. Дѣти замѣчательно различаются между собою въ силу закона наследственности даже въ простѣйшихъ проявленіяхъ ихъ сознательной жизни. Никогда нельзя сказать безъ ограниченія: „Данный ребенокъ сдѣлалъ это, слѣдовательно, и всѣ дѣти должны сдѣлать то же“. Самое большее, что мы можемъ сказать при изученіи отдѣльныхъ дѣтей, это слѣдующее: „Данный ребенокъ сдѣлалъ, слѣдовательно, другой ребенокъ можетъ сдѣлать“.

Говоря болѣе конкретно, слѣдующія замѣчанія могутъ быть полезными для тѣхъ, кто имѣетъ намѣреніе наблюдать дѣтей.

1. Во-первыхъ, мы не можемъ точно установить какой-нибудь моментъ въ исторіи развитія ребенка, когда тотъ или иной умственный процессъ получаетъ свое начало. Отмѣчаемая въ настоящее время въ обширныхъ размѣрахъ наблюденія, которыя раньше приводились какъ бы для указанія того, что первый, второй и т. д. годъ приноситъ съ собою такіе-то и такіе-то новые факты развитія, стремятся, наоборотъ, указать, что никакія такія подраздѣленія не подтверждаются въ сколько-нибудь строгомъ смыслѣ. Какъ и во всякомъ другомъ органическомъ ростѣ, нервная система можетъ развиваться скорѣе при болѣе благопріятныхъ условіяхъ и медленнѣе при менѣе благопріятныхъ, и ростъ духовной дѣятельности въ большой мѣрѣ зависитъ отъ роста мозга. Только въ очень широкихъ предѣлахъ могутъ быть вообще намѣчены какіе либо періоды,

2. Возможность возникновенія извѣстнаго умственнаго состоянія въ опредѣленное время непременно должна быть отличаема отъ необходимости такого возникновенія. Указаніе на одинъ непреложно установленный фактъ можетъ быть рѣшающимъ возраженіемъ только противъ теоріи, по которой при данныхъ условіяхъ не могло быть даннаго факта. Напримѣръ, очень раннія приспособленныя движенія младенца при полученіи пищи не могутъ быть объяснены умомъ или волей; остается все-таки открытымъ вопросъ, чѣмъ объясняется ихъ присутствіе, т. е. въ какой степени необходимо для этого нервное развитіе, въ какой степени нужна опытность и т. д. Не мѣшаетъ подчеркнуть тотъ фактъ, что одного случая можетъ быть достаточно, чтобы перевернуть цѣлую теорію, но очень рѣдко условія оказываются настолько простыми, чтобы одинъ случай могъ оказаться рѣшающимъ при установленіи теоріи.

3. Изъ самаго принципа роста слѣдуетъ, однако, что порядокъ развитія главныхъ душевныхъ функций всегда одинъ и тотъ же, и что въ нормальномъ видѣ онъ свободенъ отъ большихъ колебаній; вслѣдствіе этого, самыми плодотворными изъ наблюденій надъ ребенкомъ являются тѣ, которыя устанавливаютъ что такое-то дѣйствіе было у него на лицо раньше, чѣмъ другое. Въ концѣ концовъ дѣйствія становятся настолько сложными, что уже кажется невозможнымъ опредѣлить какой изъ душевныхъ процессовъ являлся раньше или позже; но если въ ростѣ ребенка наблюдаются такія состоянія, когда извѣстный процессъ очевидно вполне отсутствуетъ, то это сразу можетъ пролить свѣтъ на законы роста. Возьмемъ примѣръ: если рѣшительно установленъ хотя бы одинъ случай, что ребенокъ получаетъ знанія раньше, чѣмъ онъ научился употреблять слова или означающіе что-нибудь голосовые звуки, то этотъ одинъ случай не хуже, чѣмъ цѣлая тысяча другихъ, можетъ показать, что мысль можетъ въ нѣкоторой степени развиваться независимо отъ разговорной рѣчи.

4. Хотя наиболѣе непосредственные результаты получаются изъ систематическихъ опытовъ, строго направленныхъ къ опредѣленной цѣли, тѣмъ не менѣе общія наблюденія, тщательно собранныя компетентными лицами, важны вслѣдствіе тѣхъ общихъ выводовъ, къ какимъ въ концѣ концовъ можетъ привести большое число ихъ. Здѣсь, какъ и повсюду, самое важное

заключается въ массѣ опытовъ. Такія наблюденія должны были бы обнимать все, что касается ребенка: его движенія, крики, импульсы, сонъ, сновидѣнія, личныя предположенія, мускульныя усилія, попытки выраженія, игры и т. д.,—и должны были бы заноситься въ правильный дневникъ по мѣрѣ того, какъ они дѣлаются.

Что важно и что не важно, это, какъ я уже говорилъ, слѣдуетъ научиться различать; въ высшей степени желательно, чтобы всякій кто имѣетъ въ виду такія наблюденія, ознакомился предварительно съ основами общей психологій и физиологій и обратился за практическими указа- ниями къ опытному наблюдателю.

Все-таки многія изъ наблюденій, которыя мы имѣемъ въ этой области, сдѣланы были средними матерями, которыя еще меньше понимаютъ въ человѣческомъ тѣлѣ, чѣмъ въ лунѣ или дикихъ цвѣтахъ; средними отцами, которые видятъ своего ребенка часъ въ день, и которые за всю свою жизнь ни разу не спали въ одной комнатѣ съ нимъ; людьми, которые никогда не слыхали о разницѣ между рефлексивными и волевыми дѣйствіями, или между нервнымъ приспособленіемъ и сознательнымъ выборомъ. Разница между средней матерью и психологомъ заключается въ слѣдующемъ: у нея нѣтъ никакихъ теорій, у него есть; онъ не имѣетъ интересовъ въ данномъ дѣлѣ, она имѣетъ. Она можетъ воспитать дюжину дѣтей и не сумѣетъ сдѣлать хоть одно надежное наблюденіе; онъ можетъ по одному звуку годовалого ребенка подтвердить теоріи невролога и воспитателя, важныя для дальнѣйшаго воспитанія и благополучія ребенка.

Что касается опытовъ съ дѣтьми, то ихъ предпринимать слѣдуетъ только психологу. Связь между тѣломъ и душой такъ тѣсна въ дѣтствѣ, простое животное можетъ дѣлать такъ много напоминающаго разумное дѣйствіе, а дитя такъ беспомощно передъ дѣйствіемъ инстинкта, импульса и внѣшней необходимости, что задача чрезвычайно трудна,—мы уже не говоримъ ничего о крайней нѣжности и чувствительности развивающагося дѣтскаго духа. Однако нѣкоторые производятъ опыты! Каждый разъ, когда мы посылаемъ ребенка изъ дому въ школу, мы подвергаемъ его опыту очень серьезнаго и даже тревожнаго свойства. Онъ попадаетъ въ руки учителя, который очень часто не только бываетъ недостаточно уменъ, чтобы наставить ребенка „на путь истины“, но просто является машиной для производства одного и того же опыта надъ безконечнымъ разнообразіемъ дѣтей. Безусловно вѣрно, что масса дѣтей получаетъ непоправимый вредъ и задерживается въ своемъ умственномъ и нравственномъ развитіи, благодаря школѣ; однако, мы совсѣмъ не можемъ быть увѣрены въ томъ, что дома дѣло съ ними обстояло бы лучше. Съ дѣтьми производится такая масса опытовъ и при томъ такъ неразумно, что небольшой преднамѣренный опытъ, руководимый дѣйствительнымъ знаніемъ и психологическими свѣдѣніями, могъ бы только принести имъ пользу.

Способы производства опытовъ надъ дѣтьми. При попыткахъ поставить практическое изслѣдованіе такихъ вопросовъ, какъ степень памяти, распознаванія, ассоціацій и т. д., присущихъ младенцу, всегда встрѣчалось значительное препятствіе къ пониманію звуковыхъ и другого рода отвѣтныхъ дѣйствій ребенка. Конечно, единственный путь изученія дѣтской души заключается въ наблюденіи выражений: выражений лица, выражений рѣчи, звуковыхъ, мускульныхъ; и за первымъ вопросомъ „Что сдѣлалъ ребенокъ?“—долженъ слѣдовать второй: „Что означало это дѣйствіе?“ Этотъ второй вопросъ является болѣе труднымъ, требующимъ большихъ знаній и глубины взгляда. Само собой очевидно при поверхностномъ взглядѣ, что чѣмъ дальше мы уходимъ въ жизни ребенка отъ простыхъ наслѣдственныхъ или рефлексивныхъ отвѣтныхъ дѣйствій, тѣмъ

сложнѣе становятся процессы и тѣмъ труднѣе становится анализировать ихъ и прійти къ вѣрной картинѣ умственного состоянія, обуславливающего ихъ.

Чтобы иллюстрировать эту запутанность, я могу привести одинъ изъ немногихъ вопросовъ, которые психологи пытались рѣшить при помощи опытовъ надъ дѣтьми: именно, опредѣленіе порядка появленія у ребенка воспріятія различныхъ цвѣтовъ. Первоначально опыты въ этомъ направленіи состояли въ томъ, что ребенку показывали различные цвѣта, и онъ долженъ былъ говорить ихъ названія; результаты выражались въ процентномъ отношеніи числа вѣрныхъ отвѣтовъ ко всему числу отвѣтовъ. Въ настоящее время эти опыты заключаютъ въ себѣ по крайней мѣрѣ, четыре вопроса, и результаты не даютъ абсолютно никакого повода къ ихъ раздѣленію. Эти вопросы суть: 1. Различеніе ребенкомъ различныхъ цвѣтовъ, одновременно показанныхъ ему, и въ связи съ этимъ степень развитія глазъ для цвѣтовыхъ ощущеній. 2. Способность ребенка узнать цвѣтъ, послѣ того, какъ онъ однажды видѣлъ его. 3. Ассоціація между цвѣтомъ, видимымъ ребенкомъ, и услышаннымъ словомъ или воспоминаніемъ рѣчи, благодаря которой сознаниемъ усваивается соответствующее данному цвѣту названіе. 4. Одинаковая легкость въ произношеніи различныхъ названій цвѣтовъ, которые онъ распознаетъ. Есть еще затрудненіе въ томъ, что каждый процессъ, сопровождающійся ассоціаціей идей, разнообразенъ, какъ сама жизнь ребенка. Одинъ уже фактъ, что способность рѣчи появляется много позже того, какъ начинаютъ различаться предметы и нѣкоторые цвѣта, можетъ указывать на то, что результаты, полученные по этому способу, имѣютъ очень малую цѣнность, если имѣтъ въ виду рѣшеніе вопроса о появленіи перваго представленія о цвѣтахъ.

Четвертый указанный выше пунктъ является дѣйствительно источникомъ запутанности. Это очевидно изъ того факта, что дѣти понимаютъ многія слова, которыя могутъ произнести лишь съ трудомъ. Когда это было принято въ соображеніе, явилась вторая фаза въ развитіи даннаго вопроса. Ребенку называли какой-нибудь цвѣтъ, а онъ долженъ былъ выбрать его. Это дало результаты, отличные отъ полученныхъ при первомъ методѣ; при первомъ методѣ синій и красный цвѣта занимали первое мѣсто въ ряду правильныхъ отвѣтовъ; при второмъ же — желтый явился первымъ, а синій почти послѣднимъ въ ряду.

Дальнѣйшее возраженіе, заключающееся въ томъ, что цвѣта различались прежде, чѣмъ ихъ названія были выучены, и что слова могли быть перепутаны ребенкомъ, вызвало появленіе того, что можетъ быть названо третьей фазой въ постановкѣ вопроса. Методъ „распознаванія“ занялъ мѣсто метода „называнія“. Этотъ методъ состоитъ въ томъ, что ребенку показываютъ окрашенный дискъ, не называя его цвѣта, и предлагаютъ выбрать тотъ же цвѣтъ изъ ряда другихъ окрашенныхъ дисковъ.

Это приводитъ послѣдній вопросъ къ второму изъ перечисленныхъ выше. Это—обычный методъ испытанія относительно цвѣтовой слѣпоты, при которой, вслѣдствіе недостатковъ зрѣнія, нѣкоторые цвѣта совсѣмъ не могутъ быть восприняты. Онъ очень хорошо отвѣчаетъ данной цѣли, такъ какъ все, что намъ нужно узнать въ случаѣ матроса или сигнальщика, это—умѣетъ ли онъ различать данный сигналъ при его повтореніи, то есть, знаетъ ли онъ, что цвѣта, воспринимаемые имъ въ данную минуту какъ красный и зеленый, является тѣми самыми, которые и раньше воспринимались имъ какъ красный и зеленый? Но очевидно, что есть еще болѣе основной вопросъ въ данномъ дѣлѣ—настоящій вопросъ о воспріятіи цвѣта. Вполнѣ возможно, что дитя можетъ не распознавать отдѣльный цвѣтъ въ то время, какъ прекраснѣйшимъ образомъ узнаетъ различные цвѣта

помѣщенные одинъ подлѣ другого. Последній вопросъ, поэтому, представляется такъ: когда ребенокъ получаетъ различныя цвѣтотыя ощущенія (а не распознаванія), и въ какомъ порядкѣ?

Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, казалось бы слѣдуетъ производить опыты надъ дѣтми самаго младшаго возраста. Описанные же выше результаты были всѣ получены лишь послѣ того, какъ дѣти уже порядочно научились говорить.

Идя навстрѣчу этому требованію, можно примѣнять другой методъ, приложимый къ дѣтямъ, не достигшимъ даже еще года отъ роду. Цвѣта показываються ребенку такимъ образомъ, чтобы побудить дитя потянуться за ними. Этотъ методъ такого свойства, что представляетъ возможность ряда опытовъ, результаты которыхъ выражаются въ наиболѣе основныхъ движеніяхъ малютки; онъ можетъ быть легко и просто примѣняемъ и прилагаетъ въ очень широкихъ предѣлахъ. Движенія руки ребенка почти идеальны въ этомъ отношеніи. Рука отражаетъ первыя чувства ребенка, и становится наиболѣе подвижнымъ и послушнымъ органомъ его воли, исключая органовъ рѣчи. Мы находимъ произвольныя движенія руки и висти, рефлексивныя движенія, отталкивающія движенія, схватывающія, подражательныя движенія, волевыя усилія,—всѣ они по порядку отражаютъ развитіе души.

Чтобы иллюстрировать этотъ методъ, я приведу нѣкоторые изъ полученныхъ мною результатовъ въ вопросахъ воспріятія цвѣтовъ и разстояній и въ вопросѣ употребленія правой руки ребенкомъ.

Воспріятіе разстоянія и цвѣта. Въ началѣ девятаго мѣсяца отъ рожденія моей дочери Г. я предпринялъ рядъ опытовъ съ нею съ цѣлью опредѣлить точное состояніе ея цвѣтовыхъ впечатлѣній и изучить ея чувство разстоянія. Приспособленія состояли въ этомъ случаѣ въ томъ, что ей придано было удобное сидячее положеніе, поддерживаемое лентой, обхватывающей ея грудь и прикрѣпленной къ спинкѣ стула. Ея руки были оставлены голыми и совсѣмъ свободными въ своихъ движеніяхъ. Передъ нею выставлялись кусочки бумаги различныхъ цвѣтовъ на различныхъ разстояніяхъ спереди, справа и слѣва. Это регулировалось при помощи особой рамки, состоящей изъ горизонтальной полосы, раздѣленной на дюймы, отходящей отъ спинки на высотѣ плеча дѣвочки и параллельной ея рукъ, вытянутой впередъ; къ этой полосѣ прикрѣплена подъ прямымъ угломъ вторая, тоже раздѣленная на дюймы, такимъ образомъ, что она представляетъ впереди дѣвочки горизонтальную линію, параллельную линіи, соединяющей ея плечи, и слѣдовательно, находящуюся на равныхъ разстояніяхъ отъ обѣихъ рукъ. Эта вторая полоса можетъ передвигаться вдоль первой, такъ что ее можно установить на любомъ разстояніи отъ ребенка. На второй полосѣ послѣдовательно помѣщались цвѣтные кружки и т. п., съ цѣлью побудить ребенка потянуться за ними. Не утомляя дѣвочки, я нашелъ, что вслѣдствіе пріятныхъ мелочей, которыми были обставлены опыты, вся процедура доставляла ей много удовольствія и сдѣлалась однимъ изъ любимыхъ ежедневныхъ занятій. Послѣ каждаго сеанса она получала какого-нибудь рода награду. Я даю здѣсь результаты 217 опытовъ на цвѣта и на разстояніе. Изъ нихъ 111 опытовъ было произведено съ пятью цвѣтами, и 106 съ обыкновенной газетной бумагой, выбранной какъ сравнительно нейтральный объектъ, не имѣющей цвѣтовой цѣнности и не вызывающей у ребенка ассоціацій.

Цвѣта. Въ порядкѣ привлекательности цвѣта располагаются такъ—синій, красный, бѣлый, зеленый и бурый. Если оставить въ сторонѣ бѣлый, разница между синимъ и краснымъ очень незначительна сравнительно съ разницей между какими-либо двумя другими цвѣтами. Это подтверждаетъ

результаты второго метода описаннаго выше. Испробованный такимъ способомъ бурый цвѣтъ оказался для моего ребенка почти безразличнымъ. Подобное же равнодушіе къ бурому цвѣту было замѣчено и другими. Съ другой стороны, бѣлый оказался привлекательнѣе зеленаго. Жалѣю, что въ мой списокъ не былъ включенъ желтый цвѣтъ. Газетная бумага на доступномъ для руки разстояніи (9—10 дюймовъ) и немножко дальше (до 14 дюймовъ) оказалась привлекательной, какъ средній изъ указанныхъ цвѣтовъ и даже больше, почти какъ красный; но это, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что опыты съ газетной бумагой были поставлены уже послѣ порядочнаго числа опытовъ съ цвѣтами, когда у ребенка уже успѣла выработаться болѣе точная ассоціація между раздражителемъ (цвѣтной бумагой) и его разстояніемъ. На разстояніи 15 дюймовъ и болѣе, дитя отказывается тянуться къ газетной бумагѣ въ 93 случаяхъ изъ ста, за синимъ—только въ 75, а за краснымъ въ 83 процентахъ всѣхъ случаевъ.

Разстояніе. Что касается разстоянія, то дѣвочка упорно отказывалась тянуться за чѣмъ-либо, поставленнымъ на разстояніи 16 или болѣе дюймовъ отъ нея. На разстояніи 15 дюймовъ она отказывалась въ 91 процентѣ всѣхъ случаевъ, въ 90 проц. цвѣтныхъ случаевъ, и, какъ я уже сказалъ, въ 93 проц. случаевъ съ газетной бумагой.

На меньшихъ разстояніяхъ мы находимъ удивительное постоянство, съ которымъ дѣйствуетъ ассоціація доступнаго разстоянія въ этомъ раннемъ возрастѣ. На разстояніи 14 дюймовъ дѣвочка отказывалась только въ 14 проц. всѣхъ случаевъ, а на разстояніи 13 дюймовъ—только въ 7 проц. При 11 и 12 дюймахъ процентъ отказовъ оказался больше, чѣмъ при 13 и 14, но это объясняется тѣмъ, что на разстояніи 11 и 12 дюймовъ фигурировалъ бурый цвѣтъ, отъ котораго дѣвочка отказывалась все время, пока онъ находился на разстояніи, превышающемъ 10 дюймовъ. Тотъ фактъ, что не было ни одного отказа потянуться за предметами на доступномъ рукѣ разстояніи въ 10 дюймовъ (другіе привлекательные предметы въ это время убирались), доказываетъ двѣ вещи: 1) очень точное зрительное опредѣленіе разстоянія, опредѣляемаго вытянутой рукой и 2) большое постоянство въ этомъ возрастѣ явленія движущаго внушенія, на которомъ основанъ этотъ методъ изученія ребенка, и къ которому мы еще обратимся ниже. Въ отношеніи перваго пункта замѣтимъ, что дитя не начинаетъ тянуться за чѣмъ-либо раньше, чѣмъ приблизительно на четвертой или на шестой недѣлѣ; такимъ образомъ, очевидно, съ какой замѣчательной быстротой всѣ эти неясные факторы, какъ форма, перспектива, свѣтъ и тѣни и т. д., дающіе глазу понятіе о разстояніи, ассоціируются съ движеніями руки, направленными къ схватыванію.

Описанный методъ, прилагаемый съ соответственными предосторожностями, избавляетъ отъ многихъ затрудненій, встрѣчаемыхъ другими. Однако, правильное примѣненіе его должно удовлетворять требованіямъ, которыми нельзя пренебрегать тому, кто берется производить опыты съ маленькими дѣтьми.

Во-первыхъ, ребенокъ очень воспримчивъ къ переменамъ, новизнѣ, случаю, или счастливому внушенію, и часто неудача въ полученіи отъ него отвѣтныхъ на возбужденіе дѣйствій объясняется какимъ-нибудь развлекающимъ явленіемъ или неудобствомъ—скорѣе, чѣмъ отсутствіемъ внутренняго интереса. Далѣе, усталость также является факторомъ большой важности. Въ отношеніи усталости слѣдуетъ замѣтить, что первые признаки безпокойства или нѣсколько ослабленнаго интереса къ ряду раздражителей являются достаточнымъ предостереженіемъ, и тогда слѣдуетъ прекратить дальнѣйшіе опыты. Часто ребенокъ бываетъ въ состояніи не-

расположенности или легкой нервной раздражительности и т. п.; это должно быть предварительно проверено, и при наличии таких признаков никакие опыты не должны предприниматься. Никогда не слѣдуетъ производить сразу больше трехъ опытовъ, не перемежая положенія ребенка или не успокаивая его вниманіе пѣсней, забавой и т. д., чтобы освѣжить ребенка еще для нѣсколькихъ опытовъ. Далѣе, одинъ и тотъ же раздражитель, напр., цвѣтъ, не долженъ быть повторенъ два раза безъ перемѣны, такъ какъ порывъ и подвижность ребенка въ нѣкоторой степени удовлетворяется первымъ же усиліемъ, и необходима новая вещь, чтобы пробудить его въ полной мѣрѣ. Послѣ одной или двухъ попытокъ ребенка слѣдуетъ дать ему на минутку подержать предметъ, за которымъ онъ тянулся, или поиграть съ нимъ, иначе ребенокъ скоро пойметъ, что все дѣло сводится къ «мукамъ Танталя». Во всѣхъ этихъ случаяхъ очень многое зависитъ отъ знанія и вниманія человѣка, производящаго опытъ, и отъ его умѣнья все время держать ребенка въ нормальномъ положеніи пріятныхъ мускульныхъ ощущеній.

При опытахъ съ цвѣтами, для полученія точныхъ результатовъ необходимы нѣкоторыя условія. Не должны ли выбранные цвѣта имѣть одинаковую чистоту, силу, яркость, быть одинаково освѣщены и т. д.? Въ отношеніи этихъ качествъ цвѣта, я думаю, что достаточна та степень осторожности, которую даетъ разумное сравнительное сужденіе. Цвѣта приблизительно одинаковой яркости, безъ блеска, относительно очевидной спектральной чистоты, при постоянномъ освѣщеніи,—вотъ все, что нужно. Измѣненія вслѣдствіе болѣе грубыхъ, указанныхъ выше факторовъ, какъ состояніе вниманія, физическое безпокойство, развлекающій шумъ и развлекающія явленія и т. д.,—имѣютъ гораздо больше вліянія, чѣмъ какое-нибудь изъ этихъ слабыхъ измѣненій въ раздражителѣ. Сила и яркость цвѣтовъ, однако, несомнѣнно важны. Осмотрительно выбирая комнату съ почти постояннымъ дневнымъ освѣщеніемъ и производя опыты въ одинъ и тотъ же часъ ежедневно, можно получить довольно правильную степень яркости освѣщенія, если только сами цвѣта одинаково ярки; блескъ можетъ быть устраненъ, если примѣнять окрашенные шерстяныя матеріи или цвѣтную пропускную бумагу. Въ описанныхъ выше опытахъ примѣнялась цвѣтная пропускная бумага. Отсутствіе желтаго цвѣта въ этихъ опытахъ объясняется тѣмъ, что нельзя было гдѣ-либо по сосѣдству достать удовлетворительную желтую бумагу.

Описанный методъ можетъ быть далѣе иллюстрированъ слѣдующими опытами, направленными къ изученію употребленія правой руки малолѣтнимъ ребенкомъ.

Происхожденіе предпочтенія дѣйствовать правой рукой. Вопросъ «почему мы дѣйствуемъ преимущественно правой рукой или почему иногда являемся лѣвшой?» занималъ умственные способности очень многихъ людей. Онъ снова выдвинулся въ послѣдніе годы, благодаря успѣхамъ, сдѣланнымъ общей физиологіей нервной системы, и мы теперь несомнѣнно находимся въ болѣе благопріятныхъ, чѣмъ раньше, условіяхъ, чтобы опредѣленнымъ образомъ поставить этотъ вопросъ и надѣяться разрѣшить его. До настоящаго времени дѣйствительныя условія «правшества», если можно такъ назвать этотъ общій фактъ неодинаковой способности владѣть обѣими руками,—не наблюдались достаточно близко. Поэтому, необходимыя свѣдѣнія для нижеописанныхъ опытовъ пришлось извлекать изъ этихъ самыхъ опытовъ.

Моя дочь Г. помѣщалась въ удобной сидячей позѣ, и ея руки оставались голыми и свободными въ своихъ движеніяхъ, такъ что онѣ могли хватать предметы, помѣщавшіеся отъ нея на разстояніяхъ, опредѣляв-

шихся при помощи уже описаннаго приспособленія изъ скользящихъ полосъ. Опыты производились ежедневно въ одинъ и тотъ же часъ въ продолженіе періода, продолжавшагося отъ ея четвертаго до десятаго мѣсяца отъ роду. Эти опыты имѣли тщательно выработанный планъ, и ихъ цѣлью являлась провѣрка нѣсколькихъ гипотезъ, поверхностныхъ для человѣка, изучавшаго физиологію, но все-таки часто встрѣчающихся въ книгахъ по этому предмету. Среди этихъ теорій могутъ быть указаны нѣсколько такихъ, для которыхъ мои опыты дали опредѣленные заключенія.

Часто утверждали, что у ребенка способность дѣйствовать правой рукой является вслѣдствіе того постояннаго способа ношенія его матерью или няней, при которомъ онъ можетъ дѣйствовать только одной остающейся свободной рукой, которая отъ постояннаго упражненія и становится сильнѣе другой. Эта теорія мало обоснована по отношенію къ ребенку. Если мать дѣйствуетъ правой рукой, то она будетъ постоянно носить ребенка на лѣвой, чтобы имѣть возможность работать правой рукой. Незмѣнное стремленіе дѣлать именно такъ я видѣлъ не только у себя, но и у всѣхъ матерей или нянь, которыхъ мнѣ удалось наблюдать. Но при такомъ способѣ ношенія остается свободной какъ разъ лѣвая рука ребенка, и слѣдовательно, у матери, дѣйствующей правой рукою, ребенокъ долженъ былъ бы оказаться лѣвшой! Или если наоборотъ, мать или няня лѣвша, то ребенокъ будетъ имѣть стремленіе дѣйствовать преимущественно правой рукой. Или если, какъ это имѣетъ мѣсто въ цивилизованныхъ странахъ, няни въ широкой мѣрѣ замѣняютъ матерей, то необходимо было бы, чтобы большинство нянь было лѣвшами для того, чтобы у большинства дѣтей было стремленіе работать правой рукой. Ни одно изъ этихъ заключеній не вѣрно. Кромѣ того, налицо имѣется фактъ, что дитя держится обѣими руками, какъ бы его ни держала няня.

Другая теорія утверждаетъ, что развитіе способности дѣйствій правой рукой объясняется неодинаковымъ вѣсомъ правой и лѣвой половинъ тѣла, вслѣдствіе чего возникаетъ напряженіе, дающее упражненіе и развитіе одной половинѣ. Очевидно, эта теорія предполагаетъ, что дѣти не дѣлаютъ различія между правой и лѣвой рукой, пока они еще не научились стоять. Результаты моихъ опытовъ, приведенные ниже, доказываютъ ложность этой теоріи. Далѣе, говорятъ, что дѣти приобретаютъ привычку дѣйствовать преимущественно правой рукой вслѣдствіе того, что слишкомъ много лежатъ на одномъ и томъ же боку во время сна; что это имѣетъ мало значенія можетъ быть обнаружено, если даже принять предосторожность класть ребенка спать попеременно на одинъ и на другой бокъ.

Въ опытахъ съ маленькой дочерью Г. были тщательно соблюдаемы нѣкоторыя предосторожности. Ее никогда не носили на рукахъ, съ нею не начинали ходить, когда она кричала или не могла заснуть; часто повертывали съ бока на бокъ во время сна; ей не позволяли пробовать держаться на ногахъ до болѣе поздняго періода, а къ тому времени опыты уже были окончены. Такимъ образомъ условія того періода, когда вырабатывается способность дѣйствовать преимущественно правой рукой были сдѣланы насколько возможно простыми и однообразными.

Въ число опытовъ, кромѣ схватыванія цвѣтныхъ бумажекъ, входило схватываніе другихъ предметовъ, расположенныхъ на большемъ или меньшемъ разстояніи и въ несимметричныхъ направленіяхъ. Я даю здѣсь нѣкоторыя детали результатовъ опытовъ, при которыхъ употреблялись простые предметы; эти опыты производились въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, съ пятаго по девятый мѣсяць отъ роду. Число опытовъ въ каждомъ сеансѣ было отъ десяти до сорока, при чемъ послѣ половины каждаго ряда опы-

товъ измѣнялось положеніе ребенка относительно свѣта отъ оконъ, положенія наблюдателя и т. д.

Никакого слѣда предпочтенія дѣйствій какой-либо одной рукой не было обнаружено въ этотъ періодъ; нейтральность была настолько полна, какъ если бы все было намѣренно устроено.

Тогда у меня явилась мысль, что можетъ быть бѣльшее разстояніе окажетъ вліяніе на результаты и обнаружить несомнѣнное предпочтеніе дѣйствій одной рукой, а не другой. Поэтому, я помѣстилъ предметъ на пятнадцать дюймовъ отъ ребенка. Въ результатѣ явилось сильное напряженіе со стороны дѣвочки со всѣми признаками физическаго усилія (прерывистое дыханіе вслѣдствіе напряженія гортани, покраснѣніе лица отъ прилива крови къ головѣ). Число опытовъ каждаго ряда было предумышленно сдѣлано очень не большимъ (отъ одного до двѣнадцати) чтобы избѣжать утомленія.

Результаты оказались очень интересными. Въ теченіе мѣсяца, окончившагося 15-го іюня, дѣвочка не обнаруживала особеннаго предпочтенія въ пользованіи какой-нибудь одной рукой на легко доступномъ разстояніи въ десять дюймовъ или только легкой перевѣсъ въ пользу лѣвой руки; въ то же время она въ замѣтной степени отдавала предпочтеніе правой рукѣ при движеніи, требовавшемъ усилія или напряженія, какъ, напр., при схватываніи предметовъ на разстояніи отъ двѣнадцати до пятнадцати дюймовъ. На этихъ большихъ разстояніяхъ лѣвая рука дѣйствовала только въ пяти случаяхъ противъ семидесяти четырехъ случаевъ употребленія правой руки; всѣ эти пять случаевъ относились къ разстоянію въ двѣнадцать дюймовъ, на большихъ же разстояніяхъ на сорокъ пять случаевъ дѣйствія правой рукой не пришлось ни одного случая дѣйствія лѣвой.

Чтобы дальше провѣрить это, я перемѣщаль предметъ влѣво и вправо, имѣя, такимъ образомъ, цѣлю привлечь руку на ту или другую сторону и опредѣлить, ограничивается ли это предпочтеніе дѣйствія правой руки удобствомъ достиженія предмета.

Отклоненіе предмета влѣво передъ ребенкомъ вызывало только бѣльшее напряженіе правой руки и бѣльшее бездѣйствіе лѣвой. Повидимому, это доказываетъ, что предпочтеніе правой руки не произошло отъ употребленія каждой руки для дѣйствій, находящихся въ наибѣлье доступной для нея области. Правая рука регулярно врывалась въ область, бѣлье доступную лѣвой рукѣ.

Исходя изъ полученныхъ такимъ образомъ, данныхъ, которыя, повидимому, устанавливають, что на предпочтеніе дѣйствій одной рукой имѣетъ вліяніе раздраженіе глаза, я ввелъ наблюденіе руки въ рядъ уже указанныхъ выше опытовъ надъ воспріятіемъ различныхъ цвѣтовъ ребенкомъ, полагая, что цвѣтной раздражитель, дающій ребенку сильное побужденіе схватить его, можетъ доставить такія же данныя для рѣшенія вопроса о предпочтительномъ употребленіи правой руки, какъ и увеличенное разстояніе. Результаты отвѣтовъ подтвердили мое предположеніе.

Слѣдуетъ добавить, что во всѣхъ случаяхъ, когда одновременно дѣйствовали обѣ руки, каждая изъ нихъ вызывалась въ дѣйствіе, повидимому, независимо отъ другой, обѣ двигались приблизительно въ одно и то же время, и обѣ энергично стремились къ цѣли. Во многихъ другихъ случаяхъ, въ которыхъ дана въ результатахъ правая или лѣвая рука, другая рука тоже двигалась, но какимъ-то подчиненнымъ безцѣльнымъ образомъ. Замѣтная разницца была между употребленіемъ обѣихъ рукъ въ однихъ случаяхъ и употребленіемъ одной руки, сопровождаемымъ движеніемъ другой; въ другихъ случаяхъ очень рѣдко наблюдалось, чтобы дѣйствіе одной руки не сопровождалось такимъ ненужнымъ движеніемъ другой; это особенно было замѣтно во

время сильныхъ стремленій схватить предметъ, когда примѣнялась, главнымъ образомъ, правая рука. Такое движеніе почти неизмѣнно сопровождалось безцѣльнымъ и бесполезнымъ симметричнымъ движеніемъ другой руки.

Результаты всей серіи опытовъ могутъ быть изложены и сгруппированы такъ:

1. Я не нашелъ замѣтнаго предпочтенія въ пользу какой-нибудь руки до тѣхъ поръ, пока не дѣлалось большихъ мускульныхъ усилій (основываясь на 2.187 систематическихъ опытахъ надъ свободнымъ движеніемъ рукъ вблизи туловища; правой рукой—577 случаевъ, лѣвой—568, обѣими руками—1.042 случая; разница 9 настолько мала по сравнению съ общими числами, что врядъ ли можетъ имѣть значеніе); періодъ наблюденій продолжался съ шестого по десятый мѣсяць включительно.

2. При тѣхъ же условіяхъ, стремленіе примѣнять обѣ руки было приблизительно вдвое больше стремленія примѣнять одну (какъ видно изъ только что указаннаго числа случаевъ дѣйствія обѣими руками).

3. Ясное предпочтеніе употреблять правую руку при сильныхъ схватывающихъ движеніяхъ обнаружилось на седьмомъ и восьмомъ мѣсяцахъ. Опыты въ этомъ направленіи въ теченіе восьмого мѣсяца дали слѣдующіе результаты: изъ 80 случаевъ дѣйствія 74 были правой рукой, 5 случаевъ—лѣвой, и одинъ случай—обѣими. Это оказалось вѣрнымъ для двухъ очень различныхъ классовъ опытовъ: во-первыхъ, для попытокъ схватыванія предметовъ, нейтральныхъ, въ смыслѣ цвѣта (газетная бумага и т. п.), на разстояніи, превышающемъ доступное; во-вторыхъ, для схватыванія яркихъ цвѣтовъ на любомъ разстояніи. При цвѣтныхъ раздражителяхъ изъ 86 случаевъ 84 относятся къ правой рукѣ и только 2—къ лѣвой. Такимъ образомъ, предпочтеніе дѣйствовать правой рукой развилось подъ вліяніемъ мускульнаго усилія на шестомъ и седьмомъ мѣсяцахъ отъ роду и оказалось зависящимъ отъ вліянія сильного цвѣтнаго раздражителя на глазъ.

4. До этого времени ребенокъ еще не научился стоять или ползать; слѣдовательно, преимущественное развитіе одной стороны передъ другой не можетъ быть объяснено неодинаковымъ вѣсомъ правой и лѣвой половины тѣла. Такъ какъ до этого времени дѣвочка не научилась говорить или произносить членораздѣльные звуки, то мы можемъ сказать, что предпочтеніе дѣйствія той или другой рукой можетъ появиться у ребенка тогда, когда центры, управляющіе органами рѣчи, еще не начали функционировать. Далѣе, правая рука протягивается и за предметами, расположенными на лѣвой сторонѣ; это показываетъ, что ея дѣйствіе не объясняется привычкой схватывать предметы.

Теоретическія заключенія. При объясненіи этихъ фактовъ встрѣчаются нѣкоторыя интересныя частности. Если вѣрно то, что порядокъ возникновенія умственныхъ и физиологическихъ функций является постояннымъ, тогда въ данномъ вопросѣ результаты опытовъ надъ однимъ ребенкомъ, если они были правильно получены, должны быть вѣрны для всякаго ребенка, независимо отъ абсолютнаго времени опредѣленія. Слѣдовало бы ожидать, поэтому, чтобы эти результаты были подтверждены опытами надъ другими дѣтьми, и это былъ бы дѣйствительный способъ ихъ провѣрки.

Если бы при провѣркѣ они оказались правильными, то они служили бы достаточнымъ отвѣтомъ на нѣкоторыя сужденія изъ теорій о предпочтеніи правой руки, высказанныя до сихъ поръ. Происхожденіе явленія, поэтому слѣдуетъ искать въ болѣе глубокихъ фактахъ физиологіи чѣмъ тѣ, которые выдвинуты этими теоріями. Далѣе, если мы беремъ животныхъ, стоящихъ

ниже, чѣмъ человѣкъ, мы не находимъ аналогій съ явленіями того рода, которыя выставляются какъ причины предпочтенія правой руки: животныя не носятъ своихъ дѣтенышей, не укачиваютъ ихъ на сонъ грядущій, не пожимаютъ другъ другу руки при встрѣчѣ!

Полное изслѣдованіе привело бы насъ къ заключенію, что преимущественная дѣятельность правой руки объясняется разницей въ развитіи обоихъ полушарій мозга, что эта разница наследственна, и что она начинается обнаруживаться въ концѣ перваго года жизни.

Интересно то, что дѣятельность правой руки и человѣческая рѣчь управляются одной и той же половиной мозга и при томъ соприкасающимися мѣстами ея. Это могло бы быть объяснено (и съ другой стороны есть основаніе предполагать это по другимъ соображеніямъ), если бы мы нашли, что правая рука служила для выраженія мыслей прежде возникновенія рѣчи, и что рѣчь возникла черезъ дальнѣйшее развитіе въ мозгу того мѣста, которое управляетъ правой рукой. Музыкальное выраженіе имѣетъ свое мѣсто въ мозгу близъ той-же самой области.

Душевное развитіе ребенка вообще. Дѣйствительное развитіе ребенка, какъ указываютъ наблюденія, почерпнутыя изъ многихъ источниковъ, можетъ быть обрисовано весьма кратко въ его главныхъ чертахъ. Вѣроятно, первоначальное сознаніе представляетъ собою просто массу осязательныхъ и мышечныхъ ощущеній, испытанныхъ частью еще до рожденія. Вскорѣ послѣ рожденія ребенокъ начинаетъ связывать свои впечатлѣнія другъ съ другомъ и обнаруживать память. Но и память, и ассоціація еще очень слабы, и проявленія ихъ обусловливаются интенсивными стимулами, какъ-то: яркимъ свѣтомъ, сильнымъ шумомъ и т. п. Предметы наиболѣе дѣйствующіе на ребенка на этой ранней стадіи суть тѣ, которые причиняютъ ему сильное физическое страданіе или большое наслажденіе. Однако замѣчательно, что при рожденіи болевой рефлексъ отсутствуетъ. Вся жизнь ребенка приблизительно до четвертаго мѣсяца наполнена его органическими и растительными нуждами. Въ три мѣсяца ребенокъ можетъ забыть свою мать или кормилицу спустя очень немного дней. Вниманіе начинаетъ возникать къ концу первой четверти года, проявляясь сначала въ реакціи на яркій свѣтъ и громкіе звуки и будучи долгое время чисто-рефлекторнымъ, привлекаемымъ то туда, то сюда послѣдовательными впечатлѣніями, которыя производитъ окружающая среда. Однако, вмѣстѣ со свѣтомъ и звукомъ также и движенія начинаютъ привлекать вниманіе ребенка очень рано; и переходъ отъ рефлекторнаго вниманія къ чему-то вродѣ смутнаго интереса, повидимому, возникаетъ впервые въ связи съ движеніями окружающихъ людей. Этотъ интересъ продолжается весьма быстро развиваться во второе полугодіе, особенно въ связи съ движеніями, которыя ассоціируются съ благосостояніемъ ребенка или непріятностью для него. Ассоціація мышечныхъ ощущеній съ осязательными и зрительными служитъ для того, чтобы дать ему первыя ясныя указанія на положеніе частей его собственнаго тѣла и другихъ предметовъ. Различенію имъ того, что принадлежитъ его собственному тѣлу, вѣроятно, помогаетъ такъ называемое «двойное прикосновеніе»—тотъ фактъ, что когда онъ касается своего собственнаго тѣла, какъ при прикосновеніи рукой къ ногѣ, онъ получаетъ два ощущенія, одно въ ногѣ, другое въ рукѣ. Этого нѣтъ, когда онъ касается другихъ предметовъ, и онъ скоро узнаетъ разницу, получая смутное понятіе объ очертаніяхъ своего тѣла. Однако, знакомство съ тѣми частями тѣла, которыхъ онъ не можетъ видѣть, остается далеко позади. Движенія его конечностей при активномъ изслѣдованіи, сопровождаемыя зрѣніемъ, даютъ ему возможность создать свои познанія объ окружающемъ его мірѣ. Узнавъ это, онъ скоро принимается

«экспериментировать» надъ предметами въ пространствѣ. Такимъ путемъ, онъ начинаетъ распознавать, какъ вещи сочетаются между собою, и каково ихъ употребленіе.

Со стороны его движеній мы замѣчаемъ, что онъ проходитъ черезъ рядъ замѣчательныхъ приспособленій къ окружающему. Въ началѣ его движенія—въ значительной мѣрѣ случайные разряды энергіи, или рефлексы инстинктивнаго характера, какъ напримѣръ сосаніе. Но уже въ первый мѣсяць онъ проявляетъ зачатки приспособленія къ внушеніямъ, доставляемымъ повседневною жизнью, первые признаки пріобрѣтенной привычки. Онъ узнаетъ, когда и сколько времени ему дадутъ спать, когда и сколько ѣсть; онъ очень быстро распознаетъ особенное прикосновеніе и звуки голоса того или другого лица и дѣйствуетъ сообразно съ этими различіями. Онъ знакомится съ значеніемъ его рожка для пищи, начинаетъ понимать обычныя движенія людей по комнатѣ и результаты нарушенія ихъ порядка. Его шляпа, одѣяльце, колясочка становятся для него въ теченіе перваго полугодія признаками прогулки по улицѣ. Онъ уже перестаетъ качать головой, когда его держатъ прямо, и начинаетъ управлять своими естественными отправлениями. Замѣчательно во всѣхъ этихъ приспособленіяхъ то, что они совершаются раньше, чѣмъ у ребенка можно признать въ какомъ-либо смыслѣ волю, потому что, какъ было сказано, мозговія волокна, необходимыя для волевого дѣйствія—въ корнѣ полушарій—еще не образовались.

Использованіе этой необыкновенной способности къ приспособленію у очень маленькихъ дѣтей избавило-бы родителей отъ многихъ безпокойныхъ дней и безсонныхъ ночей. Практически нѣтъ ничего легче, какъ внушить ребенку какія угодно привычки поведенія днемъ—и ночью—если только за него приняты достаточно рано. Единственное, что требуется—это знаніе того, что полезно для него, и затѣмъ неизмѣнная регулярность во всемъ, что касается его. При такомъ обращеніи онъ дѣлается настолько-же твердымъ въ хорошемъ, насколько при противоположномъ—снисходительномъ или переменчивомъ—обращеніи онъ дѣлается упорнымъ въ дурномъ. Нѣтъ никакихъ основаній, чтобы съ нимъ ходили или держали его, чтобы его брали на руки, когда онъ плачетъ, чтобы его укачивали, когда онъ просыпается, или чтобы у него былъ свѣтъ ночью. Все, подобное этому—просто дурныя привычки, которыми родители обязаны самимъ себѣ. Ребенокъ приспособляется къ обращенію съ нимъ, и его привычки отражаютъ на себѣ именно это обращеніе.

Въ теченіе втораго полугодія—въ отдѣльныхъ случаяхъ ранѣе или позже—ребенокъ готовъ начать подражать. Съ этихъ поръ на нѣсколько слѣдующихъ лѣтъ подражаніе является самымъ характернымъ моментомъ въ его дѣйствіяхъ. Сначала онъ подражаетъ движеніямъ, затѣмъ звукамъ, въ особенности звукамъ голоса. Въ самомъ его подражаніи замѣчается прогрессъ; сначала это такъ называемое «простое подражаніе» (мы повторяемъ разграниченіе, о которомъ уже говорили въ главѣ о животныхъ), какъ, напримѣръ, когда ребенокъ лежитъ въ постели утромъ и повторяетъ все одинъ и тотъ-же звукъ. Онъ слышитъ свой собственный голосъ и подражаетъ ему. Въ подражаніи этого рода онъ просто даетъ волю своему инстинкту воспроизводить то, что онъ слышитъ, безъ всякаго воздѣйствія или вмѣшательства со своей стороны. Онъ не улучшаетъ, а просто производитъ все тѣ-же звуки съ тѣми-же ошибками. Но нѣсколько позже онъ начинаетъ такъ называемое «настойчивое подражаніе», «повторныя попытки», о которыхъ мы уже говорили. Это совсѣмъ другое дѣло. Настойчивое подражаніе неоспоримо обнаруживаетъ присутствіе воли. Ребенокъ не удовлетворяется простымъ подражаніемъ или повтореніемъ, будетъ-ли

оно хорошо или плохо по своимъ результатамъ. Онъ теперь видитъ свои ошибки, и стремится сознательно исправить ихъ. Прослѣдите за усиліями ребенка правильно сказать слово, подражая произношенію другихъ. Это ему удастся, и онъ постепенно подчиняетъ свои мышцы своей власти настойчивостью въ своихъ «повторныхъ попыткахъ».

Тогда онъ идетъ дальше—обыкновенно около начала второго года. Онъ приобретаетъ представленіе, что подражаніе—путь къ знанію, и обращаетъ всё свои усилія на экспериментально-производимое подражаніе. Теперь онъ готовъ изучить большинство главныхъ процессовъ, входящихъ въ составъ его дальнѣйшаго развитія. Чтеніе, письмо, тѣ или другіе спеціальныя навыки—все это изучается путемъ экспериментальнаго подражанія.

Примѣръ попытки ребенка рисовать или писать уже приводился. Онъ смотритъ на находящійся передъ нимъ предметъ; сильно сокращаетъ всё мышцы руки и кисти; вытягиваетъ языкъ, изгибаетъ свое тѣло, поджимаетъ ноги, задерживаетъ дыханіе и всячески сосредоточиваетъ свою энергію на копированіи образца. Во всемъ этомъ онъ экспериментировать.

Онъ производитъ массу движеній, изъ числа которыхъ постепенно, по мѣрѣ повторенія попытокъ, выбираются подходящія. Эти послѣднія онъ примѣняетъ, а излишнія отбрасываетъ, пока не приобрететъ надлежащей способности управлять рукою и кистью.— Или еще посмотрите, какъ ребенокъ, увидѣвъ, какъ кто-нибудь дѣлалъ это—пытается, самымъ грубымъ образомъ, надѣть резинку на конецъ карандаша,—(это какъ разъ такая вещь, какой любитъ подражать годовалый ребенокъ). Что за хаосъ бесполезныхъ движеній! Но при помощи повторныхъ усилій онъ все приближается къ цѣли, и наконецъ ему удается достичь ея.

Относительно дѣйствія въ дѣтской психологіи формулированы два принципа, оба иллюстрированные приведенными фактами и опытами. Одинъ—движущее внушеніе—какъ мы видѣли, является принципомъ психологіи вообще. Его важность для ребенка въ томъ, что посредствомъ него онъ образуетъ привычки, полезныя реакціи на окружающее, и такимъ образомъ избавляетъ себя отъ многихъ неприятныхъ промаховъ. Другой принципъ—подражаніе; посредствомъ него ребенокъ учится новымъ приемамъ и расширяетъ свои привычки. Примѣняя усиленно то, что онъ уже изучилъ посредствомъ экспериментальнаго подражанія, онъ постоянно измѣняетъ свои привычки и усваиваетъ новыя приспособленія. Эти-же два принципа господствуютъ и надъ жизнедѣятельностью взрослого человѣка.

Внушеніе понятія о личности. Можно привести еще рядъ фактовъ, чтобы иллюстрировать дѣйствіе внушенія, на этотъ разъ въ области воспріятія. Они важны, такъ какъ показываютъ успѣхи ребенка въ ознакомленіи съ главными чертами личности.

Одно изъ самыхъ замѣчательныхъ стремленій очень маленькаго ребенка, проявляющихся въ его реагированіи на окружающее, представляетъ собою стремленіе замѣчать различія личности. Онъ отвѣчаетъ на то, что было названо внушеніями личности. Уже на второй мѣсяцъ онъ различаетъ прикосновеніе своей матери или кормилицы въ темнотѣ. Онъ изучаетъ характерныя приемы держанія, бранья на руки, укачиванія, цѣлованія и приспособляется къ этимъ индивидуальнымъ различіямъ путемъ удивительной пунктуальности въ протестъ или подчиненіи. Его ассоціаціи личности оказываются настолько важными, что въ теченіе долгаго времени его удовольствіе или огорченіе зависитъ отъ присутствія извѣстнаго рода «внушеній личности». Это—вещь, совершенно отличная отъ поведенія ребенка по отношенію къ предметамъ, не являющимся личностями. Предметы становятся, за немногими исключеніями, связанными съ непосредственнымъ удовлетвореніемъ аппетита, все болѣе и болѣе несущественными; предметы

можно подвергнуть определенному обращению или воздействию. Но люди становятся все более важными, как непостоянные и властные дѣтели, причиняющіе удовольствіе или страданіе. Видимыя движенія людей, съ ихъ результатами для ребенка, повидимому, составляютъ самый важный факторъ въ этомъ особенномъ вліяніи; впоследствии голосъ означаетъ присутствіе извѣстнаго человѣка, и наконецъ лицо и его выраженіе соотвѣтствуетъ человѣку со всѣми его атрибутами.

Я думаю, что это различіе между людьми и вещами, между дѣтелями и предметами, составляетъ у ребенка самый первый шагъ по направленію къ чувству личности. Все сильнѣе и сильнѣе въ его сношеніяхъ съ людьми проявляется чувство неувѣренности — неувѣренности, возбуждаемой настроеніями, душевными волненіями, измѣненіемъ выраженія лица и различными оттѣнками въ обращеніи у окружающихъ его людей. Человѣкъ представляетъ собою для ребенка группу совершенно непостоянныхъ явленій. Этотъ періодъ мы можемъ, для краткости выраженія, считать его первымъ въ порядкѣ развитія, назвать «проективной» ступеню въ ростѣ сознанія личности у ребенка.

Начиная съ этого, ребенокъ постепенно доходитъ до полнаго сознанія, что такое личность. И когда мы прослѣдимъ ближе за его дѣйствіями, мы найдемъ по крайней мѣрѣ четыре ступени въ этомъ развитіи. Остановимся на нихъ нѣсколько подробнѣе, въ виду важности вопроса.

1. Первая важная вещь для него, какъ было сказано, есть движеніе. Первые попытки ребенка къ сосредоточенному вниманію направлены на движущіеся предметы — колеблющуюся штору, движущійся свѣтъ, поглаживаніе и т. п. II, болѣе того, движущіяся вещи скоро становятся болѣе, чѣмъ предметомъ любопытства; эти вещи — какъ разъ тѣ которыя доставляютъ ему удовольствіе или страданіе. Движеніе подаетъ ему рожокъ, движеніе приготовляетъ ванну, движеніе удобно одѣваетъ его, движеніе поетъ ему и укачиваетъ его передъ сномъ. Въ томъ комплексѣ ощущеній, который представляетъ для него кормилица, главная черта для него — немедленное удовлетвореніе или избавленіе отъ страданія — проявляется въ томъ, что движенія приходятъ къ нему на помощь. Измѣненіе въ его тѣлесныхъ ощущеніяхъ является существенной необходимостью для его жизни, такъ какъ этимъ измѣненіемъ обезпечивается ритмъ его органическаго существованія; и все это всегда сопровождается и обезпечивается присутствіемъ кого-то движущагося, кого онъ видитъ и ощущаетъ возлѣ себя. Это, я думаю, самое раннее размышленіе въ его сознаніи міра личностей, окружающаго его. На этой ступени «внушеніе личности» есть душевное состояніе, характеризуемое какъ ощущеніе удовольствія или страданія или движенія; на него онъ отвѣчаетъ улыбкой, крикомъ или тѣлодвиженіями. Несомнѣнно, эта ассоціація получаетъ часть своего значенія отъ другой, подобной ей, при которой движенія производятся самимъ ребенкомъ. При помощи движеній онъ избавляется отъ страданій и получаетъ удовольствія.

Многіе факты подтверждаютъ это положеніе. Моя дочь кричала въ темнотѣ, когда я бралъ ее на руки, хотя я подражалъ движеніямъ кормилицы какъ можно болѣе точно. Она терпѣла присутствіе незнакомаго человѣка, пока тотъ оставался спокойно на своемъ мѣстѣ; но двинься онъ, и въ особенности соверши какое-либо движеніе, связанное съ обязанностями матери или кормилицы — и начинался энергическій протестъ. Эти движенія стремились ввести чуждые элементы новаго лица въ жизненную ассоціацію: страданіе — движеніе — удовольствіе, и такимъ образомъ нарушить ея привычный ходъ; это и опредѣляло незнакомую «личность».

Поразительно, какіе новые случайные элементы могутъ войти въ эту

ассоціацію. Часть движенія, жестъ, особая манера кормилицы могутъ оказаться достаточными, чтобы дать увѣренность въ присутствіи желательнаго человѣка и удовольствіяхъ, доставляемыхъ этимъ присутствіемъ. Двѣ ноты моей пѣсни ночью служили признакомъ моего присутствія для Г., и ничье другое пѣніе не могло замѣнить ихъ. Зажженная спичка прекращала плачь Г., служившій требованіемъ пищи, когда ей шла четырнадцатая недѣля, хотя это было только сигналъ процесса приготовления пищи, продолжавшагося нѣсколько минутъ; а при другихъ обстоятельствахъ свѣтъ никогда не останавливалъ ея плача.

2. вмѣстѣ съ этимъ первымъ зачаткомъ чувства личности мы встречаемъ также начало распознаванія различныхъ личностей. Очевидно, что чувство присутствія другого, появляющееся такимъ образомъ въ сознаніи ребенка, основывается, какъ и всѣ ассоціаціи, на регулярности и повтореніи; его чувство ожиданія возбуждается, какъ только начинается цѣль событій. Это скоро сводится главнымъ образомъ къ двумъ указаніямъ: лицу и голосу. Но легко видѣть, что это — весьма скудное чувство личности; движущаяся машина, которая доставляла-бы пищу и облегчала-бы страданія, могла-бы произвести то-же дѣйствіе. Такимъ образомъ ребенокъ начинаетъ узнавать, сверхъ этого, что люди отличаются нѣкоторыми индивидуальными особенностями въ своемъ обращеніи съ нимъ; что ихъ индивидуальность содержитъ въ себѣ элементы непостоянства или нерегулярности. Ростъ этого чувства очень ясенъ для того, кто наблюдаетъ ребенка во второе полугодіе его жизни. Иногда мать даетъ ему бисквитъ, иногда — нѣтъ. Иногда отецъ улыбается и подбрасываетъ ребенка, иногда нѣтъ. Даже для добраго расположенія бабушки есть свои времена и сроки. Ребенокъ ищетъ признаковъ этихъ измѣняющихся настроеній и способовъ обращенія; вѣдь, его страданія отъ разочарованія возникаютъ непосредственно на основѣ прежняго чувства правильно повторяющихся признаковъ присутствія личности, изъ котораго развилось его ожиданіе.

Этотъ новый элементъ въ чувствѣ личности у ребенка становится, въ одинъ изъ періодовъ его развитія, руководящимъ. Его дѣйствія въ присутствіи домашнихъ становятся нерѣшительными и выслѣживающими. Особенно онъ слѣдитъ за лицомъ, отыскивая выразительныхъ указаній насчетъ того, какого обращенія ожидать; это потому, что выраженіе лица теперь является самымъ правильнымъ, а также и самымъ чувствительнымъ указаніемъ. Специальныя наблюденія надъ реакціями Г. на измѣненія въ выраженіи лица до возраста въ двадцать мѣсяцевъ обнаружили самую утонченную чувствительность къ этимъ различіямъ; и у всѣхъ нормальныхъ дѣтей наблюдается то же. Животныя также весьма опытны въ этомъ отношеніи.

Въ теченіе всего второго года жизни ребенка, и далѣе, его чувство окружающихъ его людей находится на этой ступени. Постоянное «почему?», которымъ онъ встрѣчаетъ всякое дѣйствіе, относящееся къ нему, или всякое свѣдѣніе, сообщаемое ему, свидѣлствуетъ о загадкѣ, какую представляетъ для него кажущаяся причудливость въ поступкахъ другихъ людей. Конечно, онъ не можетъ понять, «почему»; такимъ образомъ для него остается простой фактъ, что мама сдѣлаетъ или не сдѣлаетъ то или иное — онъ не знаетъ заранее, что изъ двухъ. Онъ неспособенъ предвидѣть обращеніе въ подробностяхъ, и, конечно, онъ не знаетъ никакихъ принциповъ для истолкованія поведенія отца или матери сообразно съ этими подробностями.

Но въ теченіе всего этого періода зарождается въ его сознаніи глубокая мысль, и эта самая неувѣренность является важнымъ элементомъ для нея. Его чувство личностей — движущихся, доставляющихъ удо-

вольствіе или страданіе, непостоянныхъ, но самостоятельно опредѣляющихъ свои дѣйствія — теперь должно превратиться въ чувство дѣятельности, силы, которая, однако, не такова, какъ сила двери, правильно движущейся на своихъ петляхъ, или какъ ритмическое качаніе маятника часовъ. Теперь образуется чувство личной дѣятельности, и оно, въ свою очередь, имѣетъ могущественное вліяніе на дальнѣйшее развитіе соціального сознанія. Именно здѣсь, я полагаю, подражаніе становится столь важнымъ въ жизни ребенка. Здѣсь удобный случай для подражанія. Ребенокъ старается наблюдать, какъ другіе дѣйствуютъ, потому что его собственное благополучіе или непріятность зависятъ отъ этого «почему»; а такъ какъ онъ не знаетъ, что предвидѣть, то его душа открыта для всякаго внушенія движенія. Такимъ образомъ онъ принимается подражать. Его вниманіе останавливается на подробностяхъ, и на основаніи принципа приспособленія, выражающагося въ подражаніи, онъ продѣлываетъ эти подробности самъ.

Интересно, что на этой ступени ребенокъ начинаетъ самъ капризничать, чувствовать, что онъ можетъ дѣлать, что хочетъ. Правильность дѣйствія внушенія начинаетъ нарушаться, такъ какъ оно сталкивается съ растущимъ у ребенка чувствомъ своей самостоятельности. Маленькій герой становится «упрямымъ». Въ этотъ именно періодъ послушаніе начинаетъ становиться тягостнымъ, и его значеніе начинаетъ проясняться для ребенка, какъ крупный фактъ. Вѣдь, оно означаетъ подчиненіе его собственной дѣятельности, его свободы капризничать—дѣятельности и свободѣ кого-либо другого.

3. вмѣстѣ со всѣмъ этимъ способность ребенка различать людей, съ которыми онъ постоянно сталкивается, постепенно развивается, несмотря на элементъ нерегулярности въ общемъ фактѣ личности. Какъ прежде онъ узнавалъ разницу между присутствіемъ одного лица и присутствіемъ другого, такъ теперь онъ узнаетъ разницу между однимъ характеромъ и другимъ. Каждый характеръ болѣе или менѣе постояненъ въ своемъ непостоянствѣ. У него есть свои вкусы и способы дѣйствія, свой темпераментъ и способъ распоряженія. Это ребенокъ узнаетъ въ концѣ второго года и позже. Онъ ведетъ себя не такъ, когда отецъ въ комнатѣ. Онъ быстро повинуется одному человѣку, не скоро — другому. Онъ громко кричитъ, дергаетъ своихъ товарищей; и вообще ведетъ себя предосудительно, когда нѣтъ ни одного взрослога, у котораго была-бы власть или желаніе наказать его. Эта ступень въ его „познаніи человѣка“ ведетъ къ весьма замѣтнымъ различіямъ въ поведеніи съ его стороны.

4. Теперь онъ переходитъ къ приобрѣтенію настоящаго самосознанія и соціального чувства. Эта ступень такъ важна, что мы можемъ отвести ей специальный отдѣлъ ниже.

Можетъ быть, не лишнимъ будетъ свести все, что было сказано относительно внушенія личности. Это — общій терминъ для всѣхъ свѣдѣній, которыя ребенокъ получаетъ о личностяхъ. Оно развивается, переходя черезъ три или четыре грубо разграниченныхъ ступени, при чемъ всѣ онѣ иллюстрируютъ такъ называемое, «проективное» чувство личности *).

*) Очень замѣчательно, что въ застѣнчивости ребенка мы находимъ врожденную нервную реакцію на присутствіе людей. И любопытно отмѣтить, что помимо общей стадности, какою отличаются многія животныя, они во многихъ случаяхъ специально реагируютъ на присутствіе существъ ихъ собственной породы или другихъ породъ. Собаки, повидимому, узнаютъ собакъ по запаху. То-же относится къ кошкамъ, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ отзываются сильнымъ отвращеніемъ на запахъ собакъ. Лошади, повидимому, руководятся зрѣніемъ. Птицы, какъ извѣстно, слѣпы по отношенію къ формѣ тѣла птицъ, но привлекаются криками своихъ птенцовъ или птицъ той же породы.

Тутъ мы имѣемъ: 1. Простое различіе людей отъ вещей на основаніи особыхъ ощущеній: страданія—удовольствія—движенія. 2. Чувство непостоянства въ поведеніи этихъ людей, которое внушаетъ представленіе о личной дѣятельности. 3. Различіе, быть можетъ, неясно чувствуемое, но удивительно отражающееся въ дѣйствіяхъ ребенка, между особенностями поведенія, или личными характеристиками различныхъ людей. 4. Послѣ того, какъ у него возникаетъ чувство самодѣятельности путемъ процесса подражанія, онъ пріобрѣтаетъ настоящее самосознаніе и социальное чувство.

Самосознаніе. На той ступени, до которой мы дошли теперь, у ребенка имѣется лишь весьма смутное понятіе о различіи между имъ самимъ, какъ личностью, и другими личностями, движущимися около него. Другіе люди для него — «проекціи», просто тѣла или внѣшніе предметы особаго рода, относимые въ одну группу, потому что они обнаруживаютъ общія черты. Однако, въ чувствѣ дѣятельности онъ уже началъ, какъ мы видѣли, находить у себя душевное ядро или центръ. Это происходитъ отъ его стремленія подражать дѣйствіямъ другихъ.

Когда же онъ продолжаетъ это подражаніе другимъ, то постепенно начинаетъ понимать ихъ, приходя, путемъ повторенія ихъ дѣйствій къ открытію того, что они чувствуютъ, каковы ихъ мотивы, каковы законы ихъ поведенія. Напримѣръ, онъ видитъ, какъ его отецъ держитъ въ рукахъ булавку, затѣмъ вдругъ дѣлаетъ гримасу, уколовшись, и бросаетъ булавку. Все это—чистая загадка для ребенка; поведеніе его отца непонятно, «проективно». Но любопытство ребенка въ данномъ случаѣ принимаетъ форму подражанія; онъ поднимаетъ булавку самъ и дѣлаетъ съ ней то же самое, что дѣлалъ ею отецъ. Вслѣдствіе этого онъ укалываетъ себѣ руку, и вмѣстѣ съ этимъ у него является побужденіе бросить булавку. Подражая отцу, онъ открылъ, что произошло въ его душѣ, боль и мотивъ поступка.

Этотъ приемъ по отношенію къ дѣйствіямъ другихъ, приемъ для котораго можно привести много примѣровъ, имѣетъ двойное значеніе въ развитіи ребенка; и въ виду его двойаго значенія составляетъ одинъ изъ самыхъ важныхъ фактовъ психологіи. На немъ основаны, по мнѣнію автора, правильные взгляды на этику и социальную философію.

1. Путемъ такого подражанія ребенокъ научается ассоціировать свое собственное ощущеніе физической силы, а также свои личныя удовольствія и страданія, съ дѣйствіями, которыя ранѣе хотя и наблюдались имъ у другихъ людей, но не были понятны. Дѣйствіе отца стало теперь его собственнымъ. Такъ одинъ за другимъ различныя признаки, которые онъ нашелъ характерными для людей его общественнаго круга, становятся его собственными, занимаютъ мѣсто въ его собственной мысли. Онъ теперь для себя является дѣятелемъ, имѣющимъ признаки личности или „я“. Теперь онъ понимаетъ извнутри всѣ различныя внушенія личности. Видимыя имъ дѣйствія людей уже не являются „проективными“—просто тамъ, въ окружающей средѣ; они стали тѣмъ, что мы называемъ „субъективнымъ“. Детали объединяются чувствомъ дѣятельности, вырабатывающимся въ его попыткахъ подражанія.

Вотъ то, что мы разумѣемъ подъ самосознаніемъ. Оно не врожденно у ребенка. Онъ постепенно пріобрѣтаетъ его. И это не есть сознаніе отдѣльнаго и самостоятельнаго „я“, извѣстнаго сначала и затѣмъ сравниваемого съ другими личностями. Напротивъ, оно постепенно создается въ душѣ ребенка какъ разъ изъ того же самаго матеріала, изъ котораго онъ строитъ свои понятія о другихъ личностяхъ. Онъ сначала видитъ, какъ другіе совершаютъ поступки, которые онъ можетъ совершить; лишь послѣ этого

онъ можетъ подражать этимъ поступкамъ и узнать, что и онъ также—существо, могущее совершать ихъ.

Такъ дѣло идетъ и въ теченіе всей нашей жизни. Наше понятіе о „я“ постоянно измѣняется, постоянно обогащается. У насъ не бываетъ одинаковаго мнѣнія о себѣ даже два дня подрядъ. Сегодня я думаю о себѣ, какъ о комъ-то, къ-мъ слѣдуетъ гордиться; завтра—какъ о существѣ, котораго нужно стыдиться. Сегодня я узнаю что-либо отъ васъ, и мысль, что это—общее вамъ и мнѣ, составляетъ основу моей симпатіи къ вамъ. Завтра я узнаю, что совершилъ такой же нехорошій поступокъ, какой совершилъ г. А., и мысль, что онъ и я въ этомъ одинаковы, служитъ основаніемъ для одинаковаго неодобренія, какое я чувствую по отношенію къ нему и себѣ.

2. Второй результатъ этого ознакомленія съ личностью путемъ подражанія столь же важенъ. Когда ребенокъ перенялъ дѣйствіе путемъ подражанія и сдѣлалъ его субъективнымъ, находя, что личность имѣетъ внутреннюю сторону и есть нѣчто большее, чѣмъ простое физическое тѣло, тогда онъ переноситъ этотъ фактъ обратно и на другихъ людей. Онъ говоритъ себѣ: „Вотъ, и мой маленький братъ тоже обладаетъ чувствомъ дѣятельности, подобнымъ моему. Онъ тоже дѣйствуетъ путемъ подражанія; у него есть удовольствія и страданія; онъ обнаруживаетъ симпатію ко мнѣ, какъ и я къ нему. Такъ и всѣ люди, съ которыми я до сихъ поръ познакомился. Они, значитъ, „субъекты“, какъ и я, нѣчто болѣе богатое, чѣмъ просто „проекціи“, о которыхъ я думалъ“. Такимъ образомъ, другіе люди становятся въ существенныхъ чертахъ подобными ему; и не только подобными, но даже тождественными съ нимъ, поскольку дѣло касается особыхъ чертъ, которыя онъ перенялъ отъ нихъ. Вѣдь, надо вспомнить, что всѣ эти черты сначала были переняты путемъ подражанія отъ этихъ самыхъ людей. Ребенокъ теперь возвращаетъ своимъ родителямъ, учителямъ и т. д. лишь тотъ матеріалъ, который онъ самъ взялъ у нихъ. Конечно, онъ обогатилъ его; при помощи его онъ теперь открываетъ у другихъ людей важный фактъ—личную дѣятельность; но, во всякомъ случаѣ, все, что онъ думаетъ о нихъ, явилось путемъ мысли о себѣ, а эта послѣдняя, въ свою очередь, создана при ихъ помощи.

Этотъ именно взглядъ на другого человѣка, какъ на одинаковаго по существу со мной, думающемъ о другомъ человѣкѣ, и имѣютъ въ виду психологи, когда они говорятъ о перенесеніи „я“ во внѣ. Это—„я“ кого-либо другого, какъ я думаю о немъ; другими словами, это мое „я“ перенесенное мною въ него.

Общественное и нравственное чувство. Изъ предыдущаго мы видимъ, что такое общественное чувство. Это—возникающее у ребенка или взрослога чувство дѣйствительнаго тождества, благодаря ихъ подражательному происхожденію, всѣхъ возможныхъ понятій о „я“—все равно, моемъ, вашемъ или чѣмъ-либо еще. Связь между мною и вами—не искусственная; она столь же естественна, какъ и признаніе личной индивидуальности. И будетъ насиліемъ надъ этимъ основнымъ фактомъ, если сказать, какъ часто признается въ общественныхъ наукахъ, что индивидъ естественно отграничиваетъ себя или свои интересы отъ чужого „я“ или интересовъ. Онъ, напротивъ, связанъ съ другими съ самаго начала самыми законами своего роста. Его общественныя дѣйствія и чувства естественны для него. Ребенокъ не можетъ быть только эгоистомъ или только великодушнымъ; онъ можетъ казаться тѣмъ или другимъ, въ тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ, но на самомъ дѣлѣ онъ все время—общественное существо.

Мало того, его чувство хорошаго и дурного, нравственное чувство, вырастаетъ изъ этого чувства общественной связи. На объясненіи этого я не могу болѣе останавливаться. Но только тогда, когда признано существенное значеніе общественныхъ отношеній въ развитіи ребенка, мы въ состояніи понять взаимныя обязанности, какія налагаютъ на всѣхъ насъ нравственность.

Какъ производить наблюденія надъ дѣтьми. Специальныя указанія относительно наблюденій надъ подражаніемъ. — Есть одно или два соображенія, настолько практически важныхъ для тѣхъ, кто желаетъ производить наблюденія надъ дѣтьми, что я рѣшаюсь изложить ихъ, замѣтивъ только, въ качествѣ вступленія, что ни больше, ни меньше, какъ личность ребенка подвергается риску при выборѣ метода и предмета его подражанія. Вѣдь, „я“ — это форма, въ какой личныя вліянія, окружающія ребенка, принимаютъ свою новую индивидуальность.

1. Не имѣютъ особаго значенія тѣ наблюденія, которыя не сопровождаются подробнымъ изложеніемъ личныхъ вліяній, воздѣйствовавшихъ на ребенка. Это тѣмъ болѣе важно, что ребенокъ видитъ немногихъ людей, и видитъ ихъ постоянно. Не только вѣроятно, прямо неизбѣжно, что онъ создаетъ свою личность, при ограниченіяхъ, налагаемыхъ наслѣдственностью, посредствомъ подражанія, по „образцу“, которымъ служатъ дѣйствія, характеръ и чувства людей, составляющихъ общественную обстановку его дѣтства. Нужно только понаблюдать внимательно двухлѣтняго ребенка, чтобы замѣтить, какіе члены семьи доставляютъ ему „образецъ“, чтобы узнать, видитъ ли онъ свою мать постоянно, а отца — рѣдко; играетъ ли онъ много съ другими дѣтьми, и каковы приблизительно ихъ наклонности; общается ли онъ стать натурой, созданной для подчиненія, равенства или тиранніи; не усваиваетъ ли онъ элементы какого-нибудь низкаго, неорганизованнаго общественнаго типа отъ своей няни-иностранки. Мальчикъ или дѣвочка — общественная „монада“, если примѣнить выраженіе Лейбница въ новомъ сочетаніи, маленькій мірокъ, отражающій въ себѣ всю систему вліяній, дѣйствующихъ на его чувствительность. А поскольку возбуждается его чувствительность, онъ подражаетъ, и развиваетъ въ себѣ привычки къ подражанію; а привычки — это характеръ!

2. Въ связи съ первымъ стоитъ слѣдующее: излагая наблюденія надъ ребенкомъ, должно описывать очень точно отношенія ребенка къ другимъ дѣтямъ. Есть ли у него братья и сестры? Сколько, и какихъ лѣтъ? Спитъ ли онъ на одной постели или въ одной комнатѣ съ ними? Много ли они играютъ исключительно между собою? Основаніе для этого весьма очевидно. У единственнаго ребенка есть только взрослые „образцы“. Онъ часто не можетъ понять дѣйствій отца или матери. Онъ подражаетъ слѣпо. У него нѣтъ болѣе доступнаго примѣра брата или сестры, близкихъ къ нему по возрасту. И это различіе имѣетъ очень важное значеніе для развитія. У него нѣтъ, на примѣръ, стимула, доставляемаго играми, въ которыхъ лицетвореніе является непосредственнымъ учителемъ самостоятельности, какъ я укажу далѣе. И между тѣмъ какъ онъ рано развивается въ нѣкоторыхъ областяхъ ученія, у него недостаетъ разнообразія въ воображеніи, богатства фантазіи, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ его воображеніе болѣе своевольно и несдержанно. Драматическое въ его чувствѣ общественныхъ положеній въ значительной мѣрѣ скрыто. Большая ошибка — изолировать дѣтей, особенно отдѣлять одного или двоихъ дѣтей. Одинъ ребенокъ въ одиночествѣ — это, можетъ быть, еще хуже, но двое отдѣленныхъ дѣтей подвержены другому элементу общественной опасности, о которомъ я упомяну вслѣдъ за этимъ.

3) Наблюдатель долженъ особенно старательно отмѣчать всѣ случаи необычайно тѣснаго сближенія между дѣтьми, вродѣ дѣтскаго пріятельства, «платонической дружбы», товарищества, въ школѣ или дома и т. д. Въ этихъ фактахъ,—а они весьма разнообразны,—мы имѣемъ дѣло съ превеличеніемъ стремленія къ общественности или подражанію, суженіе личной воспримчивости до линіи рѣзко-обрисовавшихся вліяній. Это явленіе ни разу не изучалось писателями, разрабатывавшими вопросы о происхожденіи общественнаго чувства или о практикѣ воспитанія. Конечно, учителя ясно сознавали хорошія и дурныя стороны дозволенія дѣтямъ и учащимся жить вмѣстѣ; но при этомъ имѣлось въ виду возможность непосредственнаго вреднаго нравственнаго вліянія. Эта опасность, конечно, на самомъ дѣлѣ существуетъ; но мы, какъ наблюдатели-психологи и прежде всего—какъ учителя и руководители нашихъ дѣтей, должны идти глубже. Разсмотрите, напримѣръ, возможное вліяніе школьной товарищи и сожительницы по комнатѣ на дѣвочку послѣ тринадцати лѣтъ; это, вѣдь, лишь наглядный примѣръ того, чему подвержены всѣ лишеныя общества дѣти. Чувствительная натура, дѣвочка, самая жизнь которой—вѣтка общественнаго дерева, попадаетъ въ новую обстановку, захватывающую все ея «я», самую ея личность; дѣло именно таково—открываются совершенно новые источники вліянія. Единственное возможное спасеніе, единственное средство сохранить уроки ея прошлаго, не считая самаго исключительнаго случая, и добавить новые элементы въ строй ея теперешняго характера заключается въ предоставленіи ей самаго большого разнообразія общественныхъ вліяній, какое только возможно. Вмѣсто этого, ей приходится встрѣчаться, ѣсть, гулять, разговаривать, ложиться вечеромъ и вставать утромъ съ одной единственной особой, «образцомъ», поставленнымъ передъ ней, такой-же незрѣлой, по всей вѣроятности, какъ и она сама, или, если это и не такъ, то во всякомъ случаѣ съ единственной личностью, помѣщенной сюда, чтобы опутать ея развивающееся «я» тѣсными путями несвойственныхъ и чуждыхъ ей привычекъ. Прежде всего вы, отцы, матери, учителя, старшіе—дайте просторъ дѣтямъ! Имъ нужно все, что они могутъ получить, и ихъ личность разовьется, чтобы воспринять это. Дайте имъ много товарищей, наполните ихъ жизнь разнообразіемъ; разнообразіе—душа оригинальности и ея единственный источникъ. Сама нравственная жизнь, совѣсть мальчика или дѣвочки, зарождается изъ затрудненія при столкновеніи воздѣйствій, зарождается именно изъ колебаній при подражаніи, и именно эту аналогію ребенокъ долженъ усвоить и пользоваться ею въ своихъ собственныхъ столкновеніяхъ, въ цѣляхъ власти надъ собою и общественнаго самоограниченія. Это такъ убѣдительно вѣрно съ человѣческой точки зрѣнія, что, по моему мнѣнію, составленному, правда, на основаніи очень немногочисленныхъ данныхъ, доступныхъ по этимъ вопросамъ, но во всякомъ случаѣ, рѣшительному мнѣнію сохраненію дружбы слишкомъ тѣсной и исключительной слѣдуетъ препятствовать или разрывать ее, если только нѣтъ непосредственнаго надзора благоразумнаго родственника или воспитателя; и даже когда эти отношенія допускаются, ими слѣдуетъ во всѣхъ случаяхъ пользоваться, чтобы направить чувства симпатіи и нравственныя чувства на болѣе просторное поле общественнаго ихъ примѣненія.

Одна изъ заслугъ большихъ англійскихъ школъ и свободныхъ школъ въ Америкѣ—въ томъ, что въ нихъ мальчики пріобрѣтаютъ по необходимости независимость твердаго характера и способность самостоятельно налагать на себя самоограниченія. Юноша, воспитанный съ постоянной мыслью объ учителѣ, часто не оказывается на высотѣ требованій дисциплины.

4. Остальную часть этого отдѣла можно посвятить дальнѣйшему подкрѣпленію необходимости тщательнаго наблюденія надъ играми дѣтей, въ особенности надъ тѣми, которыя можно назвать «общественными играми». Всѣ тѣ, кто хотя бы случайно наблюдалъ занятія въ дѣтской, остаются подъ впечатлѣніемъ необычайной легкости, съ какою умъ ребенка двухъ лѣтъ и выше придумываетъ и разрабатываетъ общественныя и драматическія положенія. Однако, не такъ очевидно для этихъ случайныхъ наблюдателей, да и для многихъ болѣе свѣдущихъ, что они наблюдаютъ въ этихъ играхъ соединеніе заново отрывковъ или болѣе значительныхъ частей душевной исторіи взрослога. Здѣсь, въ этихъ играхъ, мы видимъ дѣйствительное примѣненіе, какое наши дѣти дѣлаютъ изъ матеріала личныхъ «образцовъ», который они приобретаютъ отъ васъ и отъ меня. Если кто-нибудь терпѣливо изучитъ эти игры у своихъ собственныхъ дѣтей и анализируетъ ихъ, то онъ замѣтитъ, какъ постепенно выплываетъ изъ внутренняго сознанія образъ отца мальчика, на котораго тотъ старается походить, и дѣйствія котораго онъ старается постоянно повторять и примѣнять. Образъ очень несовершененъ, такъ какъ ребенокъ перенимаетъ лишь то, къ чему онъ чувствителенъ. И часто, повидимому, онъ беретъ у насъ для воспроизведенія больше дурнаго, чѣмъ хорошаго, какъ это отмѣчаетъ патетически Сигеле въ крупномъ социальномъ масштабѣ, и какъ указывали вестминстерскіе богословы, не понимая непосредственной важности этого. Но, какъ бы то ни было, то, что мы даемъ ему,—это все, что онъ получаетъ. Наслѣдственность не прекращается при рожденіи; она тутъ только начинается. И жаль, что этотъ элементъ наследственности, это воспроизведеніе родителей въ дѣтяхъ, которое можно было-бы примѣнить для избавленія вновь образующейся личности отъ наслѣдія прошлой низменности или нечистоты, просто предоставляется самому себѣ въ дальнѣйшемъ утвержденіи и укрѣпленіи ея. Была-ли когда-либо группа дѣтей, которая, покинувъ настоящую школу, не устраивала-бы игры въ школу, поставивъ ящикъ, на которомъ одинъ изъ ихъ числа долженъ былъ сидѣть и изображать учителя? Былъ-ли когда-либо ребенокъ, который не игралъ бы въ «церковь» и не заставлялъ-бы импровизированнаго «папу» всходить на кафедру? Были-ли когда-либо дѣти, которыя не «покупали бы» вещи изъ воображаемыхъ лавокъ въ каждомъ углу дѣтской, послѣ того такъ они разъ видѣли, какъ старшіе производятъ закупки на рынкѣ? Все дѣло въ слѣдующемъ: личность ребенка развивается; развитіе всегда совершается путемъ дѣйствія; онъ примѣняетъ къ себѣ сцены изъ жизни родителей и разыгрываетъ ихъ; такимъ путемъ онъ развивается въ направленіи того, что онъ есть, что онъ понимаетъ и что онъ въ состояніи выполнить.

Въ видахъ болѣе непосредственной пользы для наблюдателей, изучающихъ такія игры, я приведу краткое сообщеніе объ одномъ наблюденіи этого рода, произведенномъ нѣсколько времени тому назадъ,—наблюденіи надъ однимъ изъ простѣйшихъ положеній, какія разыгрывали двѣ мои маленькія дѣвочки, Елена и Елизавета. Это очень простой случай, игра, элементы которой очевидны по своему происхожденію; но я выбираю этотъ случай, а не болѣе сложный, такъ какъ наблюдатели обыкновенно—не психологи, и они найдутъ, что элементарный примѣръ болѣе поучителенъ.

2-го мая я сидѣлъ на крыльцѣ одинъ съ двумя своими дѣтьми, упомянутыми выше, которымъ было 4^{1/2} и 2^{1/2} года. Елена, старшая, сказала Елизаветѣ, что та будетъ ея маленькой дочкой, значитъ, Елена стала «мамой», а Елизавета «дочкой». Младшая отвѣтила тѣмъ, что стала называть свою сестру «мамой», и игра началась.

«Ты спала, дѣтка. Теперь пора вставать», сказала мама. Дѣвочка

встала съ пола, сначала упавши, чтобы имѣть возможность встать! — «мама» схватила ее, отвела къ периламъ, къ воображаемому умывальнику, и умыла, потеревъ ей лицо. Затѣмъ были перечислены и одѣты (въ воображеніи) всѣ принадлежности ея костюма, одна за другой, самымъ тщательнымъ и интереснымъ образомъ. Все это время «мама» вела непрерывный разговоръ со своимъ ребенкомъ: «теперь чулки, милочка; теперь платье, ахъ, нѣтъ, подожди, — сначала башмаки» и т. д., и т. д. Дѣвочка подчинялась всему этому съ большей покорностью, чѣмъ на самомъ дѣлѣ обычно обнаруживаютъ дѣти. Когда это было окончено, мама сказала: «Теперь намъ надо пойти пожелать добраго утра папѣ». «Да, «мама», былъ отвѣтъ, и рука объ руку онѣ отправились къ папѣ. Я, зритель, осторожно читалъ газету, думая, однако, что настоящій папа, находясь такъ на виду, нарушитъ воображаемое положеніе. Но вышло не такъ. Мама провела свою дочку прямо мимо меня на конецъ площадки, къ колоннѣ въ углу. «Вотъ папа», сказала «мама»; «пожелай ему теперь добраго утра». «Добраго утра, папа; я здорова», сказала дѣвочка, низко кланяясь колоннѣ. «Это хорошо», сказала «мама», грубымъ, низкимъ голосомъ, который вызвалъ у настоящаго папы восторгъ удовлетвореннаго самосознанія, какого трудно достичь. «Теперь надо позавтракать», сказала «мама». Сидѣнье стула было превращено въ столъ для завтрака, на дѣвочку былъ надѣтъ воображаемый нагрудникъ, и ей былъ поданъ супъ, съ подражаніемъ всѣмъ манерамъ няньки, которая обыкновенно приготовляетъ имъ завтракать. «Теперь» (послѣ ѣды, которая вдругъ оказалась обѣдомъ вмѣсто завтрака), «тебѣ надо уснуть», сказала «мама». «Нѣтъ, мама, я не хочу», сказала дѣвочка. «Да надо же». — «Нѣтъ, ты будь ребенкомъ, и усни». — «Но всѣ другія дѣти уснули, милая, и докторъ говоритъ, что тебѣ надо», сказала «мама». Это убѣдило дѣвочку, и она легла на полъ. «Но я не раздѣла тебя». Тутъ, значитъ, были выполнены всѣ подробности раздѣванія; и «мама» тщательно укрыла ее на полу легкой шалью, сказавши: «Весна наступаетъ; этого будетъ довольно. Теперь заврой глаза и усни». — «Но ты не поцѣловала меня, мама», сказала малютка. — «Ахъ, конечно, милочка моя!» — длинный рядъ поцѣлуевъ! Затѣмъ дѣвочка закрыла плотно глаза, между тѣмъ какъ «мама» прошла на цыпочкахъ на другой конецъ крыльца. «Не уходи мама», сказала дѣвочка. «Нѣтъ, мама не покинетъ свою дорогую дочку», былъ отвѣтъ.

Такъ и продолжалось. Послѣ сна была предложена прогулка, надѣты шляпы и т. д., при чемъ «мама» проявляла большую заботливость о дочкѣ. Одинъ дальнѣйшій случай показываетъ это: когда на дѣвочку была надѣта шляпа — настоящая шляпа — мама завязала тесемки довольно туго. «Ой, больно, мама», сказала дѣвочка. «Нѣтъ, мама не затянетъ тесемки туго. Дай, мама поцѣлуешь тутъ. Ну, лучше теперь, милая?» — все это комически-точно подражало материнской нѣжности, происхожденіе которой мнѣ не составляло никакого труда прослѣдить.

Конечно, въ подобномъ случаѣ нужно передавать самые факты. Однако, какъ я сказалъ выше, необходимо знаніе больше чѣмъ однихъ только фактовъ, чтобы получить психологическую картину. Намъ нужны именно тѣ свѣдѣнія, которыя касаются остальной семьи и социальныхъ вліяній на жизнь ребенка. Я сразу узнавалъ относительно каждой фразы, которую дѣти употребляли въ этой игрѣ, откуда они взяли ее, каково было ея значеніе въ первоначальной связи, и насколько оно измѣнилось въ этомъ процессѣ, называемомъ образно «соціальною наслѣдственностью». Но когда эта исторія рассказывается чужимъ, которые ничего не знаютъ о предшествующихъ социальныхъ вліяніяхъ на ребенка, много ли больше голыхъ фактовъ подражанія и олицетворенія извлекутъ они изъ нея?

И насколько болѣе это справедливо, когда мы рассмотримъ сложныя дѣтскія игры, которыя обнаруживаютъ блестящія драматическія способности у четырехлѣтняго малютки?

Однако, за психологами остается свобода толкованія; и какъ богаты выводы даже изъ такой простой сцены, какъ эта! Что касается Елены, то можетъ ли быть лучше урокъ—практическое упражненіе—симпатіи, альтруистической самоотверженности, здороваго возвышенія своего самосознанія, чувства отвѣтственности и дѣятельности, побужденія къ самостоятельнымъ усиліямъ и приспособленія средствъ къ цѣлямъ—и все это съ самымъ лучшимъ чувствомъ объективности, которое совсѣмъ пропадаетъ въ жалкомъ самосознаніи у насъ, взрослыхъ, когда мы воплощаемъ чужіе характеры? Что можетъ лучше содѣйствовать всему этому высшему душевному развитію, чѣмъ игра, при помощи которой уроки повседневной жизни матери вѣдряются въ маленькое „я“ ребенка? По отношенію къ Елизаветѣ тоже обнаруживается кое-что. Она повинуется безъ приказанія и подтвержденія, она воспринимаетъ отъ своей сестры элементы личнаго внушенія въ ихъ болѣе простой дѣтской формѣ. Несомнѣнно, такія сцены, повторяющіяся каждый день съ такимъ разнообразіемъ подробностей, должны дать чувство разнообразія и общественнаго равенства, которое дѣйствительная жизнь затѣмъ подкрѣпляетъ и развиваетъ далѣе. Тѣмъ-же путемъ вырабатываются уроки противоположнаго характера.

Всѣ эти упражненія фантазіи должны также укрѣплять и способность воображенія. Продолжительныя игры, тянущіяся иногда цѣлые дни, а можетъ быть и недѣли, укрѣпляютъ воображеніе и развиваютъ вниманіе. Я думаю также, что чувство настоящей дѣйствительности и ея отличія отъ недѣйствительнаго, отъ просто воображаемаго получаетъ поддержку отъ подобнаго символическаго изображенія. Игра имѣетъ и свои опасности—очень серьезныя. Взрослые иногда даютъ дурныя примѣры. Игра даетъ практику въ хитрости не менѣе, чѣмъ въ сдержанности. Можетъ быть, лучшая служба, какую можетъ сослужить наблюденіе именно теперь, состоитъ въ собираніи фактовъ съ цѣлью надлежащаго распознаванія и избѣжанія опасностей¹⁾.

Въ заключеніе, я позволю себѣ сказать одно слово заинтересованнымъ родителямъ. Вы не можете принести никакой пользы психологамъ—не говоря уже о настоящемъ вредѣ, какой вы можете причинить дѣтямъ—если вы не знаете насквозь своихъ дѣтей. Особенно это относится къ отцамъ! Они готовы изучать все, что угодно иное. Они близко знакомы съ каждымъ уголкомъ дома и съ тѣмъ, что тамъ дѣлается, за исключеніемъ дѣтской. Человѣкъ работаетъ для своихъ дѣтей десять часовъ въ день, боится свою жизнь для поддержки ихъ послѣ его смерти—и вмѣстѣ съ тѣмъ позволяетъ ихъ душевному развитію, образованію ихъ характеровъ, созданію ихъ личности совершаться путемъ усвоенія—если не хуже—отъ неразвитой, грубой, пришлой и мѣняющейся, часто безнравственной прислуги! Платонъ сказалъ, что государство должно воспитывать дѣтей, и добавилъ, что мудрѣйшіе люди должны править государствомъ. Значитъ, мудрѣйшіе люди должны воспитывать его дѣтей! Гюго

¹⁾ Въ настоящее время, какъ, вѣроятно, извѣстно читателямъ, въ Петербургѣ основанъ Психоневрологическій Институтъ, въ одномъ изъ отдѣленій котораго (психо-педагогическомъ) производятся тщательныя научныя наблюденія надъ жизнью дѣтей. Это единственное въ мірѣ учрежденіе, ставящее себѣ, между прочимъ, задачу, собирать матеріалы, касающіеся жизни человѣка, начиная отъ самаго его рожденія.

См. объ этомъ статью академика Бехтерева въ „Вѣстникѣ Знанія“ 1908 г. № 3 и др.

даетъ намъ, въ Жакъ Вальжанъ и Козеттъ, картину настоящаго отечскаго отношенія. Мы называемъ извѣстную группу наукъ гуманитарными, и это правильно. Но лучшая школа гуманитарныхъ наукъ для каждаго человѣка находится въ его собственномъ домѣ.

Съ этимъ связанъ, въ заключеніе, главный урокъ, извлекаемый изъ спорта, драмы, игры, даже художественнаго стремленія—урокъ личной свободы. Ребенокъ самъ устанавливаетъ ограниченія игры, создаетъ правила и подчиняется имъ, и затѣмъ въ свое время самъ прекращаетъ иллюзію, сказавши: «Я больше не буду играть». Все это составляетъ зародышъ самоограниченія, власти надъ влеченіями, добровольнаго признанія идеала, и этотъ зародышъ въ дальнѣйшей жизни—если ребенокъ останется вѣренъ ему—станетъ большою цѣнностью.

ГЛАВА V.

Связь тѣла съ душой. Физиологическая психологія. Душевные болѣзни.

На предшествующихъ страницахъ мы встрѣчали уже указанія на нѣкоторые изъ важнѣйшихъ вопросовъ, касающихся связи души съ тѣломъ. Органы чувствъ—вотъ нормальные тѣлесные пути въ душѣ; пользуясь этою связью, можно производить опыты надъ чувствами. Это даетъ начало экспериментальной психологіи, которой посвящена глава, слѣдующая за настоящей. Наряду съ этимъ, однако, мы замѣчаемъ общій фактъ, что нормальное состояніе тѣла во всѣхъ случаяхъ необходимо для нормальнаго состоянія души, и это даетъ возможность такъ дѣйствовать на тѣло, что измѣненія въ душѣ могутъ быть вызваны инымъ путемъ, а не черезъ органы чувствъ. Напримѣръ, мы вліяемъ на душу, когда пьемъ слишкомъ много чая или кофе, не говоря уже о болѣе значительныхъ измѣненіяхъ того-же рода, происходящихъ въ душѣ человѣка, употребляющаго слишкомъ много алкоголя или другихъ ядовитыхъ веществъ. Всѣ методическіе приемы воздѣйствія, посредствомъ которыхъ психологъ производитъ явленія этого рода, измѣняя состояніе или дѣятельность тѣла, принадлежатъ къ физиологической психологіи. Такъ, онъ видоизмѣняетъ дыханіе, сердцебиеніе, ускоряетъ или замедляетъ кровообращеніе, парализуетъ мускулы и т. д. Способы дѣйствія можно распределить на нѣсколько группъ, изъ которыхъ каждая называется методомъ.

1. Методъ удаленія. Это означаетъ просто вырѣзываніе части тѣла, чтобы можно было замѣтить вліяніе на душу удаленія этой части. Онъ примѣняется въ особенности къ мозгу. У многихъ животныхъ можно удалить большія или меньшія части мозга—практически даже всю массу мозга—не вреда жизни. Изъ человѣческаго мозга можно удалить любое изъ мозговыхъ полушарій цѣликомъ вмѣстѣ съ значительными частями другого безъ особеннаго вліянія на жизненные процессы, рассматриваемые въ ихъ совокупности; результаты состоятъ въ потерѣ нѣкоторыхъ функций души, какъ напримѣръ зрѣнія, слуха, способности двигать извѣстными частями тѣла и т. д., смотря по мѣсту той части, которая удалена. Многіе изъ фактовъ, приведенныхъ ниже подъ заголовкомъ «локалізація», были открыты этимъ путемъ, при чемъ руководящій принципъ—слѣдующій: если потеря извѣстной функции слѣдуетъ за удаленіемъ извѣстныхъ частей мозга, то эта часть мозга непосредственно связана съ выполненіемъ данной функции въ здоровомъ состояніи.

2. Методъ искусственнаго раздраженія. Какъ указываетъ названіе, этотъ методъ состоитъ въ отысканіи какого-нибудь средства, которое можетъ искусственно вызвать физиологическіе процессы, т. е.

безъ обычныхъ, нормальныхъ причинъ, вызывающихъ эти процессы. Напримѣръ, врачъ, возбуждающій дѣятельность сердца посредствомъ наперстянки, примѣняетъ этотъ методъ. Для психологическихъ цѣлей такой методъ также оказался плодотворнымъ при изученіи мозга, и обычно примѣняемымъ средствомъ является электричество. Мозгъ обнажается посредствомъ удаленія части черепа животнаго, и два электрода батареи соединяютъ съ извѣстной точкой мозга, дѣятельность которой желательно опредѣлить. Токъ проходитъ по тѣмъ же нервамъ, которые при нормальныхъ условіяхъ подвергаются воздѣйствію изъ этой области, и тогда происходятъ движенія мускуловъ въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ частяхъ и направленіяхъ. Это служитъ указаніемъ на нормальную дѣятельность части мозга, которая подверглась раздраженію.

На ряду съ этимъ способомъ дѣйствія въ новѣйшее время примѣняется другой, также основанный на раздраженіи мозга. Онъ состоитъ въ раздраженіи какого-нибудь мѣста въ мозгу, какъ и прежде, но вмѣсто наблюденія характера слѣдующаго за этимъ движенія наблюдатель соединяетъ съ различными частями тѣла гальванометры и наблюдаетъ, въ какихъ изъ гальванометровъ токъ идетъ изъ тѣла животнаго (гальванометръ—очень чувствительный инструментъ, указывающій на присутствіе электрическаго тока). По этому способу опредѣляется, по какимъ путямъ и къ какимъ органамъ проходитъ обычное жизненное возбужденіе изъ мозга, если только считать, что электрической токъ идетъ по тому же самому пути.

3. Методъ отравленія. Сдѣланныхъ выше замѣчаній достаточно для описанія этого метода. Вліяніе на душу пріемовъ ядовитыхъ веществъ настолько обще и серьезно по своему характеру, что путемъ ихъ употребленія пріобрѣтено очень мало точныхъ знаній.

4. Методъ вырожденія. Онъ состоитъ въ наблюденіи хода естественной или искусственно вызванной болѣзни или поврежденія тканей, главнымъ образомъ, нервныхъ тканей, съ цѣлью открыть направленіе путей и мѣстонахожденіе извѣстныхъ функций. Вырожденіе, слѣдующее за болѣзью или поврежденіемъ, идетъ по пути нормальнаго физиологическаго дѣйствія и такимъ образомъ обнаруживаетъ его для наблюдателя. Этотъ методъ важенъ въ психологіи, такъ какъ позволяетъ установить мѣсто и прослѣдить ходъ поврежденія мозга, сопровождающаго ту или иную душевную болѣзнь или недостатокъ.

Результаты. Локалізація функций мозга. Болѣе подробные результаты этого рода изслѣдованій, разсматриваемыя со стороны нервной организаціи, можно соединить подъ общимъ заголовкомъ локалізаціи. Важнѣйшій изъ всѣхъ результатовъ—именно открытіе, что въ нервной системѣ существуетъ локалізація различныхъ душевныхъ функций ощущенія и движенія. Мы находимъ, что каждая отдѣльная часть нервной организаціи приноситъ болѣе или менѣе независимо свою долю въ общій потокъ душевной жизни; и въ случаяхъ поврежденія или удаленія той или иной части происходитъ соотвѣтствующее болѣзненное измѣненіе въ душѣ.

Прежде всего, оказывается, что нервная система имѣетъ нѣкоторое правильное распредѣленіе снизу вверхъ, начиная съ спинного мозга до сѣраго вещества коры полушарій, заключающихся въ черепѣ и въ просторѣчи по преимуществу называемыхъ мозгомъ. Это распредѣленіе состоитъ изъ трехъ ярусовъ. Начиная со спинного мозга, мы находимъ наиболѣе простые процессы, которые становятся болѣе сложными, когда мы переходимъ въ головному мозгу.

Нижній, третій ярусъ заключаетъ въ себѣ всѣ функціи, которыя спинной мозгъ и его самая верхняя часть, такъ называемый продолговатый мозгъ, могутъ выполнять сами по себѣ, т. е. не нуждаясь въ участіи нервныхъ центровъ и областей мозга, лежащихъ выше ихъ. Такія функціи «третьяго яруса» составляютъ общіе процессы поддержанія жизни: дыханіе, сердцебиеніе, сосудодвигательныя дѣйствія (способствующія кровообращенію) и т. п. Это все такъ называемые автоматическіе процессы. Они совершаются правильно изъ дня въ день, вызываясь постоянно нормальными измѣненіями въ самой физиологической системѣ, и не нуждаясь во вмѣшательствѣ души человѣка.

Но кромѣ автоматическихъ функцій есть еще другой большой классъ процессовъ, которые также управляются воздѣйствіями третьяго яруса, т. е. путемъ разряда нервной энергіи изъ отдѣльных мѣстъ спинного мозга. Это—такъ называемыя рефлекторныя функціи. Къ нимъ принадлежатъ всѣ реакціи нервной системы на раздраженія извнѣ, въ которыхъ душа не можетъ проявить самостоятельность. Они совершаются неизбежно. Напримѣръ, когда предметъ приближается къ глазу, вѣки смыкаются рефлекторно. Если ударить по колѣну, когда человѣкъ сидитъ, положивъ ногу на ногу, то нога подбрасывается вверхъ рефлекторно. Различные рефлексы могутъ быть вызваны у спящаго посредствомъ легкихъ раздраженій той или иной области тѣла. Далѣе, каждое изъ чувствъ обладаетъ собственной системой рефлекторныхъ приспособленій къ раздраженіямъ, воспринимаемымъ имъ. Глазъ самымъ точнымъ образомъ приспособляется къ силѣ свѣта, разстоянію предмета, высотѣ и угловому разстоянію того, на что смотреть. Поступленіе пищи въ ротъ вызываетъ всевозможныя рефлекторныя движенія, которыя не прекращаются, пока пища не попадетъ благополучно въ желудокъ и будетъ двигаться далѣе при помощи ряда физиологическихъ приспособленій, которыя просто удивительны по своему разнообразію и развитію. Эти процессы принадлежатъ къ третьему ярусу; и для непосвященнаго, пожалуй, удивительно будетъ узнать, что не только душа совѣмъ не при чемъ въ этихъ функціяхъ, но и настоящій мозгъ не принимаетъ въ нихъ участія. Большинство этихъ рефлексовъ не только продолжаютъ совершаться послѣ того, какъ мозгъ удаленъ изъ черепа, но интересно, что они, вообще, усиливаются при этихъ условіяхъ. Это показываетъ, что въ то время, какъ третій ярусъ совершаетъ свое собственное дѣло, онъ все-же въ извѣстномъ смыслѣ находится подъ гнетомъ, — что физиологи называютъ подавляющимъ дѣйствіемъ,—высшихъ массъ мозга. Ему не даютъ слишкомъ выдвигать свою роль или работать не въ надлежащее время и не въ надлежащей мѣрѣ. Нервный аппаратъ, дѣйствующій въ функціяхъ «третьяго яруса», можетъ быть названъ «рефлекторною цѣпью» (см. черт. 1), при чемъ отъ органа чувствъ къ центру ведетъ «чувствительный» нервъ, а оттуда къ мускулу «двигательный» нервъ.

Поднимаясь выше въ нервной системѣ, мы далѣе находимъ извѣстную группу частей основной массы мозга, нѣкоторые центры, лежащіе между полушаріями сверху и продолговатымъ и спиннымъ мозгомъ снизу, и въ непосредственномъ соединеніи при помощи нервныхъ путей съ тѣми и другими. Научныя названія болѣе важныхъ изъ этихъ органовъ слѣдующія: «полосатая тѣла», которыхъ имѣется два, «зрительные бугры»—тоже два, и «мозжечекъ», или малый мозгъ, расположенный сзади. Они составляютъ «второй ярусъ» системы. Они, повидимому, преимущественно связаны съ ощущеніями. Когда лежащіе выше ихъ центры, полушарія, удалены, животное все еще въ состояніи видѣть, слышать и т. п., и все еще способно выполнять свои твердо установившіяся привычныя дѣйствія, какъ реакціи на то, что оно видитъ и слышитъ. Но это почти все. Птица,

напримѣръ, подвергнутая такому опыту (удаленію полушарій при сохраненіи центровъ второго яруса) сохраняетъ свой нормальный видъ, будучи совершенно способна стоять на своихъ ногахъ, летать, ходить и т. п. Ея рефлексы и ея внутренніе физиологическіе процессы также не нарушены; но скоро становится замѣтно, что ея душевные процессы въ значительной мѣрѣ ограничиваются ощущеніями. Она видитъ свою пищу, какъ обыкновенно, но не помнитъ ея значенія и не дѣлаетъ попытокъ съѣсть ее. Она видитъ другихъ птицъ, но не отвѣчаетъ на ихъ призывы. Она, повидимому, забыла все свое воспитаніе, забыла значеніе вещей, практически ничего не понимаетъ. Собака въ этомъ положеніи уже не боится плети, не отвѣчаетъ на свое имя, не хватается пищу. Со стороны ея поведенія мы находимъ, что всѣ дѣйствія, къ которымъ она была приучена, исчезаютъ; дрессированная собака забываетъ всѣ свои штуки. Повидимому, вмѣстѣ съ

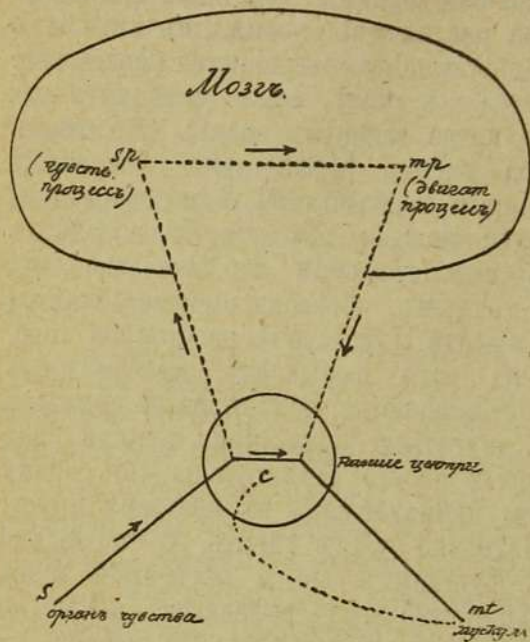

Рис. 1.—scmt-рефлекторная пѣпь; scspmt-волевая дѣпь.

полушаріями удаляется то, что было названо въ одной изъ предыдущихъ главъ апперцепціей.

Переходя къ «первому ярусу», высшему изъ всѣхъ и по анатомическому положенію, и по характеру функций, которыми онъ управляетъ, мы сразу видимъ, какую чрезвычайную важность имѣетъ онъ. Въ составъ его входитъ кора полушарій, которая, взятыя вмѣстѣ, называются большимъ мозгомъ. Онъ состоитъ изъ тѣхъ частей, которыя мы предполагали вырѣзанными у голубя и собаки, и о которыхъ только-что упоминалось; и когда мы вспомнимъ, что теряютъ эти животныя при его удаленіи мы увидимъ, чѣмъ обязаны дѣлности этого органа нормальное животное или человекъ. Это главнымъ образомъ органъ души. Если-бы мы могли сказать, что душа, какъ таковая,

гдѣ-либо помѣщается, то мы должны были-бы сказать: въ сѣромъ веществѣ коры мозговыхъ полушарій. Въ самомъ дѣлѣ, хотя животныя безъ этого органа, какъ мы видѣли, могутъ еще видѣть, слышать и чувствовать, однако мы также видѣли, что они мало что еще могутъ сдѣлать и ничему больше не могутъ научиться. Всѣ высшія функціи души возможны только тогда, когда мы представимъ себѣ живое существо, имѣющее нормальные полушарія мозга.

Далѣе, мы находимъ, что этотъ органъ въ извѣстной степени повторяетъ функціи центровъ второго яруса, такъ какъ отъ этихъ промежуточныхъ массъ идутъ волокна въ извѣстнымъ областямъ полушарій, которыя воспроизводятъ тутъ ощущенія слуховыя, зрительныя и т. д. Посредствомъ этихъ волоконъ функціи чувствъ «проектируются» на поверхность мозга, и нервы, производящіе эти соединенія, носятъ названіе: «проектирующія волокна». Полушарія не довольствуются даже самою важною изъ всѣхъ функцій—разумомъ, но они, такъ сказать, завидуютъ простымъ ощущеніямъ, которыя способны испытывать центральныя массы мозга. И у самыхъ высшихъ животныхъ, вѣроятно только у обезьянъ и человека мы находимъ, что полушарія такъ далеко зашли въ своемъ

соревнованіи, что всецѣло захватили функціи ошущенія. Это замѣчается въ своеобразномъ фактѣ, что у обезьяны или челоуѣка удаленіе центровъ коры дѣлаетъ живое существо навсегда глухимъ или слѣпымъ, смотря по обстоятельствамъ, между тѣмъ какъ у низшихъ животныхъ такое удаленіе не сопровождается этимъ результатомъ, пока органы «второго яруса» нетронуты. Нервные пути функцій перваго и второго яруса, взятые вмѣстѣ, составляютъ такъ называемую «волевою цѣпь» (см. черт. 1).

Въ добавленіе къ этому общему разграниченію функцій на высшія и низшія—первый, второй и третій ярусъ—по ихъ анатомическому мѣстонахожденію—было сдѣлано много интересныхъ открытій относительно локализациі болѣе простыхъ функцій въ самой корѣ. Приложенные чертежи (черт. 2 и 3) показываютъ главные центры, которые были опредѣлены; нѣтъ надобности останавливаться на добавочныхъ подробностяхъ, которыя еще составляютъ предметъ спора. Отмѣченныя области, вообще, одинаковы въ обоихъ полушаріяхъ, и большинство центровъ, значить, имѣются вдвойнѣ. Центры рѣчи, однако, находятся только на одной сторонѣ. И въ

Рис. 2. поверхность лѣваго полушарія мозга (внѣшняя по Экснеру): а, Роландова борозда; в, Сильвиева борозда.

нѣкоторыхъ случаяхъ нервныя волокна, соединяющія кору съ органами тѣла, переходятъ ниже мозга на противоположную сторону тѣла. Это всегда вѣрно относительно мышечныхъ движеній; движенія правой стороны тѣла управляются лѣвымъ полушаріемъ, и наоборотъ. Раздраженія, идущія изъ тѣла въ мозгъ, вообще идутъ къ той-же сторонѣ, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ параллельные импульсы посылаются и въ другое полушаріе. Напримѣръ, очень важный зрительный нервъ, необходимый для зрѣнія, идетъ отъ каждаго глаза въ видѣ большого пучка волоконъ, и раздѣляется у основанія мозга, такъ что каждый глазъ посылаетъ импульсы прямо въ зрительные центры обоихъ полушарій.

Изъ числа спеціальныхъ вопросовъ, возникшихъ относительно локализациі функцій въ нервной системѣ, оживленно обсуждался вопросъ о функціи нѣкоторыхъ областей, извѣстныхъ подъ названіемъ «двигательныхъ центровъ». Область по обѣ стороны отъ борозды Роланда на черт. 2, содержитъ рядъ мѣстъ, которыя при раздраженіи электричествомъ вызываютъ весьма опредѣленныя и правильныя движенія извѣстныхъ мышцъ на противоположной сторонѣ тѣла. При помощи тщательнаго изслѣдованія этихъ областей были весьма точно установлены главныя мышечныя ком-

бинации—для движеній лица, шеи, руки, туловища, ногъ, хвоста и т. д. Изъ этихъ фактовъ было выведено заключеніе, что эти области являются соотвѣтственно центрами для разряда нервныхъ импульсовъ, направляющихся въ каждомъ случаѣ къ приводимымъ въ движеніе мышцамъ. Однако, новѣйшія данныя привели изслѣдователей къ мысли, что въ корѣ не существуетъ центра для «двигательныхъ» процессовъ въ собственномъ смыслѣ слова, и что эти Роландовы области, хотя и называются «двигательными», на самомъ дѣлѣ представляютъ собою центры для получения извѣстій о движеніяхъ соотвѣтственныхъ мышцъ послѣ того, какъ эти движенія совершились, а также для сохраненія воспоминаній о движеніи, которыми должна обладать душа, прежде чѣмъ данное движеніе можетъ быть совершено (эти душевные образы движеній мы ранѣ назвали кинѣстетическими эквивалентами). Эти центры, возбуждаясь при мысли о желаемомъ движеніи, которая составляетъ необходимое душевное приготовленіе къ движенію, въ свою очередь воздѣйствуютъ на настоящіе двигатель-

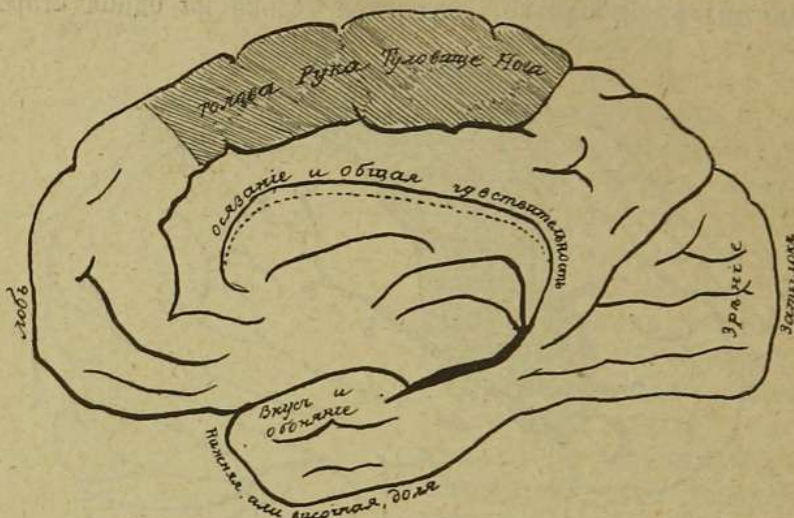

Рис. 3.—Внутренняя поверхность праваго полушарія мозга (по Шеферу и Горслею). Заштрихована двигательная зона.

ные центры, которые лежатъ подъ корой во второмъ ярусѣ. Таково, по мнѣнію автора, предпочтительное истолкованіе имѣющихся у насъ теперь данныхъ.

Область рѣчи. Много интересныхъ фактовъ соотношенія между тѣломъ и душою обнаружилось въ связи съ функціей рѣчи. Рѣчь сложна и съ физиологической, и съ психологической стороны, и легко подвергается разстройствамъ, представляющимъ такое замѣчательное разнообразіе, что они являются источникомъ весьма плодотворныхъ указаній для изслѣдователя. Теперь доказано, что рѣчь не является особымъ даромъ, отдѣльною опредѣленною способностью, которою человѣкъ либо обладаетъ, либо нѣтъ. Это—сложное явленіе, возникающее изъ соединеннаго дѣйствія многихъ мозговыхъ центровъ или, съ душевной стороны, многихъ, такъ называемыхъ, способностей или функцій. Для того, чтобы говорить, человѣку при нормальныхъ условіяхъ требуется цѣлая область въ мозгу, занимающая значительную долю внѣшней боковой части (см. черт. 4). Она простирается, какъ видно на чертежѣ, отъ Роландовой области (K), гдѣ создаются кинѣстетическія, основанныя на движеніяхъ губъ и языка, воспоминанія о словахъ, назадъ къ височной области (A), гдѣ возникаетъ слуховая память словъ; затѣмъ вверхъ къ угловой извилинѣ въ задней или затылочной области (V), гдѣ въ свою очередь являются зрительные образы написанныхъ или напечатанныхъ словъ, чтобы сыграть свою роль

въ общемъ явленіи; и со всею этою комбинаціей связанъ центръ для движеній руки и кисти, примѣняемыхъ при письмѣ, центръ, находящійся выше въ Роландовой области (надъ *K*). Въ той-же самой общей области мы находимъ мѣстоположеніе музыкальной функціи, при чемъ музыкальные звуки воспринимаются въ слуховомъ центрѣ, очень близкомъ къ области для воспринятія слышимыхъ словъ (*A*), между тѣмъ какъ центръ для музыкальнаго выраженія находится также въ Роландовой области. Далѣе, какъ и можно было предвидѣть, чтеніе музыкальныхъ нотъ требуетъ зрительнаго центра наравнѣ съ чтеніемъ словъ. Въ дополненіе къ этому мы встречаемъ любопытный фактъ, что вся область рѣчи локализуется только въ одномъ полушаріи. Нахожденіе ея слѣва или справа, въ отдѣльныхъ случаяхъ, служитъ также указаніемъ, владѣетъ ли данный человекъ лучше правой или лѣвой рукой; это значитъ, что процессъ, дѣлающій человека правшой или лѣвшой, вѣроятно, локализованъ въ области рѣчи или поблизости отъ нея. Большинство людей имѣютъ область рѣчи въ лѣвомъ полушаріи, и лучше владѣютъ правой рукой; чертежъ 4 изображаетъ лѣвое полушаріе мозга, и вмѣстѣ съ нимъ — правую руку, держащую перо.

Рис. 4.—Область рѣчи.

Недостатки рѣчи. А фазія. Разнаго рода поврежденій, какимъ можетъ подвергнуться большая область мозга, такъ много, что встрѣчается почти безконечное разнообразіе недостатковъ рѣчи. Всякое нарушеніе правильности рѣчи называется афазіей, и притомъ моторной афазіей, если аппаратъ поврежденъ со стороны движенія. Если повреждены волокна, идущія отъ области рѣчи, такъ что импульсы не могутъ передаться мышцамъ, то мы имѣемъ субкортикальную моторную афазію. Ея особенность состоитъ въ томъ, что человекъ отлично знаетъ, что ему нужно сказать, но не можетъ произнести ни слова. Онъ способенъ читать про себя, можетъ понимать рѣчь другихъ и помнить музыку; но при своей неспособности говорить онъ вообще также неспособенъ писать или играть на музыкальномъ инструментѣ (последнее, однако, бываетъ не всегда). Затѣмъ, мы встречаемъ новыя разновидности, если поврежденіе—тутъ разумѣются всякаго рода мѣстные недостатки нервной системы—находится въ мозговомъ центрѣ въ Роландовой области, гдѣ возникаютъ воспоминанія о требуемыхъ движеніяхъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ страдающій афазіей можетъ легко подражать рѣчи, когда онъ ее слышитъ, подражать написанному, пока онъ видитъ его передъ собою, но не можетъ самъ, независимо, говорить или писать. Съ этимъ связанъ еще одинъ фактъ, характеризующій эту форму афазіи, которая называется кортикальной, въ противоположность субкортикальной моторной афазіи, описанной выше, именно, что человекъ можетъ обзаваться неспособнымъ даже думать о словахъ, которыя пригодны для выраженія его мысли. Такъ бываетъ, когда описанному разстройству подвергаются люди, у которыхъ нормальная рѣчь связана съ памятью движеній губъ и языка.

Кромѣ упомянутыхъ двухъ формъ моторной афазіи, существуютъ нѣкоторые другіе недостатки рѣчи, называемыя сенсорною афазіей. Когда расстройство является въ одной изъ частей мозга въ области рѣчи, гдѣ сосредоточена память о видѣнныхъ или же слышанныхъ словахъ.—Такъ, напримѣръ, когда играющій въ мячъ получаетъ ударъ по задней части головы надъ зрительнымъ центромъ—являются спеціальныя формы сенсорной афазіи. У играющаго въ мячъ получится въ этомъ случаѣ зрительная афазія—неспособность говорить, поскольку онъ привыкъ связывать свою рѣчь съ образами написанныхъ или напечатанныхъ словъ. Онъ совершенно неспособенъ писать или читать по тексту, который онъ видитъ; но онъ можетъ быть способнымъ, тѣмъ не менѣе, писать подъ диктовку, а также повторять слова, которыя ему произносятъ. Это потому что при этихъ послѣднихъ дѣйствіяхъ онъ пользуется своимъ слуховымъ центромъ, а не зрительнымъ. Есть даже нѣкоторые люди, настолько мало нуждающіеся въ зрѣніи, что потеря зрительнаго центра не вызываетъ у нихъ значительнаго ослабленія способности рѣчи.

Далѣе, когда поврежденію подвергается слуховой центръ въ височной области, мы встрѣчаемся со случаемъ, противоположнымъ только что описанному; этотъ недостатокъ называется слуховою афазіей. Больной не можетъ теперь ни произнести, ни написать слова, которыя онъ слышитъ, и не можетъ говорить самъ, поскольку онъ привыкъ основываться на памяти звуковъ словъ. Но въ большинствѣ случаевъ онъ остается способнымъ и произносить, и писать печатныя или написанныя слова, которыя онъ видитъ передъ собою.

Эти примѣры могутъ дать читателю понятіе о замѣчательной утонченности и сложности функціи рѣчи. Она становится еще болѣе очевидною, когда вмѣсто случаевъ значительнаго поврежденія, разрушающаго цѣлый центръ или уничтожающаго соединеніе между центрами, мы имѣемъ поврежденіе мозга, разрушающее лишь нѣсколько клѣточекъ сѣраго вещества въ томъ или другомъ мѣстѣ. Тогда мы встрѣчаемъ частичную потерю рѣчи, какая, напримѣръ, замѣчается у больныхъ, которые утрачиваютъ способность произносить только извѣстныя группы словъ—глаголы, или союзы, имена собственные и т. д. Иная форма наблюдается у больныхъ, которые говорятъ не то, что хотятъ сказать. Наконецъ, бывають случаи, когда люди одновременно произносятъ два ряда словъ; надъ однимъ изъ нихъ они не властны и часто приписываютъ этотъ фактъ враждебной силѣ, находящейся внутри ихъ и завладѣвшей органами рѣчи, или внѣшнему преслѣдователю, нападки котораго они не могутъ перестать слышать. Въ случаяхъ сильной головной боли мы часто неправильно называемъ предметы, не замѣчая этого сами, а въ бѣлой горячкѣ механизмъ рѣчи дѣйствуетъ подъ вліяніемъ сильныхъ органическихъ воздѣйствій совершенно безъ участія воли. Впавшій въ дѣтство старикъ бормочетъ вздоръ, думая, что онъ говоритъ какъ слѣдуетъ.

Въ главныхъ случаяхъ афазіи различныхъ сенсорныхъ и моторныхъ типовъ психологическій анализъ теперь настолько правиленъ и анатомическая локалізація сдѣлала такіе успѣхи, что врачи имѣють достаточную основу для діагноза и дѣлають выводы относительно лѣченія. Многіе случаи опухолей, сгустковъ крови въ мозгу, давленія черепа, кровотеченія или закупорки кровеносныхъ сосудовъ въ ограниченной области, были излечены благодаря указаніямъ, даваемымъ спеціальными формами и степенями развитія афазіи, какія обнаруживались у больныхъ. Черепъ вскрываютъ на мѣстѣ, указываемомъ недостаткомъ рѣчи, поврежденіе находятъ тамъ, гдѣ его позволяль ожидать діагнозь, и причину страданія удаляютъ.

Эти свѣдѣнія о локализациі уясняютъ читателю ту истину, что нѣтъ науки френологіи. Не сдѣлано никакихъ открытій, позволяющихъ судить о локализациі разума; и теперь весьма распространѣнъ взглядъ, что весь мозгъ, со всѣмъ обмѣномъ импульсовъ изъ одной части въ другую, участвуетъ въ мышленіи. Что касается локализациі отдѣльныхъ чувствъ и особенностей характера, то такое предположеніе совершенно нелѣпо. Далѣе, неправильности черепа не указываютъ на различія мозга въ отдѣльныхъ мѣстахъ. Можно думать, что сравнительный вѣсъ мозга можетъ служить указаніемъ на умственное развитіе, особенно когда вѣсъ этотъ сравнивается съ вѣсомъ остального тѣла, и что развитіе отдѣльныхъ областей увеличиваетъ поверхность коры, углубляя извилины и умножая ихъ число. Но эти утвержденія нельзя приложить прямо къ отдѣльнымъ лицамъ, какъ того требуетъ френологія.

Недостатки памяти. Амнезія. Случаи, приведенные немного выше, когда недостатокъ рѣчи оказывается зависящимъ отъ утраты нѣкоторыхъ видовъ памяти словъ, иллюстрируютъ также рядъ душевныхъ расстройствъ, соединяемыхъ въ одну группу подъ именемъ амнезіи. Всякій недостатокъ памяти, за исключеніемъ нормальной забывчивости, подходитъ подъ это названіе. Совершенно подобно тому, какъ утрата памяти на слова вызываетъ неспособность говорить, такъ и утрата другихъ родовъ памяти вызываетъ другія расстройства дѣятельности. Больной можетъ забыть предметы, и вслѣдствіе этого не знать, какъ пользоваться перочиннымъ ножомъ или надѣвать сапоги. Онъ можетъ забыть событія, и потому давать ложныя показанія о прошедшемъ.

Можно забыть и самого себя, и такимъ образомъ имѣть, въ нѣкоторой степени, различный характеръ, какъ это видно, въ рѣзкихъ формахъ, у людей, страдающихъ, такъ называемымъ, раздвоеніемъ личности. Эти больные внезапно впадаютъ въ другое состояніе, въ которомъ они забываютъ о всѣхъ событіяхъ своей обыкновенной жизни, но помнятъ о всѣхъ событіяхъ прежней жизни второй личности. Это состояніе можно назвать «общей» амнезіей, въ противоположность «частичной» амнезіи, соответствующей вышеприведеннымъ примѣрамъ, когда повреждены только отдѣльные виды памяти.

Поврежденіе памяти съ годами также иллюстрируетъ и «общую», и «частную» амнезію. Старикъ теряетъ память на имена, потомъ на другія слова, потомъ на событія, и постепенно становится неспособнымъ запомнить что-либо значительное.

Недостатки воли. Абулія. Нѣсколькихъ словъ будетъ достаточно, чтобы охарактеризовать большой классъ душевныхъ расстройствъ, возникающихъ въ области дѣйствія. Всякая неспособность совершать волевыя дѣйствія называется абуліей, или недостаткомъ воли. Нѣкоторые недостатки рѣчи, упомянутые выше, иллюстрируютъ это: таковы — случаи, когда больной знаетъ, что онъ хочетъ сказать, и все-таки не можетъ сказать. Это — типъ всѣхъ «частичныхъ» абулій. Можетъ не быть недостатка въ рѣшимости и усиліи, но тѣмъ не менѣе дѣйствіе можетъ оказаться невозможнымъ. Но, въ противоположность этому, есть болѣе серьезный недостатокъ, называемый «общей» абуліей. Здѣсь мы встрѣчаемъ ослабленіе рѣшимости, соединенное съ нѣкоторымъ недостаткомъ самообладанія, обнаруживающимся часто въ нѣкоторыхъ колебаніяхъ и нерѣшимости. Больной говоритъ: «я не могу придти къ рѣшенію», «я не могу рѣшиться». Въ крайнихъ случаяхъ это принимаетъ форму маніи, называемой «маніей сомнѣнія». Больной стоитъ передъ дверью цѣлый часъ, сомнѣваясь, можетъ онъ открыть ее или нѣтъ, или доводитъ до крайности то, что со всѣми нами иногда случается — необходимость снова и снова возвращаться

чтобы удостовѣриться, что мы заперли дверь или закрыли трубу въ печь.

Этими иллюстраціями можно закончить нашъ разсказъ о душевныхъ разстройствахъ. Болѣе сложныя разстройства, различные виды помѣшательства, маніи, фобіи и т. д., не могутъ быть описаны вкратцѣ. Кромѣ того, они все еще окутаны самымъ глубокимъ мракомъ. Для психолога, однако, есть нѣсколько принциповъ, которые могутъ служить путеводной нитью въ лабиринтъ фактовъ. Эти принципы я и приведу въ заключеніе.

Прежде всего, всѣ душевныя разстройства связаны съ заболѣваніями мозга, и могутъ быть излечены вмѣстѣ съ излеченіемъ мозга. Отсюда не слѣдуетъ, конечно, чтобы въ нѣкоторыхъ случаяхъ лѣченіе посредствомъ духовнаго воздѣйствія, какъ, напр., внушенія, возбужденія ожиданія, вѣры и т. д. не могло оказаться, при разумномъ употребленіи, болѣе полезнымъ здѣсь, чѣмъ въ разстройствахъ, не затрагивающихъ души; но все таки цѣль, какой нужно достигъ, есть физическое и душевное исцѣленіе, и средства, по крайней мѣрѣ, при теперешнемъ состояніи знаній, примѣняются главнымъ образомъ физическія. Психологъ, можно сказать, ничего не знаетъ относительно законовъ, управляющихъ вліяніемъ души на тѣло. Принципъ внушенія настолько неясенъ въ его конкретномъ примѣненіи, что наиболѣе опытные и свѣдущіе психіатры находятъ невозможнымъ управлять его примѣненіемъ или предсказывать его результаты. При такомъ положеніи вещей поддерживать какую либо мнимую систему врачеванія душевныхъ болѣзней—«христіанскую науку», духовное исцѣленіе и т. п., пренебрегающую обычнымъ медицинскимъ лѣченіемъ—значить подрывать довѣріе къ средствамъ истинной медицины и выпускать на свободу врага, опаснаго для общественнаго здоровья.

Кромѣ того, подобныя вещи порождаютъ своеобразный истерическій субъективизмъ, разрушающій здравое сужденіе и уничтожающій чувство реальности, которое многими поколѣніями создавалось въ современной наукѣ. Наукѣ все время приходилось бороться съ такой постановкой ея наиболѣе неясныхъ и необъясненныхъ фактовъ въ связи съ цѣлями шарлатанства, обмана и суевѣрія; и психологи теперь въ особенности должны сознать свой долгъ—бороться съ тѣми формами этой связи, которыя возникаютъ при пользованіи новѣйшими результатами психологіи—въ тѣхъ ли цѣляхъ, чтобы дополнить недостаточныя свѣдѣнія о «передачѣ мыслей», для оправданія притязаній спиритизма, или чтобы оправдать во имя «личной свободы» замѣну опытнаго врача «знахаремъ». Отецъ, который даетъ своему ребенку умереть отъ стараній знахаря сторонника «христіанской науки», въ такой же мѣрѣ преступникъ по небрежности, какъ и тотъ, кто, уйдя лишь на шагъ дальше въ томъ же самомъ направленіи, доводитъ свое дитя до голодной смерти во имя вѣры. Во Франціи и Россіи примѣненіе гипноза къ здоровымъ людямъ разрѣшается по закону только специалистамъ, имѣющимъ на это право; что же мы скажемъ, при сравненіи съ этимъ, о нашемъ, совершенно дилетантскомъ экспериментированіи надъ больнымъ? Пусть «знахарь» исцѣляетъ, кого можетъ, но пусть онъ не идетъ до границы между жизнью и смертью въ своихъ опытахъ надъ довѣрчивостью и суевѣріемъ людей, думающихъ, что всякій «докторъ» достаточно хорошъ.

Далѣе, многіе спеціалисты признаютъ, что душевныя болѣзни, каковы бы ни было ихъ мѣстоположеніе въ мозгу, всѣ вызываютъ разстройство вниманія. Это, во всякомъ случаѣ, общій признакъ какого-бы то ни было душевнаго недостатка. У идиота недостаеетъ силы вниманія. У маниака нѣтъ способности управлять вниманіемъ. Страдающій ложными представленіями не имѣетъ гибкости вниманія и способности схватывать образы. У старика

ослабѣло вниманіе, нѣтъ способности сосредоточиться. Такъ и въ другихъ случаяхъ. Вниманіе—орудіе одного рода нормальной душевной дѣятельности, носящаго названіе апперцепціи и, такимъ образомъ, расстройство вниманія сразу обнаруживается, выражаясь въ какомъ либо особенномъ недостаткѣ.

Наконецъ, интересно отмѣтить, что при постепенномъ развитіи душевнаго расстройства утрата душевныхъ способностей происходитъ въ порядкѣ, обратномъ тому, въ какомъ онѣ первоначально пріобрѣтаются. Наиболѣе сложныя функціи, пріобрѣтенныя послѣдними, прежде всего приходятъ въ расстройство. Въ случаяхъ общаго вырожденія, размягченія мозга и т. д., разумъ и нравственный характеръ прежде всего подвергаются разрушенію, затѣмъ память, ассоціація и усвоенныя дѣйствія всякаго рода, между тѣмъ какъ долѣе всего остаются дѣйствія подражательныя, большинство глубоко укоренившихся привычекъ, а также инстинктивныя, рефлекторныя и автоматическія функціи. Это послѣднее состояніе наблюдается у несчастныхъ, страдающихъ слабоуміемъ и у идиотовъ отъ рожденія. У идиота сверхъ его жизненныхъ процессовъ и инстинктовъ, остается лишь немного больше, чѣмъ способность подражать, какъ попугай. При помощи ея онъ пріобрѣтаетъ весьма немногочисленные элементы своего воспитанія.

При выздоровленіи больного наблюдаются опять тѣ же самыя стадіи, но въ обратномъ направленіи; онъ слѣдуетъ порядку первоначальнаго пріобрѣтенія—процессъ, который врачи называютъ ре-эволюціей.

ГЛАВА VI

Какъ производить опыты надъ душой. Экспериментальная психологія.

За послѣдніе годы успѣхи методовъ для производства лабораторныхъ опытовъ по различнымъ наукамъ, изучающимъ тѣло, въ лабораторіяхъ послужили къ возбужденію вопроса, нельзя ли производить опыты также и надъ душой. Этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, что и психологи стали производить искусственныя измѣненія въ воздѣйствіяхъ на чувства и въ расположеніи предметовъ и условій, окружающихъ человека, и такимъ образомъ вызывать измѣненія и въ его душевныхъ состояніяхъ. То, что мы видѣли въ фізіологической психологіи, иллюстрируетъ этотъ общій пріемъ, такъ какъ при такихъ изслѣдованіяхъ измѣненія въ фізіологическихъ процессахъ, какъ, напр., въ дыханіи и т. п., разсматриваются, какъ причины душевныхъ измѣненій. Однако, въ экспериментальной психологіи, въ отличіе отъ психологіи фізіологической, мы условливаемся выбирать только тѣ вліянія, которыя находятся внѣ тѣла, какъ-то: свѣтъ, звукъ, температура и т. д., оставляя субъекта по возможности нормальнымъ во всѣхъ отношеніяхъ.

При университетахъ Германіи, Франціи и Соединенныхъ Штатовъ, устроено теперь очень много лабораторій. Онѣ чрезвычайно различаются между собою, но ихъ общая цѣль—производить надъ душой, при помощи измѣненій въ воздѣйствіяхъ, какимъ подвергается человекъ, такіе опыты, чтобы можно было получить свѣдѣнія объ ощущеніяхъ субъекта, его способности къ запоминанію, точности и характеръ его движеній и т. п.

Дѣятельность этихъ лабораторій и родъ изслѣдованій, производимыхъ въ нихъ, можно лучше всего иллюстрировать, пожалуй, описаніемъ нѣкоторыхъ результатовъ, аппаратовъ, методовъ и т. п., изъ практики моей собственной лабораторіи за прошлый годъ. Цѣль, какую я имѣю въ виду, будетъ сочтена, надѣюсь, достаточнымъ оправданіемъ для тѣхъ ссылокъ

на личный примѣръ, какія этимъ вызываются, такъ какъ опредѣленные описанія, подобныя этому, обладаютъ большей конкретностью и реальностью. Другія лабораторіи, какъ, напр., въ Гарвардскомъ университетѣ и въ университетѣ Колумбіи, разбираютъ подобные же вопросы при помощи сходныхъ методовъ. Поэтому, я опишу нѣкоторыя недавнія работы въ Принстонской лабораторіи.

Изъ числа вопросовъ, разбиравшихся въ лабораторіи, можно выбрать нѣсколько для болѣе подробнаго объясненія, такъ какъ они относятся къ весьма различнымъ областямъ и иллюстрируютъ различные методы.

I. Опыты надъ чувствомъ температуры. Уже лѣтъ двадцать тому назадъ подозрѣвали, что у насъ имѣется отдѣльное чувство, съ специальнымъ нервнымъ аппаратомъ, для ощущенія различныхъ температуръ дѣйствующихъ на кожу. Нѣкоторые изслѣдователи нашли, что это, вѣроятно, справедливо; это подтверждается тѣмъ фактомъ, что нѣкоторыя вещества мѣняютъ чувствительность кожи къ ощущеніямъ тепла и холода.

Еще шагъ впередъ былъ сдѣланъ, когда обнаружили, что ощущенія тепла (или холода) могутъ получаться изъ мѣстъ, которыя въ то же самое время нечувствительны къ другому рода раздраженію—холоду (или теплу). Были открыты нѣкоторыя точки, которыя даютъ ощущенія холода при прикосновеніи холоднаго предмета, но не даютъ никакого ощущенія при прикосновеніи горячаго; между тѣмъ другія точки даютъ только ощущеніе тепла, никогда не давая ощущенія холода. Отсюда вывели, что мы обладаемъ двумя чувствами температуры—однимъ для тепла, другимъ для холода.

Взявши эти данныя за исходную точку г. К. хотѣлъ болѣе точно опредѣлить соотношеніе между этими двумя родами ощущеній, и полагалъ, что онъ можетъ сдѣлать это при помощи метода, позволяющаго многократно повторять раздраженіе опредѣленнаго ряда точекъ, получивъ такимъ образомъ, рядъ отмѣтокъ результатовъ, относящихся и къ теплу, и къ холоду для данной области. Онъ, выбравъ область кожи на предплечьѣ, тщательно выбрилъ ее и началъ изслѣдовать ее при помощи самыхъ тонкихъ металлическихъ стерженьковъ, какими можно было проводить по кожѣ, не уколовъ и не оцарапавъ ее. Эти стерженьки были прикрѣплены къ металлическимъ цилиндрамъ, а вокругъ цилиндровъ были намотаны резиновыя ленты; цилиндры затѣмъ погружались въ горячую или холодную воду, поддерживаемую при извѣстныхъ опредѣленныхъ температурахъ, и вынимались при помощи резиновыхъ лентъ. Ихъ помѣщали стерженькомъ внизъ при равномерномъ давленіи, на разныя мѣста кожи въ выбранной области. Такимъ путемъ были найдены точки, чувствительныя только къ теплу или только къ холоду, и отмѣчены чернилами; такъ продолжалось, пока вся область не была изслѣдована и размѣчена различными цвѣтами. Это дѣлалось часто и раньше. Оставалось придумать способъ сохранить эти показанія, такъ, чтобы можно было удалить всѣ мѣтки съ кожи и сдѣлать новыя изслѣдованія на той же поверхности. Это было необходимо для того, чтобы убѣдиться, всегда ли тождественны получаемые результаты. Теорія, утверждающая, что въ кожѣ существуютъ извѣстныя нервныя окончанія, соответствующія найденнымъ точкамъ, требовала, чтобы каждая точка оказывалась на томъ же самомъ мѣстѣ всякій разъ, какъ повторялся опытъ.

Г. К. сдѣлалъ цѣлый рядъ прозрачныхъ переводныхъ рамокъ. Это—прямоугольные куски картона, съ вырѣзанными въ нихъ отверстиями. Отверстія заклеены тонкой и прозрачной бумагой. Рамка помѣщается на

предплечье такъ, чтобы бумага въ рамкѣ пришлась надъ мѣтками на кожѣ. Мѣтки видны насквозь очень ясно, и ихъ можно скопировать на бумагу. Затѣмъ дѣлается нѣсколько мѣтокъ по краямъ, на углахъ, какъ на бумагѣ, такъ и на рукѣ на однихъ и тѣхъ же, мѣстахъ, рамка снимается и всѣ мѣтки на рукѣ уничтожаются, кромѣ краевыхъ. Результатъ тотъ, что во всякое время рамки можно опять положить на руку, приведя въ совпаденіе крайнія точки, и тогда мѣтки на бумагѣ укажутъ мѣста температурныхъ точекъ на кожѣ.

Повторяя нѣсколько разъ изслѣдованіе одной и той же области по этому способу, г. К. получилъ много изображеній расположенія точекъ, дающихъ ощущеніе тепла и холода на одной и той же площади; затѣмъ онъ клалъ рамки одна на другую, смотрѣлъ на нихъ противъ окна, такъ, чтобы получился ярко освѣщенный фонъ, и такимъ образомъ сразу могъ видѣть, насколько совпадаютъ между собою результаты различныхъ наблюденій.

Его результаты, говоря кратко, не подтверждаютъ той теоріи, по которой чувство температуры обладаетъ аппаратомъ, состоящимъ изъ отдѣльныхъ постоянныхъ точекъ для тепла и другихъ постоянныхъ точекъ—для холода. Сопоставляя различныя мѣтки для точекъ тепла, г. К. нашель, что эти точки не однѣ и тѣ же, а что точки въ одной рамкѣ помѣщаются между точками въ другой, а если сложить нѣсколько рамокъ вмѣстѣ, то точки заполняютъ большую или меньшую площадь. То же самое относится къ точкамъ холода; онѣ заполняютъ сплошную площадь. Г. К. нашель, однако, какъ нашли и другіе изслѣдователи, что области тепла вообще въ значительной мѣрѣ отдѣлены отъ областей холода, лишь отчасти касаясь другъ на друга кое-гдѣ, и также, что есть мѣста кожи, гдѣ мы обладаемъ весьма слабою способностью ощущать и тотъ, и другой родъ температуры.

Общіе выводы, если только они будутъ подтверждены другими изслѣдователями, показываютъ, значить, что наше чувство температуры сосредоточено на довольно обширныхъ кускахъ кожи, а не въ отдѣльныхъ точкахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, остается, справедливымъ, что мы обладаемъ двумя чувствами температуры — однимъ для холода, другимъ для тепла.

II. Опыты надъ временемъ реакціи. Изслѣдованіе такъ называемаго «времени реакціи» составляетъ одинъ изъ самыхъ важныхъ и наиболее развитыхъ отдѣловъ экспериментальной психологіи. Вратцѣ, опыты этого рода состоятъ въ слѣдующемъ: опредѣлить, сколько времени требуется человѣку, чтобы воспринять какое-либо чувственное впечатлѣніе. Простое приспособленіе для опыта состоитъ въ слѣдующемъ: усадите субъекта удобно, дайте звонокъ такъ, что бы одновременно съ-этимъ замкнуть электрическій токъ и пустить въ ходъ часы, и научите субъекта нажать пальцемъ кнопку какъ можно скорѣе послѣ того, какъ онъ услышитъ звонокъ. Нажатіе кнопки прерываетъ токъ и останавливаетъ часы. Стрѣлка часовъ указываетъ дѣйствительный промежутокъ времени между звонкомъ (сигналь) и нажатіемъ пальца (реакція). Для точной работы вмѣсто часовъ примѣняютъ хроноскопъ Гиппа, который указываетъ промежутки времени въ тысячныхъ доляхъ секунды.

Чтобы сохранить постоянство условій и устранить нарушающія чистоту опыта обстоятельства, проволоки берутся длинныя, такъ что часы и экспериментаторъ помѣщаются въ одной комнатѣ, а звонокъ, кнопка и субъектъ — въ другой, за закрытой дверью. Этотъ методъ опредѣленія времени реакціи примѣнялся много лѣтъ, особенно астрономами, которымъ надо знать при наблюденіяхъ, сколько времени нужно наблюдателю, чтобы

отмѣтитъ прохожденіе или другое явленіе. Это—часть «личнаго уравненія» астронома.

Начиная съ этого опыта надъ «простой реакціей», какъ съ основанія, психологи разнообразили свои указанія субъекту, такъ, чтобы опредѣлить различные промежутки времени, какіе нужны ему для совершенія болѣе сложныхъ психологическихъ процессовъ, какъ, на примѣръ, различіе двухъ или болѣе впечатлѣній, счетъ, умноженіе, дѣленіе и т. д., до реакціи. Въ другихъ случаяхъ субъекта заставляютъ ждать появленія ассоціированной идеи, прежде чѣмъ произвести реакцію, и т. п. Сравнивая эти различные промежутки времени между собою, получаютъ интересные результаты относительно соотвѣтственныхъ душевныхъ процессовъ, а также относительно различій между отдѣльными лицами въ болѣе простыхъ операціяхъ ихъ повседневной жизни. Слѣдующія изслѣдованія, произведенныя г. Б. (авторомъ), служатъ иллюстраціей обоимъ этимъ утвержденіямъ.

Г. Б. хотѣлъ подвергнуть дальнѣйшему разслѣдованію фактъ, установленный нѣсколькими лицами по этому методу,—тотъ фактъ, что существуетъ значительное различіе во времени реакціи для даннаго человѣка, смотря по направленію его вниманія въ теченіе опыта. Если, на примѣръ, г. Х. подвергается изслѣдованію, то возможно, что онъ предпочтетъ тщательно слѣдить за сигналомъ, предоставляя своему пальцу нажать кнопку безъ непосредственнаго наблюденія за нимъ.

Если это такъ, и мы затѣмъ помѣшаемъ его образу дѣйствій, сказавъ ему, что онъ долженъ обращать вниманіе на свой палецъ, оставляя въ сторонѣ сигналъ, то мы замѣтимъ, что ему очень не легко сдѣлать это, онъ приходитъ въ затрудненіе, и его время реакціи становится очень непостояннымъ и значительно болѣе продолжительнымъ. Какой-нибудь другой человѣкъ, на примѣръ Y., можетъ обнаружить какъ разъ обратное положеніе вещей: онъ находитъ болѣе легкимъ обращать вниманіе на свою руку, и когда онъ дѣлаетъ это, онъ получаетъ болѣе короткое и болѣе постоянное время реакціи, чѣмъ когда онъ слѣдитъ за звуковымъ сигналомъ.

Г. Б. пришло въ голову, что поразительныя различія, обнаруживаемыя различными людьми при изслѣдованіи вопроса о наиболѣе благоприятномъ направленіи вниманія, могли-бы быть связаны съ фактами, обнаруженными въ области физиологической психологіи, по поводу рѣчи; именно, что одинъ человѣкъ въ рѣчи представляетъ «зрительный типъ»—пользуется по преимуществу зрительными образами словъ, другой—«моторный»—пользуется по большей части мышечными образами, третій—«слуховой»—опирается на звуковые образы. Если различія такъ рѣзки въ области рѣчи, то казалось вѣроятнымъ, что они могутъ также простираются и на другія функціи, и, такъ называемый, «типъ» человѣка въ его рѣчи можетъ обнаружиться и въ сравнительной продолжительности времени реакціи, смотря по тому, на какомъ классѣ образовъ онъ сосредоточивалъ свое вниманіе.

Назвавъ эту теорію времени реакціи «теоріей типовъ», и принявшись за изученіе четырехъ различныхъ субъектовъ въ лабораторіи, г. Б. раздѣлилъ задачу на двѣ части: во-первыхъ, найти у всѣхъ выбранныхъ людей, путемъ изслѣдованія ихъ преимущественныхъ душевныхъ привычекъ при рѣчи, чтеніи, письмѣ, грезахъ и т. п., классъ образовъ, на которые они обычно больше всего опираются; и затѣмъ убѣдиться посредствомъ ряда опытовъ, короче ли у нихъ время реакціи на образы этого рода, когда вниманіе обращено на самые образы, чѣмъ когда оно обращено на мышцы, примѣняемыя при реакціи. Такимъ путемъ устанавливалось слѣдующее: если бы реакція на эти образы оказалась болѣе короткой, чѣмъ на соотвѣтствующіе мышечные образы, или на другой

классъ образовъ, то время реакціи даннаго лица указывало бы на его душевный типъ, и могло бы служить для опредѣленія послѣдняго. Это былъ бы весьма важный результатъ, такъ какъ многіе вопросы и въ медицинѣ, и въ воспитаніи, требующіе опредѣленія характера души отдѣльнаго лица, выиграли бы отъ примѣненія такого точнаго метода.

Результаты, полученные со всѣми субъектами, подтвердили предположеніе. Напримѣръ, одинъ изъ нихъ, г. К., нашелъ путемъ независимаго наблюденія надъ самимъ собою, произведеннаго весьма тщательно, что при всѣхъ упомянутыхъ функціяхъ онъ находился въ очень большой зависимости отъ слуха. Когда онъ думалъ о словахъ, онъ вспоминалъ, какъ они звучатъ; его сны были полны разговорами и другими звуками. Когда онъ писалъ, онъ постоянно думалъ о томъ, какъ слова и фразы будутъ звучать при произнесеніи. Не зная этого, надъ нимъ произвели много рядовъ опытовъ, относящихся къ реакціи; результатъ обнаружилъ замѣчательную разницу въ продолжительности его реакціи, смотря по тому, обращалъ ли онъ свое вниманіе на звукъ или на руку,—разницу, сводившуюся къ тому, что время реакціи было вдвое короче, когда онъ обращалъ вниманіе на звукъ. То же самое замѣчалось, когда онъ реагировалъ на свѣтъ — вниманіе по преимуществу обращалось на свѣтъ, а не на руку; но разница была меньше, чѣмъ въ случаѣ звуковъ. Такимъ образомъ, въ его случаѣ оказалось безспорнымъ фактомъ, что результаты опытовъ надъ временемъ реакціи согласовались съ независимымъ рѣшеніемъ г-на К. относительно его душевнаго типа.

Ни въ одномъ изъ случаевъ это соотвѣтствіе не нарушалось, хотя не у всѣхъ было такъ ярко выражено типическое предпочтеніе, какъ у г. К.

Вторая часть изслѣдованія имѣла цѣлью разсмотрѣніе вопроса—не обнаружитъ ли того же самаго время реакціи посредствомъ рѣчи, т. е., напримѣръ, въ случаѣ г. К., не окажется ли время реакціи на слышимый сигналъ или видимый свѣтъ посредствомъ рѣчи короче, когда онъ обращаетъ вниманіе на сигналъ, чѣмъ когда онъ обращаетъ вниманіе на свой ротъ и губы. Съ этою цѣлью была устроена клавиша для рта, которая позволяла субъекту, просто выпустивъ струю воздуха изъ своихъ губъ, прервать токъ и такимъ образомъ остановить хроноскопъ, какъ только онъ услышитъ сигналъ. Эта клавиша здѣсь изображена (Рис. 5).

Этотъ опытъ также производился надъ всѣми субъектами, при чемъ никто изъ нихъ не имѣлъ никакого понятія о поставленной цѣли, и сами экспериментаторы еще не разработали данныя прежнихъ изслѣдованій. Во всѣхъ случаяхъ, опять-таки, результаты обнаружили, что для рѣчи имѣетъ мѣсто то же самое, что и для руки—именно, что самое короткое время реакціи получается, когда субъектъ обращаетъ вниманіе на тотъ классъ образовъ, къ которому онъ имѣетъ общее предпочтеніе.

Въ случаѣ г. К., напримѣръ, оказалось, что время, какое было нужно ему, чтобы сказать, было гораздо короче, когда онъ обращалъ все вниманіе на ожидаемый звукъ, чѣмъ когда онъ обращалъ вниманіе на свои органы рѣчи. Такъ и въ другихъ случаяхъ. Если данный человекъ вообще предпочитаетъ пользоваться мышечными образами, то мы найдемъ, что

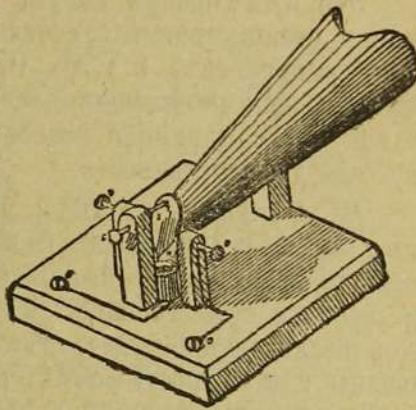

Рис. 5.—Клавиша для рта. Металлическій язычекъ е, помѣщающійся надъ ртутью и, приходя въ движеніе и прерываетъ токъ, когда изъ рта направляется въ трубу струя воздуха.

самое короткое время получается, когда вниманіе обращено на ротъ и губы. Такъ было у г. Б.

Общіе результаты обнаруживаютъ, слѣдовательно—и четыре случая безъ единого исключенія, присоединенные къ указаніямъ, найденнымъ другими авторами, дѣлаютъ эти выводы весьма вѣроятными,—что въ различіяхъ времени реакціи, опредѣляемаго при сосредоточеніи вниманія въ томъ или другомъ направленіи, мы имѣемъ общія указанія на темпераментъ даннаго лица или, по крайней мѣрѣ, на его душевныя склонности, созданныя воспитаніемъ. Эти указанія согласуются съ указаніями, получаемыми въ уже упомянутыхъ случаяхъ афазіи—моторной, зрительной, слуховой и т. д. Своевременное изслѣдованіе дѣтей по этому методу, вѣроятно, могло-бы оказаться весьма полезнымъ для опредѣленія надлежащихъ путей воздѣйствія, предметовъ изученія, приѣмовъ дисциплины, условій, при которыхъ ребенокъ скорѣе утомляется или испытываетъ затрудненіе,—наконецъ, вообще направленія, по какому могутъ получиться наилучшіе успѣхи при воспитаніи.

Эти изслѣдованія могутъ служить иллюстраціей примѣненія метода времени реакціи при изслѣдованіи такихъ сложныхъ процессовъ, какъ вниманіе, темпераментъ и т. п. Отдѣлъ психологіи, связанный съ различнаго рода измѣреніями времени, теперь называется душевной хронометріей; болѣе старинное названіе, психометрія, менѣе употребительно вслѣдствіе его двусмысленности.

III. Обманъ зрѣнія. Въ области зрѣнія постоянно обнаруживается много весьма интересныхъ фактовъ. Зрѣніе—самое сложное изъ чувствъ, наиболѣе легко разстраивающееся и притомъ самое необходимое для нашего нормальнаго существованія. Изложеніе приведенныхъ ниже экспериментальныхъ изслѣдованій будетъ тѣмъ болѣе полезно, что, помимо возможной новизны или важности самихъ результатовъ, они обнаруживаютъ нѣкоторые общія отношенія функцій зрѣнія къ эстетикѣ, къ теоріи обмановъ и къ функціи сужденія.

Обманъ чувствъ вызывается или чисто фізіологическими причинами, или дѣйствіемъ принципа ассимиляціи, о которомъ уже упоминалось. Въ послѣднемъ случаѣ онъ иллюстрируетъ тотъ фактъ, что всегда есть общая склонность души разсматривать вещь подъ извѣстными формами, образцами и т. д., къ которымъ она привыкла; для этого она часто искажаетъ то, что она видитъ или слышитъ, безсознательно для себя. Такимъ образомъ она впадаетъ въ ошибки сужденія, не умѣя миновать ловушку, созданную ея собственнымъ способомъ дѣйствій. Нигдѣ это не иллюстрируется лучше, чѣмъ въ сферѣ зрѣнія. Число обмановъ зрѣнія замѣчательно велико. Мы постоянно видимъ формы и фигуры не совсѣмъ такими, какими онѣ кажутся на самомъ дѣлѣ, если ихъ измѣрить. И психологи пытаются—пока съ довольно слабымъ успѣхомъ—найти нѣкоторые общіе принципы механизма зрѣнія, которые могли-бы объяснить большое разнообразіе его обмановъ.

Одинъ изъ этихъ принциповъ извѣстенъ подъ названіемъ контраста. Пока это—едва-ли принципъ. Это скорѣе слово, употребляемое для обозначенія всѣхъ ошибокъ, возникающихъ, когда площади различной величины и формы, разсматриваемыя одновременно или послѣдовательно, неправильно оцѣниваются въ ихъ соотношеніи. Чтобы изслѣдовать это простымъ способомъ, слѣдующій опытъ былъ задуманъ и выполненъ г. Б.

Онъ желалъ опредѣлить, не будутъ-ли неправильно оцѣниваться линейныя разстоянія въ полѣ зрѣнія (всей области, видимой одновременно), когда разсматриваютъ въ одно время двѣ отдѣльныхъ поверхности различ-

ной величины. Чтобы рѣшить это, онъ закрылъ окно (W)¹⁾ темной комнаты кускомъ бѣлаго картона, въ которомъ было вырѣзано два квадратныхъ отверстія (S, S'). Стороны квадратовъ имѣли весьма неодинаковую длину. Затѣмъ между серединами ближайшихъ другъ къ другу сторонъ обоихъ квадратовъ была сдѣлана щель, такъ что получилась очень узкая полоска, соединяющая сосѣднія стороны квадратовъ. Внутри темной комнаты онъ устроилъ яркое освѣщеніе, озаряющее эту щель, но невидимое для человѣка, сидящаго на нѣкоторомъ разстояніи отъ окна въ слѣдующей комнатѣ. На стержнѣ сзади картона была прикрѣплена игла (D), такъ что ея остріе могло двигаться вдоль освѣщенной полоски въ обѣ стороны; а къ иглѣ былъ придѣланъ якорь (A) электромагнита, который при прохожденіи тока тотчасъ-же притягивался къ магниту (E), и такимъ образомъ удерживалъ иглу какъ разъ въ томъ положеніи, какого она въ это время достигла. Часовой механизмъ (Ст) былъ устроенъ такъ, чтобы равномерно передвигать иглу назадъ и впередъ вдоль щели, а электромагнитъ соединенъ проволоками съ клавишей (К) на столѣ возлѣ субъекта въ другой комнатѣ. Послѣ того, какъ все готово, субъекту, г. С., говорятъ, чтобы онъ слѣдилъ за иглой, которая представляется въ видѣ свѣтлой точки, движущейся вдоль щели, и остановилъ ее, когда она достигнетъ середины черты, нажавъ клавишу. Экспериментаторъ, стоящій за окномъ въ темной комнатѣ, отсчитываетъ по шкалѣ (mm), раздѣленной на миллиметры, положеніе точки, у которой останавливается игла, освобождаетъ иглу, прерывая токъ и давая ей такимъ образомъ возможность снова двигаться по чертѣ. Это даетъ субъекту возможность опять остановить ее, когда онъ считаетъ ее находящейся какъ разъ на срединѣ черты, и такъ далѣе. Прилагаемый чертежъ (рис. 6) изображаетъ все устройство.

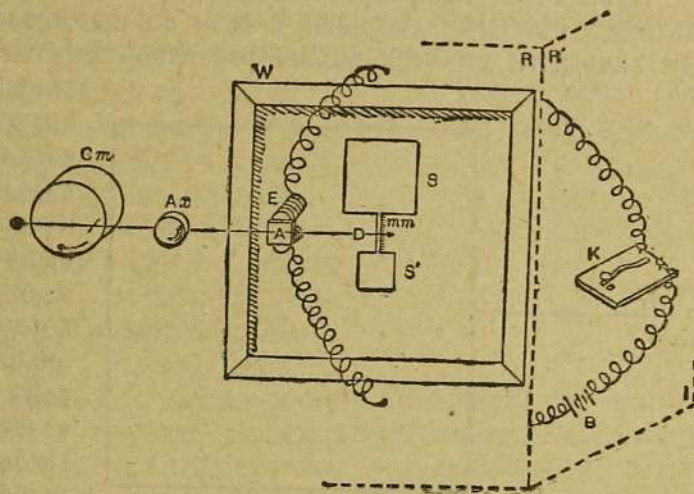

Рис. 6.

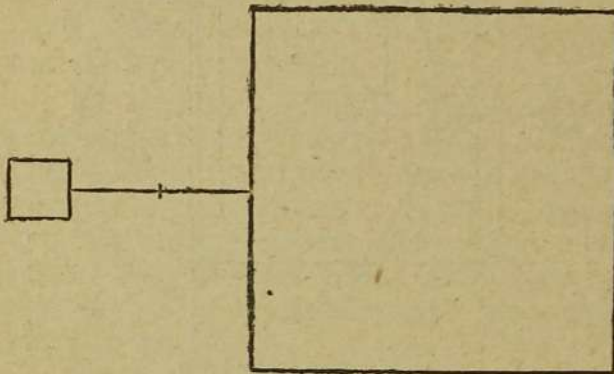
Очень большое число опытовъ, произведенныхъ по этому способу, съ квадратами, расположенными какъ вертикально, такъ и горизонтально, и съ различными лицами, дали поразительный и весьма однообразный результатъ. Точка, указанная субъектомъ, какъ середина, постоянно указывается ближе къ меньшему квадрату, и притомъ не чуть-чуть, а на довольно порядочное разстояніе. Величина этого перемѣщенія, или, не вполнѣ точно, величина обмана, возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ большой квадратъ становится больше, а маленькій—меньше; другими словами, эта величина мѣняется вмѣстѣ съ отношеніемъ сторонъ обоихъ квадратовъ.

Найдя такой несомнѣнный обманъ зрѣнія по этому методу, г. Б. полагалъ, что было-бы очень выгодно проверить его путемъ наблюденій надъ людьми вообще. Ему пришло въ голову, что для этого надо было измѣнить условія опыта слѣдующимъ образомъ. Онъ приготовилъ чертежъ, приведенный на стр. 72, на которомъ оба квадрата сдѣланы подходящей вели-

¹⁾ Эта и слѣдующія буквы въ скобкахъ относятся къ рис. 6.

чины, между ними проведена черта, и на чертѣ просто отмѣчена точка. Этотъ чертежъ онъ напечаталъ въ еженедѣльномъ журналѣ, и попросилъ читателей журнала заставить своихъ друзей, послѣ одного взгляда на чертежъ (т. е., не зная ожидаемаго результата), сказать—пусть это сдѣлаетъ и читатель прежде дальнѣйшаго чтенія—находится-ли точка на срединѣ линіи или нѣтъ; и если нѣтъ, то по какую сторону отъ дѣйствительной середины она находится. Сотни людей самыхъ различныхъ занятій и возрастовъ и обоего пола единогласно отвѣтятъ, что точка находится ближе къ большому квадрату. На самомъ дѣлѣ она какъ разъ посрединѣ. Это какъ разъ противоположно результату опытовъ въ лабораторіи, гдѣ условія были противоположныя—найти середину, какъ она представляется глазу. Здѣсь, поэтому, мы получаемъ полное подтвержденіе обмана; и теперь вполне установлено, что во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ находятся на лицо условія этого опыта, мы дѣлаемъ постоянную ошибку при опредѣленіи разстояній на глазъ ¹⁾.

Напримѣръ, если городская управа желаетъ поставить на площади памятникъ мѣстному дѣятелю, и если съ противоположныхъ сторонъ площади находятся строенія весьма различной высоты, то памятникъ нужно

ставить не на самой срединѣ площади, чтобы онъ производилъ наилучшее впечатлѣніе издали. Его нужно поставить нѣсколько ближе къ меньшему зданію. Одинъ изъ товарищей автора замѣтилъ, когда это впервые было опубликовано, что картины въ его домѣ на самомъ дѣлѣ были развѣшаны такъ, какъ того требовало приведенное замѣчаніе. Когда картину нужно было повѣсить между двумя

другими, значительно различающимися по величинѣ, или между дверью (большой) и окномъ (маленькимъ), ее на самомъ дѣлѣ вѣшали ближе къ меньшей картинѣ или къ окну, а не на самой срединѣ.

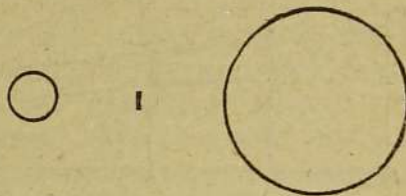
Вѣроятно, что можно открыть интересныя приложенія этого обмана зрѣнія въ эстетикѣ. Именно, когда на рисунокѣ или картинѣ желательно указать зрителю, что точка находится посрединѣ между двумя линіями различной длины, то должно бы оказаться, что художникъ, чтобы получить этотъ результатъ, нѣсколько отступаетъ отъ истинной середины. Такъ, въ архитектурѣ дѣйствіе контраста массъ часто зависитъ отъ чувства равновѣсія, симметріи или равенства, въ которомъ, естественно, будетъ играть роль этотъ обманъ зрѣнія. Наконецъ, достаточно только припомнить, что одинъ изъ главныхъ законовъ эстетическаго эффекта въ области правильныхъ линейныхъ пропорцій—отношеніе 1 : 1, или дѣленіе на равныя части, чтобы замѣтить обширность области примѣненія этого обмана. Во всѣхъ такихъ случаяхъ надо принимать въ расчетъ ошибку сужденія, если по обѣ стороны раздѣляемой линіи расположены массы неодинаковой величины.

IV. Вѣрность памяти. Еще одно изслѣдованіе можетъ послужить иллюстраціей изъ совершенно иной области. Оно имѣло цѣлью установить

¹⁾ Если перерисовать чертежъ въ большемъ масштабѣ (что рекомендуется), то соединительную линію можно опустить, отмѣтивъ только среднюю точку. У нѣкоторыхъ лучший эффектъ получается съ двумя кругами, разстояніе между которыми раздѣлено пополамъ точкой, какъ на стр. 73.

нѣкоторыя данныя относительно быстроты, съ какою утрачивается воспоминаніе съ теченіемъ времени. Г.г.—У., Ш. и Б. (проф. Г. К. Уорренъ, г. У. Д. Шоу и авторъ) начали съ поисковъ различныхъ способовъ для испытанія отдѣльныхъ лицъ относительно того, насколько вѣрна ихъ память по истеченіи различныхъ промежутковъ времени. Они нашли, что можно примѣнить три различныхъ признака, и назвали ихъ „методами“ изслѣдованія памяти. Первый изъ нихъ—методъ воспроизведенія. Даннаго человѣка просятъ воспроизвести, какъ на устномъ или письменномъ экзаменѣ, то, что онъ помнитъ изъ сказаннаго ему нѣскольео времени тому назадъ. Это обыкновенный методъ въ школахъ и гимназіяхъ, при государственныхъ экзаменахъ и т. д. Второй—методъ распознаванія, при которомъ требуется, чтобы человѣкъ призналъ предметъ, фразу и т. д. во второй или третій разъ за тождественный во всѣхъ отношеніяхъ съ тѣмъ, съ которымъ онъ познакомился въ первый разъ. Третій—методъ выбора, при которомъ мы показываемъ человѣку извѣстное число предметовъ, фразъ, описаній предметовъ и т. д., и просимъ его выбрать изъ нихъ тѣ, которые какъ разъ тождественны съ тѣми, которые были передъ нимъ ранѣе. Эти методы лучше будетъ понять изъ приводимаго далѣе разсказа о томъ, какъ они были примѣнены къ большому числу студентовъ.

Первые опыты были сдѣланы г.г. Ш. и Б. въ Торонтскомъ университетѣ почти надъ тремястами студентовъ, изъ числа которыхъ около трети составляли женщины. Наблюдатели показали всѣмъ нѣсколько картонныхъ квадратовъ различной величины и попросили ихъ выполнить въ различные дни слѣдующія три вещи: во-первыхъ, воспроизвести по памяти карандашомъ на бумагѣ квадраты такой-же величины, какъ показанные, спустя одну, десять, двадцать и сорокъ минутъ (это даетъ результаты по методу воспроизведенія); во-вторыхъ, сказать, являются-ли новые квадраты, показанные имъ черезъ такіе-же промежутки, одинаковыми по величинѣ съ прежними, или-же меньше или больше (иллюстрація метода распознаванія); въ третьихъ, имъ было показано нѣкоторое число квадратовъ не совсѣмъ одинаковой величины, опять черезъ такіе-же промежутки, и ихъ просили выбрать изъ нихъ тѣ, которые они найдутъ одинаковыми по величинѣ съ первоначальными (методъ выбора).

Результаты всѣхъ этихъ опытовъ были сопоставлены съ результатомъ другого ряда опытовъ, полученными отъ большого числа Принстонскихъ студентовъ; чертежъ 7 показываетъ при помощи кривыхъ часть этихъ результатовъ. Этотъ чертежъ приведенъ для того, чтобы читатель могъ понять изъ его объясненія „графическій методъ“ изображенія статистическихъ данныхъ, который съ различными усложненіями примѣняется теперь въ психологіи, какъ и въ другихъ положительныхъ наукахъ.

Говоря кратко, оказалось, что три метода согласуются между собою (кривыя параллельны¹⁾ въ томъ, что въ теченіе первыхъ десяти минутъ приходило большое пониженіе памяти (наклонъ кривыхъ отъ 0 до 10), что затѣмъ между десятию и двадцатью минутами память сохраняется сравнительно неизмѣнно (кривыя почти горизонтальны между 10 и 20), и что послѣ двадцати минутъ происходило быстрое паденіе памяти (указываемое наклономъ кривыхъ отъ 20 до 40).

¹⁾ Этотъ чертежъ изображаетъ кривыя только для двухъ методовъ—выбора и распознаванія.

Далѣ, различныя положенія кривыхъ приобрѣтаютъ извѣстное значеніе, если ихъ надлежащимъ образомъ истолковать. Кривая, полученная по методу воспроизведенія (не приведенная на этомъ чертежѣ), обнаруживаетъ результаты, которые наименѣе точны, такъ какъ они наиболѣе измѣнчивы. Причина этого та, что, рисуя квадраты съ цѣлью воспроизвести припоминаемый имъ квадратъ, студентъ испытываетъ вліяніе величины бумаги, которою онъ пользуется, измѣняющейся точности управленія рукою и кистью (результаты измѣняются, напримѣръ, смотря по тому, пользуется ли онъ правою или лѣвою рукою), и всякаго рода ассоціацій съ квадратными предметами, какія могутъ въ это время возникнуть у него въ умѣ. Однимъ словомъ, этотъ методъ даетъ возможность его воспоминанію о квадратѣ вполне приспособиться къ душевному состоянію субъекта въ данный промежутокъ времени, и въ его нѣтъ ничего, что могло бы поправить это воспоминаніе.

Реальность такого затрудненія не станетъ отрицать никто, кто экзаменовалъ студентовъ. Когда мы заставляемъ ихъ воспроизвести то, что они узнали изъ учебника или изъ лекцій профессора, мы заставляемъ ихъ также выражаться правильно. Но способность выражаться правильно—дѣло, къ которому средній студентъ совершенно не приученъ. Съ затрудненіемъ при воспоминаніи связано затрудненіе въ выраженіи; а ко всему этому присоединяется нѣкоторое замѣшательство, происходящее отъ отвѣт-

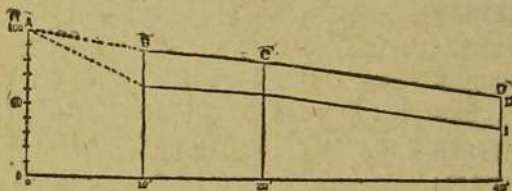

Рис. 7.—Кривыя памяти: I—Методъ выбора, II—Методъ распознаванія.

ственности, страха передъ даннымъ лицомъ и боязни неуспѣха. Такимъ образомъ, результаты, получаемые по этому методу, на самомъ дѣлѣ весьма сложны.

Одна изъ кривыхъ, именно даваемая методомъ выбора (I), также обнаруживаетъ зависимость памяти отъ нѣкотораго вліянія. Мы видѣли въ связи съ опытами, изло-

женными выше, что даже при самомъ простомъ расположеніи квадратовъ въ полѣ зрѣнія, элементъ контраста нарушаетъ правильность нашего сужденія о величинѣ. Этому мы находимъ подтвержденіе въ нашихъ послѣднихъ опытахъ, когда примѣняется методъ выбора. При пользованіи этимъ методомъ мы показываемъ рядомъ нѣсколько квадратовъ, заставляя человека выбрать тотъ, который онъ видѣлъ ранѣе. Всѣ квадраты, показываемые одновременно, представляютъ контрастъ другъ съ другомъ на общемъ фонѣ, и такимъ образомъ его сужденіе о величинѣ припоминаемаго квадрата искажается. Это, опять-таки есть вліяніе дѣйствительности на нашу душевную жизнь, вліяніе, ведущее къ настоящему заблужденію. Недобросовѣстный адвокатъ можетъ постепенно видоизмѣнить рассказъ своего кліента или свидѣтеля, постоянно прибавляя къ тому, что на самомъ дѣлѣ припоминается, другія подробности, такъ умѣло противопоставленные фактамъ или такъ искусно перемѣшанные съ ними, что свидѣтель постепенно запечатлѣваетъ ихъ въ своей памяти и такимъ образомъ показываетъ болѣе близко къ тому, что желательно адвокату. Въ нашей повседневной жизни весьма силенъ также другой элементъ контраста, представляемый общественнымъ мнѣніемъ. Мы постоянно измѣняемъ наши воспоминанія такъ, чтобы они ближе согласовались съ общепринятыми мнѣніями, и безсознательно сглаживаемъ разницу между нашими и чужими представленіями о вещахъ. Если нѣсколькимъ свидѣтелямъ какаго-нибудь событія позволить время отъ времени сравнивать показанія, они постепенно станутъ рассказывать все болѣе одинаково.

Другая кривая (II) на чертежѣ, полученная по методу распознаванія, казалась изслѣдователямъ наиболѣе точною. Этотъ методъ не подверженъ ошибкамъ, происходящимъ отъ процесса воспроизведенія и отъ контраста, и имѣетъ то преимущество, что даетъ субъекту возможность распознать квадратъ. Этотъ послѣдній показываетъ ему опять безъ всякаго указанія, что это тотъ-же самый, и онъ рѣшаетъ, на основаніи воспоминаній о прежнемъ, тотъ-ли это или нѣтъ. Единственное возраженіе противъ этого метода — то, что требуется очень много опытовъ, чтобы получить средній результатъ. Для надежности нужно получить средній выводъ, въ виду того, что при двухъ, трехъ или вообще немногихъ испытаніяхъ студентъ можетъ угадать вѣрно, вовсе не помня о первоначальномъ квадратѣ. Взявъ большое число лицъ, какъ, на примѣръ, триста студентовъ, можно устранить такое возраженіе. Сравнивая, на примѣръ, средніе выводы изъ результатовъ, полученныхъ соотвѣтственно при опытахъ надъ мужчинами и женщинами, мы практически не нашли никакой разницы между ними.

Этотъ послѣдній пунктъ можетъ послужить для установленія различія, важнаго для всѣхъ работъ по экспериментальной психологіи и признаваемого также во многихъ другихъ наукахъ — различія между результатами, полученными отъ одного лица или отъ многихъ. Очень часто единственный способъ узнать истину объ отдѣльномъ лицѣ—это одновременное изученіе многихъ лицъ. Во всѣхъ обширныхъ классахъ предметовъ, въ особенности живыхъ существъ, есть большія индивидуальныя различія, и въ любомъ частномъ случаѣ эти личныя измѣненія могутъ быть настолько значительными, что они заслоняютъ дѣйствительную природу нормальнаго средняго существа. На примѣръ, у двоихъ родителей маленькаго роста могутъ родиться три рослыхъ сына; и изъ этого одного случая можно было бы заключить, что у всѣхъ малорослыхъ родителей бываютъ сыновья высокаго роста. Или три дѣвочки могутъ отличаться лучшею памятью, чѣмъ три мальчика въ той-же самой семьѣ или школѣ, и изъ этого можно было бы вывести, что дѣвочки лучше одарены въ этомъ отношеніи, чѣмъ мальчики. Во всѣхъ такихъ случаяхъ надлежитъ собрать значительное число фактовъ и сопоставить ихъ; тогда будотъ исправленъ тотъ односторонній выводъ, который въ томъ или другомъ направленіи, могъ получиться при изслѣдованіи первыхъ случаевъ. Это полагаетъ начало такъ называемому статистическому методу; онъ примѣняется при рѣшеніи многихъ практическихъ вопросовъ, какъ, на примѣръ, страхованіе жизни, но его примѣненіе къ фактамъ жизни, души, измѣненія, эволюціи и т. д. только лишь началось. Пренебреженіе имъ въ психологіи составляетъ одинъ изъ вопіющихъ недостатковъ многихъ новѣйшихъ работъ. Пользованіе имъ въ сложныхъ вопросахъ требуетъ математическаго развитія, какимъ масса изслѣдователей вообще не обладаетъ; а злоупотребленіе этимъ методомъ вслѣдствіе недостатка точности наблюденія или незнанія его требованій еще хуже пренебреженія.

Въ связи съ этими опытами надъ памятью обнаружился еще одинъ результатъ, который, помимо его практическаго интереса, можетъ указать на лишній ресурсъ экспериментальной психологіи. Сопоставляя результаты ряда опытовъ, очень важно замѣтить, въ чемъ отдѣльные случаи отличаются другъ отъ друга. Нѣкоторые случаи могутъ оказаться настолько сходными, что, наиболѣе отелояющіеся изъ нихъ недалеко отъ общаго средняго, какъ мы находимъ, на примѣръ, если мы измѣримъ тысячу дробиноекъ № 10. Но предположимъ теперь, что мы подмѣшаемъ къ № 10 немного № 6 и немного № 14, и затѣмъ опредѣлимъ средній размѣръ, мы можемъ получить теперь то-же самое среднее, и можемъ сказать, что эта кучка отличается отъ прежней, только тогда, когда рассмотримъ измѣренія отдѣль-

ныхъ дробинокъ и отмѣтимъ сравнительную частоту каждаго отдѣльнаго размѣра. Съ другой стороны, мы можемъ получить иной средній размѣръ по одному изъ двухъ способовъ или взявъ еще кучу одинаковой дроби № 14, или подмѣшавъ къ № 10 нѣсколько очень крупныхъ дробинокъ. Что имѣетъ мѣсто на самомъ дѣлѣ, можно обнаружить только путемъ изслѣдованія отдѣльныхъ случаевъ. Это обыкновенно достигается, если сравниваютъ каждый случай со средней величиной для всей группы случаевъ и берутъ среднюю изъ полученныхъ такимъ образомъ разностей—величину, называемую «среднимъ отклоненіемъ».

Въ случаѣ опытовъ съ квадратами ошибки въ сужденіяхъ студентовъ оказались все время въ одну и ту же сторону. Всѣ отвѣты указывали, что они принимали за первоначальный квадратъ въ дѣйствительности квадратъ бѣльшаго размѣра. Чтобы объяснить причину этого, оказалось необходимымъ сдѣлать предположеніе, что припоминаемый квадратъ за этотъ промежутокъ увеличился въ памяти. Образъ, вызванный спустя десять или двадцать минутъ, былъ больше, чѣмъ прежде. Это могло зависѣть отъ чисто-душевнаго процесса; или, можетъ быть, отъ чего-нибудь вродѣ распространенія мозгового процесса въ зрительномъ центрѣ, съ тѣмъ результатомъ, что всякій разъ, когда при возобновленіи мозгового процесса образъ снова появляется, это распространеніе обнаруживается въ увеличеніи воспоминаемаго образа. Какъ бы это ни объяснять, указанія неопровержимы—если, конечно, нельзя найти другой причины для одинаковаго направленія ошибокъ; то же, далѣе, замѣчается въ другихъ опытахъ, произведенныхъ позже г.г. У. и Б. и д-ромъ К. (д-ръ Кеннеди, теперь профессоръ въ университетѣ Колорадо; результаты еще не опубликованы).

Если-бы это стремленіе къ увеличенію воспоминаемыхъ нами образовъ съ теченіемъ времени—оказалось общимъ закономъ памяти, то это могло-бы имѣть интересныя послѣдствія. Такой законъ далъ-бы, напримѣръ, объясненіе общеизвѣстнаго факта, что обстановка нашего прошлаго, когда мы вернемся къ ней, кажется намъ черезчуръ маленькой. Нашъ родительскій домъ, старинный цвѣтникъ, высота дома и деревьевъ, и даже ростъ нашего героя-дяди — все это кажется путешественнику, возвратившемуся уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, до смѣшнаго малымъ. То, что мы предполагаемъ ихъ болѣе крупными, можетъ вызываться измѣненіемъ образовъ памяти въ смыслѣ увеличенія.

V. Внушенія. Мѣсто позволяетъ намъ только упомянуть о другомъ изслѣдованіи, которое однако, нельзя вовсе обойти молчаніемъ, такъ какъ оно иллюстрируетъ еще новые вопросы и основы ихъ рѣшенія. Это изслѣдованіе г.г. Т. и Х. (Дж. А. Тоуни, теперь проф. въ Билойтъ-колледжѣ, и К. У. Ходжъ, теперь профессоръ въ колледжѣ Лафайетта), которое обнаруживаетъ замѣчательное вліяніе извѣстнаго рода душевныхъ внушеній на нѣкоторые тѣлесные процессы, считавшіеся всегда за чисто-физиологическіе. Эти изслѣдователи занялись повтореніемъ нѣкоторыхъ опытовъ другихъ, которые обнаружили, что если два острія—напримѣръ, двѣ ножки циркуля—нѣсколько раздвинуть и приложить къ кожѣ, то получится два осозательныхъ ощущенія. Но если во время выполненія опыта острія постоянно приближать другъ къ другу, то наступаетъ моментъ, когда оба ощущаются въ видѣ одного, хотя они могутъ находиться еще на нѣкоторомъ разстояніи. Физиологъ вывелъ изъ этого, что въ концѣ существуютъ мелкія нервныя окончанія по меньшей мѣрѣ на такомъ разстояніи другъ отъ друга, какъ наименьшее разстояніе, на которомъ острія ощущались отдѣльно, и что когда острія находились такъ близко другъ къ другу, что касались только одного изъ этихъ нервныхъ окончаній, то получалось только одно ощущеніе. Г. Т. нашелъ уже, работая въ Германіи, что вслѣд-

ствіе практики кожа постепенно становилась все болѣе и болѣе способною различать двѣ точки—т. е. чувствовать ихъ, какъ двѣ, на меньшемъ разстояніи; и, далѣе, что такое упражненіе кожи на одной сторонѣ тѣла не только дѣлало это мѣсто болѣе чувствительнымъ къ малымъ различіямъ, но оказывало то-же самое дѣйствіе, какъ это ни странно и въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ на другой сторонѣ тѣла. Это, какъ заключили наши экспериментаторы, могло зависѣть только отъ непрерывнаго внушенія въ душѣ субъекта, что онъ долженъ чувствовать двѣ точки, результатомъ чего является дѣйствительно повышение чувствительности кожи. Когда онъ думалъ, что становится—и на самомъ дѣлѣ становился—болѣе чувствительнымъ на одной сторонѣ—это его чувство или убѣжденіе какъ-нибудь оказывало вліяніе на оба полушарія мозга, и такимъ образомъ обѣ стороны тѣла подвергались одинаковому воздѣйствію въ смыслѣ повышения чувствительности.

Въ связи съ этимъ, въ Принстонѣ производились новые опыты, при которыхъ на самомъ дѣлѣ субъектамъ дѣлались внушенія, что они должны стать болѣе или менѣе чувствительнымъ къ разстоянію и направленію между точками кожи. Получился тотъ поразительный результатъ, что эти внушенія на самомъ дѣлѣ оказали дѣйствіе по всему тѣлу. Между внушеніями и дѣйствіемъ ихъ наблюдалось такое точное соотвѣтствіе, что изъ результатовъ опытовъ надъ кожей при помощи циркуля въ томъ или другомъ случаѣ можно было сдѣлать довольно точные выводы относительно того, какое внушеніе субъектъ получилъ въ данное время. Въ результатахъ не было возможности ошибки, ибо опыты такъ контролировались, что субъектъ лишь впоследствии узнавалъ соотвѣтствія между его душевными состояніями и измѣненіями чувствительности кожи.

Это краткое изложеніе результатовъ работъ, произведенныхъ въ одной лабораторіи на протяженіи приблизительно двухъ лѣтъ и касавшихся значительнаго разнообразія темъ, можетъ дать понятіе о работахъ экспериментальной психологіи. Мы замѣтимъ, что нѣтъ еще ни связанной системы результатовъ, на которыхъ могли-бы быть основаны новые опыты, ни развитыхъ экспериментальныхъ приспособленій, какія имѣются у другихъ положительныхъ наукъ. Приемы изслѣдованія во многихъ важныхъ вопросахъ все еще являются дѣломъ сообразительности и искусства каждаго отдѣльнаго изслѣдователя. Даже для демонстрацій, предназначенныхъ для студентовъ, не имѣется еще хорошихъ и дешевыхъ аппаратовъ. По этимъ причинамъ пока еще преждевременно ожидать, чтобы эта отрасль науки могла играть значительную роль въ воспитаніи. Однако, не можетъ быть сомнѣнія, что она доставляетъ много интересныхъ приобрѣтеній для нашихъ познаній о душѣ, и что, когда будутъ болѣе надлежащимъ образомъ развиты и разработаны ея методы и приспособленія, она сдѣлается основой науки особаго рода, лежащей между естественными и гуманитарными науками, такъ какъ у нея будетъ много общихъ чертъ съ біологіей и естествознаніемъ. Можно ожидать также, что въ теоріи и практикѣ воспитанія ея выводы поведутъ къ лучшимъ результатамъ, чѣмъ результаты, наблюдающіеся въ этой области въ наше время.

ГЛАВА VII.

Внушеніе и гипнотизмъ.

Выше было указано нѣсколько примѣровъ внушенія. Подъ внушеніемъ мы разумѣемъ тотъ фактъ, что всякаго рода воздѣйствія извнѣ нарушаютъ и измѣняютъ мнѣнія и поступки отдѣльнаго лица. Я приведу изъ моихъ собственныхъ наблюденій, нѣсколько случаевъ которые уяснятъ дѣло.

Физиологическое внушение. Наблюденіе надъ ребенкомъ въ первый мѣсяцъ или шесть недѣль послѣ рожденія приводитъ къ убѣжденію, что его жизнь—по преимуществу физиологическая. Если отмѣтить чисторефлекторныя дѣйствія вмѣстѣ съ нѣкоторыми случайными импульсивными движеніями, то мы, повидимому, исчерпаемъ всѣ проявленія жизни ребенка.

Однако, даже на этой, весьма ранней ступени, Г. оказалась въ известной степени воспримчивой къ нѣкоторымъ внушеніямъ, производимымъ посредствомъ повторнаго воздѣйствія при одинаковыхъ условіяхъ. Прежде всего, внушеніе сна начало вліять на нее ранѣе конца перваго мѣсяца. Ея кормилица усыпляла ее, кладя ее лицомъ внизъ и легонько похлопывая по спинѣ. Это положеніе скоро сдѣлалось не только внушающимъ ребенку сонъ, но иногда необходимымъ для сна, даже когда ребенка клали поперекъ колѣнъ кормилицы, повидимому, въ неудобномъ положеніи.

Этотъ случай иллюстрируетъ то, что можно назвать физиологическимъ внушеніемъ. Онъ указываетъ на законъ физиологической привычки, когда она граничитъ съ сознательной.

Такія-же явленія обнаруживаются и у взрослыхъ. Положенія, даваемые частямъ тѣла спящаго, приводятъ къ движеніямъ, обыкновенно соответствующимъ этимъ положеніямъ. Спящій защищается, укрывается отъ холода и т. д. Дѣти постепенно приучаются реагировать на условія положенія тѣла, отсутствіе опоры и т. д., движеніями, необходимыми, чтобы удержаться отъ паденія,—тѣми движеніями,—которыми взрослые владѣютъ въ такомъ совершенствѣ. Всѣ вторичныя автоматическія реакціи можно отнести сюда; ощущенія, происходящія отъ одного дѣйствія,—какъ, напримѣръ, при ходьбѣ, являются безсознательными внушеніями для слѣдующаго движенія. Въ любой моментъ въ цѣли движеній, сознательность если она вообще существуетъ, должна быть подобна той, какая есть у ребенка въ приведенномъ выше случаѣ является просто слабымъ проблескомъ. Самое большее, что мы можемъ сказать о такомъ физиологическомъ внушеніи—это то, что, вѣроятно, существуетъ нѣкоторая сознательность, и что обычные рефлексы, повидимому, становятся болѣе быстрыми и совершенными.

Подсознательное внушеніе у взрослыхъ. Подъ это названіе подходятъ нѣкоторыя чрезвычайно интересныя явленія; ихъ классификація такъ очевидна, что мы можемъ перечислить ихъ безъ изложенія общихъ принциповъ, каковымъ они подчиняются.

Внушенія мелодіи. Недавно было отмѣчено, что сновидѣнія своими зрительными элементами—тѣмъ, что мы видимъ во снѣ—въ значительной мѣрѣ обязаны случайнымъ черточкамъ, пятнамъ и т. д. въ полѣ зрѣнія, происходящимъ когда закрыты глаза, отъ расширенныхъ кровеносныхъ сосудовъ роговой оболочки и вѣкъ, отъ перемѣнъ во внѣшнемъ освѣщеніи, отъ присутствія частичекъ пыли различной формы и т. д. Другія чувства также, несомнѣнно, способствуютъ созданію нашихъ сновъ посредствомъ такихъ же, подсознательныхъ внушеній. Нѣтъ сомнѣнія далѣе, что наша бодрственная жизнь постоянно подвергается вліянію такихъ мелкихъ воздѣйствій.

Я изслѣдовалъ, напримѣръ, подробно условія возникновенія такъ называемыхъ «внутреннихъ мелодій», «мелодій, звучащихъ въ ушахъ», какъ мы говоримъ—и нашелъ своего рода внушающія вліянія, которыя во многихъ случаяхъ заставляютъ эти мелодіи возникать и развиваться. Часто, когда мелодія возникаетъ «въ моихъ ушахъ» оказывается, что ее недавно пѣли или насвистывали при мнѣ, хотя въ то время она осталась совершенно незамѣченной. Часто мелодіи оказываются тѣми самими, которыя были услышаны въ церкви наканунѣ или ранѣе. Такую мелодію я совер-

шенно не въ состояніи вызвать по желанію; однако, когда она «звучала въ ушахъ, я сразу узнаю ее, какъ принадлежащую къ пережитому ранѣе. Другіе случаи обнаруживаютъ различныя случайныя внушенія, какъ на-примѣръ, мелодія Моцарта, внушенная именемъ композитора, или пѣсенка «Милая Анна», внушенная именемъ Анны и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ внушающее вліяніе обнаруживается при помощи долгихъ поисковъ и лишь послѣ того, какъ мелодія овладѣла сознаніемъ.

Болѣе тщательный анализъ обнаруживаетъ нѣкоторые новые факты. Ритмъ такихъ внутреннихъ мелодій обыкновенно обусловливается каимъ-либо ритмическимъ подсознательнымъ явленіемъ. Послѣ хорошаго обѣда это всегда—ритмъ сердцебіенія, если нѣтъ извнѣ какого-либо болѣе сильнаго воздѣйствія; такъ, на-примѣръ, на пароходѣ у меня ритмъ неизмѣнно совпадаетъ со стукомъ машины. При ходьбѣ это—ритмъ шаговъ. Въ одномъ случаѣ четыре удара въ дверь вызвали у меня въ ушахъ Марсельезу; слѣдующему указанію, я замѣтилъ, что всякій разъ, какъ кто-либо другой отбивалъ по столу тактъ, у меня возникали и развивались мелодіи, соответствующія отбиваемому такту. Далѣе, когда мелодія кончается, ея послѣднія ноты часто внушаютъ, нѣсколько времени спустя другую, имѣющую подобное-же движеніе—совершенно подобно тому, какъ мы переходимъ отъ одной мелодіи къ другой въ «попурри». Можно также отмѣтить, что въ моемъ случаѣ память мелодій—слуховая; онѣ слышатся у меня въ ушахъ, когда я не знаю ихъ словъ и никогда не пѣлъ ихъ—наблюденіе, согласующееся съ фактомъ, что эти «внутреннія мелодіи» возникаютъ въ дѣтствѣ ранѣе способности говорить. Онѣ имѣютъ также различный тонъ. На-примѣръ, мнѣ однажды пришла въ голову мелодія, которая была вполнѣ знакома мнѣ, но къ которой я не могъ подобрать словъ. При провѣркѣ на роялѣ оказалось, что тонъ былъ фа-дизъ, а ритмъ—мое сердцебіеніе. Въ концѣ концовъ, послѣ многихъ усилій, я припомнилъ слово «Подожди, пока тучи пройдутъ», повторивъ мелодію много разъ. Тонъ опредѣляется, вѣроятно, случайнымъ состояніемъ слухового центра въ мозгу или высотой вѣшняго звука, вызывающаго мелодію.

Нормальное самовнушеніе. Приведемъ примѣры дальнѣйшаго класса внушеній, подходящихъ подъ общее названіе: самовнушенія нормальнаго типа. При опытахъ надъ возможностью внушить сонъ другому я встрѣтилъ нѣкоторыя сильныя обратныя воздѣйствія на мое собственное душевное состояніе. Такое усиліе, требующее представленія другого спящимъ, составляетъ сильное самовнушеніе сна, производящее дѣйствіе въ моемъ случаѣ приблизительно черезъ пять минутъ, если условія сохраняются постоянными. Чѣмъ болѣе ясно представляется сонъ пациента, тѣмъ сильнѣе становится субъективное чувство сонливости. Приблизительно черезъ десять минутъ способность сильно сосредоточиваться какъ-будто разсѣивается, вниманіе возстановляется только урывками и при большой душевной инертности, и сонъ является почти непреодолимымъ. Вѣрное средство отъ бессонницы, для меня,—постоянное усиліе усыпить кого-либо другого, упорно думая объ имѣющейся въ виду цѣли, при непрерывномъ легкомъ движеніи, на-примѣръ, поглаживаніе одной руки—другую.

Съ другой стороны, невозможно вызвать состояніе сонливости, воображая самого себя спящимъ. Первая попытка, правда, обнадеживаетъ, такъ какъ она ведетъ къ состоянію покоя и довольства, близкому къ душевному спокойствію, являющемуся обычнымъ предвѣстіемъ сна; но дѣло не идетъ дальше. Затѣмъ слѣдуетъ состояніе упорнаго бодрствованія, которое только усиливается отъ попытокъ сосредоточить вниманіе или не обращать вниманія ни на что. Если-бы страдающій бессонницей могъ забыть о своемъ страданіи, забыться совершенно, его положеніе было бы болѣе

благоприятно. Контрастъ между этимъ положеніемъ и описаннымъ ранѣе указываетъ, что именно идея я, съ чувствомъ, которая она вызываетъ, мѣшаетъ внушенію осуществиться, и, вѣроятно, объясняетъ многіе случаи безсонницы *).

Повышенное содержаніе чувствъ. Недавнія изслѣдованія по гипнозизму обнаружили замѣчательное обостреніе, какого могутъ достигать внѣшнія чувства при сомнамбулизмѣ, вмѣстѣ съ соответствующимъ повышеніемъ отзывчивости. Болѣе подробно это будетъ описано ниже. Разныя независящія отъ нашей воли событія и явленія обыкновенно оказываютъ непосредственное вліяніе на субъекта. Пенамѣренныя дѣйствія, обычныя для экспериментатора, могутъ оказаться достаточными для того, чтобы загипнозизировать привыкшаго къ нему субъекта. На возможность подобнаго воспитанія чувствъ въ нормальномъ состояніи не обращали достаточнаго вниманія. Замѣчательна способность ребенка только различать выраженіе лица и другіе признаки. Продолжительные опыты усыпленія Г., которые тянулись болѣе шести мѣсяцевъ, при чемъ я спалъ возлѣ ея кровати,—помогли мнѣ замѣтить извѣстный классъ внушеній, въ другихъ случаяхъ оставляемый совершенно безъ вниманія. Хорошо извѣстно, что матери остаются чуткими къ проявленіямъ потребностей своихъ дѣтей, даже тогда когда онѣ неспособны обращать вниманіе ни на что другое.

Прежде всего, мы должны отмѣтить уже указанное сильное самовнушеніе сна подѣ вліяніемъ повгоренія колыбельныхъ пѣсенокъ или другихъ приемовъ, постоянно употребляемыхъ при усыпленіи ребенка. Вторыхъ, поразительнымъ является постепенное усиленіе способности слышать и истолковывать звуки, производимые ребенкомъ въ темной комнатѣ. Спусти четыре или пять мѣсяцевъ его движенія въ постели будили меня или нѣтъ, смотря по тому, просыпался-ли онъ самъ или нѣтъ. Часто послѣ пробужденія я ясно сознавалъ, какія движенія его разбудили меня **). Движеніе его головы, поднимающейся съ подушки, сразу различалось отъ безпокойныхъ движеній во снѣ. Дѣло было, значить, не столько въ развитіи слуха, сколько въ развитіи функціи распознаванія слышимыхъ звуковъ и различенія ихъ.

То-же самое явленіе въ настолько-же развитой степени связывалось со звукомъ его дыханія. Достаточно хорошо извѣстно, что самыя ничтожныя измѣненія въ дѣятельности организма вызываютъ измѣненія и въ быстротѣ и характерѣ дыханія. Во время сна мышцы, управляющія вдыханіемъ и выдыханіемъ, ослабляются: вдыханіе становится долгимъ и глубокимъ, выдыханіе короткимъ и полнымъ, и ритмическіе промежутки дыханія значительно удлиняются. Степени сравнительнаго бодрствованія отмѣчаются съ удивительной точностью слабыми звуками дыханія, издаваемыми спящимъ. Няньки пріучаются весьма искусно истолковывать эти указанія. Это развитіе слуха оказалось весьма ярко выраженнымъ въ моихъ опытахъ съ ребенкомъ. Послѣ нѣкоторой практики я сталъ настолько чуткимъ что, особенности дыханія, свойственныя наступающему или наступившему бодрствованію, тотчасъ будили меня. А когда я самъ не спалъ, то появленіе у ребенка тѣхъ звуковъ дыханія, которые указываютъ наступающій сонъ, было достаточно, чтобы внушить или навести и на меня сонъ. Въ темнотѣ

*) Одинъ знакомый сообщаетъ мнѣ, что когда онъ воображаетъ себя мертвымъ, онъ не можетъ не испытывать пріятнаго чувства оттого, что онъ представляетъ такой хорошей трупъ.

***) Этотъ фактъ аналогиченъ нашему обычному наблюденію—мы просыпаемся отъ сильнаго шума и затѣмъ слышимъ его послѣ пробужденія,—однако объясненіе здѣсь другое

общій характеръ звуковъ его дыханія можно было истолковать въ смыслѣ его различныхъ потребностей, удобствъ или неудобствъ и т. д. То-же самое внушеніе, вызываемое звуками дыханія, беспокоитъ меня теперь, когда одинъ изъ дѣтей спитъ на такомъ разстояніи, что я могу слышать *).

Двигательныя реакціи на эти внушенія очень опредѣленны и цѣлесообразны, въ привычномъ направленіи, хотя побужденія совершенно бессознательны. Самые яркіе примѣры этой стороны моихъ опытовъ давали мои отвѣты посредствомъ простыхъ пѣсенокъ на движенія и дыхательныя звуки ребенка, соответствующіе пробужденію. Я часто просыпался отъ собственнаго пѣнія одной изъ двухъ колыбельныхъ пѣсенокъ, которыя отъ безконечнаго повторенія каждую ночь стали настолько привычными, что слѣдовали автоматически за возбужденіемъ со стороны ребенка. Конечно, удивительно, что въ числѣ возможныхъ для насъ автоматическихъ дѣйствій, мы находимъ пѣніе; но писавшіе по этому вопросу утверждаютъ, что функція музыкальнаго или полу-музыкальнаго выраженія можетъ стать рефлекторной.

Принципъ бессознательнаго внушенія, менѣе существенными иллюстраціями котораго являются эти простые факты, имѣетъ весьма интересныя примѣненія въ высшихъ областяхъ общественныхъ, нравственныхъ и педагогическихъ теорій.

Подавляющее внушеніе. Интересный классъ явленій, которыя, можетъ быть, встрѣчаются на всѣхъ описанныхъ ступеняхъ нервной дѣятельности, можно назвать подавляющимъ внушеніемъ. Это названіе, въ самомъ широкомъ его смыслѣ, относится ко всѣмъ случаямъ, въ которыхъ внушающее побужденіе стремится уничтожить, задержать или подавить движеніе. Мы встрѣчаемъ это въ нѣкоторыхъ случаяхъ, настолько же рѣзко выраженныхъ, какъ и положительное внушеніе, вызывающее движенія. Факты можно сгруппировать въ нѣсколько отдѣловъ, приводимыхъ далѣе.

Внушеніе боли. Конечно, тотъ фактъ, что боль задерживаетъ движеніе, сразу приходитъ въ голову читателю. Поскольку это является общимъ, врожденнымъ, это — органическое явленіе, и такимъ образомъ относится къ числу физиологическихъ внушеній отрицательнаго характера. Ребенокъ корчится, кричитъ, вздрагиваетъ вскорѣ послѣ рожденія, и всѣ эти движенія обнаруживаются настолько ясно, что мы безъ затрудненія приписываемъ эти отклики на боль исключительно его нервной системѣ, и считаемъ, что, вообще, они являются подавляющими и противоположными тѣмъ другимъ врожденнымъ реакціямъ, которыя указываютъ на удовольствіе.

Однако, вліяніе боли простирается на всѣ ступени душевнаго развитія. Общее ея дѣйствіе состоитъ въ ослабленіи или подавленіи функціи, вызывающей боль; и въ этомъ ея дѣйствіе какъ разъ противоположно дѣйствію удовольствія, которое усиливаетъ доставляющую удовольствіе функцію.

Контрольныя внушенія. Эта область обнимаетъ всѣ случаи, въ которыхъ обнаруживаются какого-бы то ни было рода ограниченія, нала-

*) Это неприятный результатъ, подтверждаемый няньками. Онѣ жалуются на бессонницу, когда не при дѣлѣ. Дж. Мёррей, нянька въ Торонто, говорила мнѣ, что ей невозможно уснуть, когда поблизости нѣтъ ребенка, и по этой причинѣ она никогда не проситъ отпуска. Ея нормальный сонъ, очевидно, сталъ зависѣть отъ постояннаго внушенія сна ребенка. Еще въ одномъ пунктѣ ея практика подтверждаетъ мои опыты, — именно, движенія ребенка, предшествующія пробужденію, будятъ ее, между тѣмъ какъ никакія другія не будятъ — вслѣдствіе этого она готова подойти къ ребенку, когда тотъ проснется и закричитъ.

гаемая на движенья тѣла, помимо ограниченій вытекающихъ изъ самопроизвольнаго намѣренія. Ребенокъ постепенно приводитъ движенья своихъ ногъ, рукъ, головы и т. д. въ нѣкоторый порядокъ и систему. Это выполняется при помощи системы органическихъ задержекъ и противодействующихъ имъ другихъ задержекъ, посредствомъ которыхъ образуются ассоціаціи между мышечными ощущеніями съ одной стороны и какими либо другими ощущеніями, какъ-то зрительными, осязательными, слуховыми и т. д. съ другой стороны. Послѣднія служатъ внушеніями къ выполнению этихъ, и только этихъ движеньй. Ребенокъ приучается удерживать въ равновѣсіи свою голову и туловище, управлять своими руками, хватать, держа большой палецъ противъ четырехъ остальныхъ—все это въ значительной мѣрѣ при помощи такихъ контрольныхъ внушеній, которымъ содѣйствуютъ, конечно, его врожденные рефлексы.

Внушеніе противорѣчія. Подъ этимъ разумѣется очень удивительное стремленіе, наблюдаемое у многихъ дѣтей, а также и у многихъ взрослыхъ, дѣлать противоположное всему, что внушается. Мы говоримъ въ просторѣчій объ упрямствѣ, стремленіи идти наперекоръ, чтобы описать лицо, обнаруживающее такого рода поведеніе. Такой ребенокъ или взрослый бываетъ непокорнымъ, гдѣ только непокорность возможна; онъ какъ будто органически вынужденъ нарушать указанія извнѣ.

Фактъ упрямства у болѣе взрослыхъ дѣтей—особенно у мальчиковъ—такъ хорошо извѣстенъ всѣмъ, кто наблюдалъ сколько-нибудь внимательно школьничковъ, что мнѣ не надо приводить дальнѣйшихъ подробностей. И взрослые мужчины и женщины часто становятся настолько рабами сужденій противорѣчія, что онѣ какъ будто только ждутъ указаній на желанія другихъ, чтобы противорѣчить и мѣшать имъ.

Внушенія противорѣчія представляются случаями преувеличеннаго „контроля“. Легко видѣть, что задержки и противоположныя задержки, о которыхъ мы уже говорили, какъ о средствѣ контроля надъ мышечными движеньями, могутъ сами сдѣлаться настолько привычными и сильными, что преобладаютъ надъ тѣми реакціями, какія онѣ должны бы были только регулировать. Ассоціаціи между мышечнымъ рядомъ и, скажемъ, зрительнымъ рядомъ, контролирующимъ его, начинаютъ дѣйствовать въ обратномъ направленіи, такъ что ходъ органическихъ процессовъ ведетъ къ извѣстнымъ противоположнымъ движеньямъ.

Въ высшихъ областяхъ жизни и поведенія мы встрѣчаемъ интересные случаи весьма утонченнаго внушенія противорѣчія. У челоуѣка аскетическаго темперамента долгъ самоотреченія принимаетъ форму правильнаго внушенія противорѣчія, противодействующаго всякому стимулу къ удовольствію, хотя-бы и самому невинному. Слишкомъ колеблющійся челоуѣкъ, какъ и слишкомъ добросовѣстный, является жертвой вѣчныхъ противорѣчивыхъ возраженій, опутывающихъ всѣ его рѣшенія. Въ дѣлѣ мысли и вѣры также извѣстны случаи упорнаго несогласія съ очевидностью и отстаиванія своего мнѣнія, случаи, которые ни-сколько не обусловлены серьезностью противоположныхъ доводовъ или дѣйствительной силою убѣжденія.

Гипнотическое внушеніе. Факты, на которыхъ основываются современныя теоріи гипнотизма, могутъ быть сведены къ немногочисленнымъ группамъ, и перечень ихъ поможетъ подвести этотъ классъ явленій подъ общія черты классификаціи, намѣченной въ настоящей главѣ.

Факты. Когда подъ вліяніемъ какой-нибудь причины на одномъ предметѣ, напримѣръ, на блестящей пуговицѣ, вниманіе сосредоточивается въ теченіе достаточно долгаго времени безъ разсѣянія, то субъектъ начинаетъ особеннымъ образомъ утрачивать сознаніе. Обобщая этотъ простой

опытъ, мы можемъ сказать, что всякій методъ или пріемъ, обезпечивающій безраздѣльное и продолжительное вниманіе къ любого рода внушеніямъ—будетъ ли это предметъ, идея, что-либо яркое и поражающее, вызываетъ въ нормальномъ человѣкѣ такъ называемый гипнозъ.

Парижская школа ученыхъ устанавливаетъ три ступени въ развитіи гипнотическаго сна: первая,—каталепсія, характеризуемая неподвижностью мышцъ въ любомъ положеніи, въ какой части тѣла могутъ быть приведены экспериментаторомъ, и сопровождаемая большой способностью къ внушенію со стороны сознанія и анестезіей (пониженіемъ чувствительности) въ извѣстныхъ областяхъ кожи и въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ чувствахъ; вторая,—летаргія, при которой сознаніе какъ будто совсѣмъ исчезаетъ; субъектъ нечувствителенъ ни къ какимъ раздраженіямъ глаза, уха, кожи и т. д., и тѣло мягко и гибко, какъ при естественномъ снѣ; третья, сомнамбулизмъ, названная такъ по ея аналогіи съ обычнымъ состояніемъ сомнамбулизма, какому подвержены многіе. Эта послѣдняя охватываетъ обычныя гипнотическія явленія, когда странствующие гипнотизеры „управляютъ“ людьми передъ публикой и заставляютъ ихъ повиноваться своимъ приказаніямъ. Хотя другіе ученые и отрицаютъ, что эти три ступени дѣйствительно различны, но все же ихъ можно считать представляющими крайніе случаи явленій и принимать за точки отпавленія при дальнѣйшемъ описаніи *).

Съ душевной стороны общіе признаки гипнотическаго сомнамбулизма слѣдующіе: 1) своеобразное разстройство памяти. Въ гипнотическомъ состояніи всѣ дѣла обычной жизни забываются; съ другой стороны, послѣ пробужденія забываются событія, происшедшія въ гипнотическомъ состояніи **). Далѣе, въ каждый послѣдующій періодъ гипноза сохраняется память о событіяхъ прежнихъ подобныхъ періодовъ. Такимъ образомъ, человѣкъ, часто подвергающійся гипнозу, имѣетъ двѣ непрерывныхъ памяти: одну для событій его нормальной жизни, проявляемую только въ нормальномъ состояніи; другую для событій его гипнотическихъ періодовъ, дѣйствующую лишь тогда, когда онъ подвергается гипнозу.

2) Замѣчательное развитіе податливости къ внушенію. Подъ этимъ разумѣется склонность субъекта приходить на самомъ дѣлѣ во всякое душевное состояніе, какое внушается ему. Онъ подчиняется внушеніямъ и относительно своихъ ощущеній и идей, и относительно своихъ дѣйствій. Онъ помимо нѣкоторыхъ сомнительныхъ исключеній, будетъ видѣть, слышать, вспоминать, вѣрить, а также отказываться видѣть, слышать и т. д. все, что можетъ быть внушено ему словомъ или дѣломъ, или даже самыми ничтожными и, пожалуй, бессознательными указаніями окружающихъ. Со стороны поведенія его податливость къ внушенію столь же замѣчательна. Онъ не только дѣйствуетъ въ соотвѣтствіи съ ложными зрительными и другими представленіями, какія у него являются, но выполняетъ, какъ автоматъ, внушенныя ему дѣйствія. Далѣе, путемъ внушенія можно вызвать страданіе и удовольствіе, съ сопровождающими ихъ

*) Авторъ, къ сожалѣнію, проходитъ мимо очень серьезнаго вопроса, близкаго знакомство съ которымъ обязательно для всякаго, изучающаго психологию. (Можно даже подозревать, что самъ авторъ не имѣетъ достаточно-выработаннаго взгляда на вопросы гипнотизма). Поэтому мы позволимъ себѣ рекомендовать читателямъ обратиться къ слѣдующимъ изданнымъ „Вѣстникомъ Знанія“ книгамъ В. Битнера: „Гипнотизмъ и родственныя явленія въ наукѣ и жизни“ и „Въ область таинственнаго“ въ 2 частяхъ.
Редакція.

***) Далекое не всегда. *Ред.*

органическими явлениями. Можно произвести на кожѣ настоящей ожогъ карандашомъ, если сказать пациенту, что это—раскаленное до-красна желѣзо. Внутреннее страданіе вызываетъ сосудодвигательныя и другія тѣлесныя измѣненія, которыя доказываютъ, какъ доказываютъ подобныя же явленія въ другихъ случаяхъ, что обманъ невозможенъ, и что явленія реальны. Эти истины, а также истины приводимыя ниже, уже не основываются на однихъ показаніяхъ „гипнотизеровъ“, а составляютъ признанное достояніе настоящей психологіи.

Затѣмъ, такія внушенія могутъ дѣлаться на будущее время, и выполняться лишь тогда, когда пройдетъ внушенный промежутокъ времени; въ такомъ случаѣ они называются отсроченными или послѣ-гипнотическими внушеніями. Пост-гипнотическія внушенія—такія, въ которыхъ содержится приказаніе выполнить ихъ лишь спустя извѣстное время послѣ того, какъ субъектъ вернется къ своему нормальному состоянію; такія внушенія—если только они разумны и несущественны по своему характеру, дѣйствительно выполняются впоследствии, въ нормальномъ состояніи, хотя человекъ не сознаетъ, совершенно почему онъ долженъ дѣйствовать такимъ образомъ, такъ какъ не имѣетъ никакого воспоминанія о томъ, что получилъ внушеніе, будучи загипнотизированнымъ. Такія пост-гипнотическія дѣйствія могутъ быть отсрочены путемъ внушенія на много мѣсяцевъ.

3) Такъ называемая, экзальтація душевныхъ способностей, въ особенности чувствъ: увеличенная острота зрѣнія, слуха, осязанія, памяти, и вообще душевныхъ функцій. Вслѣдствіе этой сильной „экзальтація“, загипнотизированные пациенты могутъ получать отъ экспериментаторовъ ненамѣренныя, невольныя внушенія и обнаруживать ихъ намѣренія, когда дѣлаются всѣ усилія, чтобы скрыть ихъ. Часто они различаютъ перемены въ выраженіи лица, вызванныя душевными волненіями; и если допустить, что ихъ способность къ логической проницательности возрастаетъ въ соотвѣтствующей мѣрѣ, то едва ли есть предѣлъ способности пациента узнать, просто по физическимъ указаніямъ, душевныя состоянія тѣхъ, кто производитъ опыты надъ нимъ.

4) Такъ называемое, соотвѣтствіе. Этотъ терминъ покрываетъ всѣ факты, которые до начала научнаго изслѣдованія предмета были извѣстны подъ названіемъ „личнаго магнетизма“, „волевой силы надъ субъектомъ“ и т. п. Справедливо, что иногда лишь одинъ данный операторъ можетъ оказаться способнымъ загипнотизировать даннаго пациента; и въ этомъ случаѣ пациентъ, будучи загипнотизированнымъ, открытъ лишь для внушеній со стороны даннаго человека. Онъ слѣпъ и глухъ ко всему, что предписывается кѣмъ-либо другимъ. Легко видѣть уже изъ сказаннаго выше, что для этого не требуется никакого тайнаго нервнаго вліянія или душевной силы. Восприимчиваго пациента можетъ загипнотизировать кто угодно, если только у пациента есть идея или убѣжденіе, что экспериментаторъ обладаетъ такой способностью. Положимъ, что у пациента явилась мысль, что лишь одинъ человекъ можетъ загипнотизировать его, и это составляетъ начало самого гипнотическаго внушенія. Это—часть внушенія, что необходимо извѣстное личное соотвѣтствіе; слѣдовательно, пациентъ долженъ находиться въ такомъ соотвѣтствіи. Это обнаруживается тѣмъ фактомъ, что когда подобный пациентъ подвергается гипнозу, то гипнотизеръ, находящійся въ соотвѣтствіи съ нимъ, можетъ передать свою власть кому угодно просто внушивъ пациенту, что этотъ третій также можетъ гипнотизировать его. Слѣдовательно, „соотвѣтствіе“ и всѣ удивительныя притязанія шарлатановъ на обладаніе способностью къ чарамъ, къ подавленію чужой личности, управленію ея волей на раз-

стояніи—всѣ такія притязанія объясняются, поскольку они имѣютъ какое-нибудь основаніе, внушеніемъ, сдѣланнымъ въ состояніи повышенной душевной воспримчивости или экзальтаціи *).

Добавлю теперь нѣсколько практическихъ замѣчаній по данному вопросу.

Вообще, всякій приѣмъ достаточно долго сосредоточивающій вниманіе на одномъ и томъ же раздраженіи, вѣроятно, пригоденъ для того, чтобы вызвать гипнозъ; но результатъ будетъ быстрымъ и болѣе законченнымъ въ зависимости отъ того, насколько пациентъ проникся идеей, что гипнозъ удастся, т. е. получилъ внушеніе сна. Можно сказать, поэтому, что сложныя дѣйствія, какъ-то пассы, потиранія, таинственныя заклинанія и т. п., часто примѣняемыя, не имѣютъ никакого фізіологическаго дѣйствія, и вліяютъ лишь въ качествѣ внушенія на душу субъекта **). Въ виду этого вѣроятно, что любого человѣка въ нормальномъ состояніи здоровья можно загипнотизировать, если только онъ не черезчуръ скептически относится къ знаніямъ и силѣ гипнотизирующаго; съ другой стороны, всякій можетъ загипнотизировать другого, если только онъ не возбуждаетъ слишкомъ большого скептицизма, и самъ не колеблется и не дѣлаетъ неловкостей. Вѣроятно, однако, что степень воспримчивости весьма различна, и что раса оказываетъ важное вліяніе. Такъ, въ Европѣ французы, повидимому, наиболѣе воспримчивы, а англичане и скандинавы—наименѣе. Мнѣніе, что слабоумные наиболѣе поддаются внушенію, совершенно ошибочно. Напротивъ, пациенты домовъ для умалишенныхъ, идіоты и т. д. наиболѣе неподатливы. Этого и надо ожидать вслѣдствіе того, что въ этихъ случаяхъ способность къ усиленному, настойчивому вниманію отсутствуетъ. Единственный классъ патологическихъ случаевъ, который представляется особенно благоприятнымъ для гипнотическаго вліянія, это — классъ истеро-эпилептиковъ, склонныхъ крайне легко поддаваться внушенію. Далѣе, можно загипнотизировать самого себя—что мы назвали выше само-внушеніемъ—особенно если подвергнуться нѣсколько разъ гипнозу со стороны другихъ. Если оставить пациента въ покоѣ, загипнотизировавъ его, то онъ обыкновенно переходитъ въ состояніе нормальнаго сна и просыпается естественнымъ образомъ.

Далѣе, очевидно, что частое гипнотизированіе очень вредно, если оно производится однимъ и тѣмъ же лицомъ, такъ какъ при этомъ пациентъ приобретаетъ привычку отвѣчать все на одинъ и тотъ-же классъ внушеній; а это можетъ повліять на его нормальную жизнь. Дальнѣйшая опасность является слѣдствіемъ возможности, что не всѣ внушенія были удалены изъ души пациента до его пробужденія. Опытные ученые всегда считаютъ важнымъ позаботиться объ этомъ. Возможно также, что вредныя послѣдствія для человѣка происходятъ прямо отъ частаго гипнотизированія; и это въ нѣкоторой мѣрѣ вѣроятно просто потому, что само состояніе ненормально. Слѣдовательно, надлежало бы запретить закономъ всякія публичныя гипнотическія представленія, а также всякое гипнотизированіе отдѣльныхъ лицъ любителями; всѣ же практическія примѣненія, а также и наблюденія надъ гипнозомъ нужно отдать въ руки врачей или специалистовъ, пригодность которыхъ подтверждена экзаменомъ и которые имѣютъ свидѣтельство или разрѣшеніе. Въ Россіи (лѣтомъ

*) Нельзя не замѣтить, что авторъ очевидно незнакомъ съ новѣйшими въ этой области наблюденіями, а потому смотритъ на вопросъ нѣсколько односторонне. Читателю полезно будетъ познакомиться съ книгами, указанными выше, чтобы понять ошибки автора. *Ред.*

***) Авторъ правъ лишь въ отношеніи заклинаній, пассы-же и др. воздѣйствія, несомнѣнно имѣютъ вліяніе (см. упомянутыя книги).

1893 г.) издано распоряженіе, дозволяющее врачамъ примѣнять гипнотизмъ для лѣчебныхъ цѣлей лишь съ оффиціального разрѣшенія. Во Франціи запрещены публичныя представленія.

Въ гипнотическомъ состояніи можно дѣлать, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, такъ называемыя, преступныя внушенія. Во французскихъ судахъ разбирались дѣла, въ которыхъ были допущены показанія за и противъ такого вліянія третьяго лица на преступника. Однако, реальность такого явленія—дѣло спорное. Парижская школа утверждаетъ, что загипнотизированному субъекту можно внушить преступныя дѣянія, которыя также навѣрное будутъ выполнены имъ, какъ и всякіе другіе поступки. Такой субъектъ выстрѣлитъ въ человѣка, когда это ему прикажутъ, или заколетъ его кинжаломъ ¹⁾. Допуская эти факты, теоретики школы Нанси (сводящіе всѣ явленія гипнотизма къ внушенію) утверждаютъ, будто субъектъ знаетъ, что это дѣлается не въ серьезъ, получаетъ отъ экспериментаторовъ внушеніе нереальности поступка и потому успокаивается. Это, вѣроятно, справедливо, какъ на то указываютъ многочисленныя случаи, при которыхъ пациенты въ гипнотическомъ снѣ отказывались выполнить внушенные поступки, которые оскорбляли ихъ скромность, чувство правдивости и т. п. Значитъ, школа Нанси права, утверждая, что хотя при гипнозѣ податливость къ внушенію и возрастаетъ чрезвычайно, но все же для нея существуютъ предѣлы въ глубже укоренившихся привычкахъ, нравственныхъ чувствахъ, общественныхъ взглядахъ и т. п. особенностяхъ субъекта. Далѣе, это заставляетъ думать, что гипнозъ, какъ утверждаетъ эта школа, вѣроятно, есть временное расстройство, а не патологическое состояніе души и тѣла.

Было много замѣчательныхъ и необыкновенныхъ случаевъ излѣченія болѣзни гипнотическимъ внушеніемъ, наблюденныхъ особенно во Франціи. Несомнѣнно вѣрно, что истерія во многихъ ея проявленіяхъ излѣчивалась; но не доказано, чтобы какая-либо органическая, конституціонная болѣзнь была когда нибудь излѣчена гипнотизмомъ ²⁾. Медицинскіе авторитеты не смотрятъ на гипнозъ, какъ на средство, имѣющее большую терапевтическую цѣнность, и рѣдко его примѣняютъ; но сомнительно еще, въ виду естественнаго предубѣжденія, вызываемаго претензіями шарлатановъ,—были ли его достоинства надлежащимъ образомъ испытаны. На европейскомъ континентѣ его съ успѣхомъ примѣняли въ многоразличныхъ случаяхъ; и Бернгеймъ указалъ, что мелкія нервныя расстройства, бессонница, мигрени, пьянство, легкіе случаи ревматизма, расстройство половой дѣятельности и пищеваренія, вмѣстѣ съ массой болѣе мелкихъ временныхъ причинъ страданія—ревматическихъ болей въ спинѣ и бокахъ и т. п.—могутъ быть излѣчены или весьма существенно облегчены внушеніями, произведенными въ гипнотическомъ состояніи. Во многихъ случаяхъ такія излѣченія совершаются окончательно безъ помощи всякихъ другихъ средствъ. Во многихъ большихъ городскихъ больницахъ пациенты опредѣленныхъ влассовъ сразу подвергаются гипнозу, и имъ дѣлаются лѣчебныя внушенія. Льебо, основатель школы Нанси, повидимому, первый примѣнилъ гипнозъ въ качествѣ лѣчебнаго средства. Гипнозъ также становится все болѣе и болѣе признаннымъ въ качествѣ метода для обузданія непослушныхъ и буйныхъ пациентовъ въ домахъ умалишенныхъ и въ исправительныхъ заведеніяхъ. Надо добавить, впрочемъ, что психологическая

¹⁾ Опыты производились, конечно, при помощи холостыхъ зарядовъ, бумажныхъ кинжаловъ и пр.

²⁾ Новыя данныя противорѣчатъ такому категорическому заявленію автора.

теорія занимается этимъ предметомъ болѣе серьезно, чѣмъ медицинская практика.

Теорія. Существуютъ двѣ соперничающихъ теоріи относительно существа гипноза. Уже упомянутая парижская школа, во главѣ съ покойнымъ д-ромъ Шарко, считаетъ, что это—патологическое состояніе, которое болѣе легко вызывается у пациентовъ, уже страдающихъ душевнымъ расстройствомъ или имѣющихъ наклонность къ нервнымъ болѣзнямъ. Эта школа утверждаетъ, что описанныя выше три стадіи представляютъ открытіе большой важности. Съ другой стороны, такъ называемая школа Нанси, во главѣ съ Бернгеймомъ, совершенно отрицаетъ патологическій характеръ гипноза, утверждая, что гипнотическое состояніе — не болѣе, какъ специальная форма обычнаго сна, вызванная искусственно внушеніемъ. Гипнотическое внушеніе, говоритъ эта школа, есть только усиленное проявленіе вліянія, которому подвержены всѣ люди въ нормальномъ состояніи. Всѣ разновидности, стадіи, необыкновенныя явленія и т. д., приводимыя парижской школой, можно объяснить этой гипотезой „внушенія“. Школу Нанси надо считать одержавшей полную побѣду, за исключеніемъ нѣкоторыхъ фактовъ, не объясненныхъ еще ни одной теоріей ¹⁾.

Гипнотизмъ обнаруживаетъ между душою и тѣломъ, тѣсное взаимодействие которое современная психологія еще только начинаетъ оцѣнивать по справедливости; и именно на эту сторону даннаго вопроса надо обратить здѣсь вниманіе. Гипнотическое состояніе сознанія можно считать лучшимъ условіемъ для обнаруженія дѣйствія внушенія.

ГЛАВА VIII.

Воспитаніе души.—Педагогическая психологія.

Много говорилось и писалось о физическихъ и душевныхъ различіяхъ, обнаруживающихся между дѣтьми; и болѣе частое возраженіе, какое мы слышимъ, противъ обычныхъ методовъ обученія, состоитъ въ томъ, что всѣхъ дѣтей учатъ одинаково. Дѣло доходитъ до того, что учителя оцѣниваютъ сообразно съ, тѣмъ насколько онъ умѣетъ обращаться съ дѣтьми, какъ съ особенными индивидуальностями. Все это движеніе по вѣрному направленію; и все же вопросъ настолько еще неясенъ, что многіе изъ тѣхъ самыхъ критиковъ, которые нападаютъ на однообразное обращеніе съ различными учениками въ школѣ, не имѣютъ яснаго представленія о томъ, что нужно; они просто требуютъ, чтобы обращеніе сообразовалось съ особенностями ребенка. Какъ сообразоваться съ особенностями каждаго ребенка, и еще ранѣе стоящій вопросъ—каковы особенности того или другого ребенка, съ которыми надо сообразоваться—все это остается безъ разрѣшенія.

Моя цѣль—указать въ этой главѣ на нѣкоторыя различія, обнаруживающіяся у дѣтей, и на основаніи такого рода фактовъ попытаться составить болѣе определенное представленіе о томъ, какія нужны различія въ обращеніи съ различными классами, на которые раздѣляются дѣти. Я

¹⁾ Читатель даже незнакомый съ предметомъ, легко увидитъ, что авторъ здѣсь слишкомъ торопится съ заключеніями. Можетъ ли быть рѣчь о „побѣдѣ“, если имѣются „исключенія“. Очевидно, ни та, ни другая теорія не удовлетворительны, если не могутъ объяснить всѣхъ явленій. Еслибы авторъ зналъ о школѣ новѣйшихъ месмеристовъ, онъ не сдѣлалъ бы такой грубой логической ошибки. Рекомендуемъ читателямъ обратиться къ упомянутымъ книгамъ, гдѣ мною даются объясненія упомянутыхъ „необъяснимыхъ“ явленій.

ограничусь сначала тѣми различіями, которыя являются наслѣдственными и органическими.

Первый періодъ—раннее дѣтство. Первое и наиболѣе общее различіе—то, которое основывается на раздѣленіи человѣческой жизни на двѣ большія области—воспріятія и дѣйствія. Слова „чувственный“ (сенсорный) и „двигательный“ (моторный) становятся наиболѣе обычными описательными терминами современной психологіи. Мы все время слышимъ о чувственныхъ процессахъ, чувственномъ содержаніи, чувственныхъ центрахъ, чувственномъ вниманіи и т. п.; а съ другой стороны—о двигательныхъ процессахъ, двигательныхъ центрахъ, двигательной атаксіи, двигательномъ вниманіи, двигательномъ сознаніи и т. п. А въ болѣе высокихъ сферахъ душевной дѣятельности та же самая противоположность выступаетъ въ противопоставленіи чувственной и двигательной афазіи, алексіи, чувственныхъ и двигательныхъ типахъ памяти и воображенія и т. д. Теперь есть даже сильная наклонность думать, что когда мы отнесли данную функцію сознанія къ той или другой группѣ функцій нервнаго аппарата, опредѣливъ ее какъ чувственную или какъ двигательную, то наша обязанность по отношенію къ ней выполнена. Какъ бы то ни было, нѣтъ сомнѣнія, что это различіе проливаетъ яркій свѣтъ на вопросы о душѣ, связанные также и съ соотвѣствующими вопросами о нервной системѣ. Это справедливо относительно всѣхъ вопросовъ педагогической психологіи.

Это первое различіе между дѣтьми, различіе, имѣющее общее примѣненіе, можно охарактеризовать, сказавъ, что одни болѣе активны, или дѣятельны, другіе болѣе пассивны, или воспримчивы. Это—довольно общеизвѣстная разница; но, можетъ быть, два слова о ея значеніи для характера ребенка помогутъ придать ей болѣе опредѣленный смыслъ.

„Активный“ человѣкъ для психолога тотъ, кто очень отзывчивъ на внушенія. Внушенія можно опредѣлить самымъ общимъ образомъ; это—какъ всякія вліянія извнѣ, изъ окружающей среды, какъ физическія, такъ и личныя, которыя вселяются въ сознаніе и ведутъ къ дѣйствіямъ. Ребенокъ, воспримчивый въ высокой степени ко внушеніямъ, обнаруживаетъ то, что мы называемъ „подвижностью“. Внушенія, овладѣвающія имъ, сразу переходятъ въ дѣйствіе. Онъ стремится дѣйствовать тотчасъ же, быстро, безъ разсужденія приспособляя новые элементы знаній, приходящихъ извнѣ, къ образу дѣйствій, установленному его прежними привычками. Мы обыкновенно говоримъ, что такой человѣкъ, ребенокъ или взрослый, скорѣе на заключенія; онъ хочетъ знать для того, чтобы дѣйствовать; онъ дѣйствуетъ такъ или иначе подъ вліяніемъ всѣхъ событій или внушеній, даже когда никакое дѣйствіе не внушено прямо, и даже когда кто-либо пытается удержать его отъ дѣйствія.

Съ психологической стороны такой человѣкъ находится подъ властью привычки. Это значить, что его нервная система, въ силу ли наслѣдственныхъ склонностей или вслѣдствіе ненадлежащаго преобладанія нѣкоторыхъ элементовъ въ его воспитаніи, быстро устанавливается въ направленіи двигательнаго разряда. Главные пути легчайшей передачи изъ мозга въ мышцы постоянно остаются открытыми; процессамъ, разъ начавшимся въ центрахъ чувствъ—зрѣнія, слуха и т. д., трудно сдержать свою энергію. Они стремятся къ неустойчивому равновѣсію въ направленіи нѣизвѣстныхъ двигательныхъ сочетаній, которыя, въ свою очередь, представляютъ извѣстные классы дѣйствій. Въ этомъ состоитъ привычка; и человѣкъ крайняго двигательнаго типа всегда живетъ привычками.

Какъ же нужно воспитывать такого ребенка? Необходимость получить отвѣтъ на этотъ вопросъ очевидна изъ того, что было сказано

выше—мы знаемъ, что самое возникновеніе такого состоянія зависитъ, помимо наслѣдственности, отъ недостатковъ полученнаго воспитанія.

Главный пунктъ, который долженъ имѣть въ виду учитель при обращеніи съ такого рода мальчикомъ или дѣвочкой—импульсивнымъ, дѣятельнымъ, всегда отзывчивымъ, но почти всегда ошибающимся во всемъ, что онъ говоритъ и дѣлаетъ—состоитъ въ томъ, что тутъ мы имѣемъ дѣло съ привычкой. Привычки—дѣло хорошее; въ самомъ дѣлѣ, если мы пойдемъ нѣсколько дальше, то мы замѣтимъ, что всякое воспитаніе состоитъ въ образованіи привычекъ; но здѣсь, въ этомъ случаѣ, мы имѣемъ дѣло не съ привычками, а съ привычкой вообще. Ребенокъ обнаруживаетъ наклонность къ привычкѣ самой по себѣ, къ привычкамъ всякаго и какаго угодно рода. Первая работа учителя, руководящаго образованіемъ привычекъ, состоитъ въ томъ, чтобы вызвать извѣстную инерцію привычки, такъ сказать,—короткій періодъ органической нерѣшительности, въ теченіе котораго въ сознаніе ребенка можно ввести основанія, говорящія за или противъ каждой привычки.

Вопросъ о средствахъ, при помощи которыхъ можно контролировать и регулировать эту наклонность къ беспорядочнымъ, необдуманымъ дѣйствіямъ со стороны ребенка, является однимъ изъ наиболѣе основныхъ вопросовъ для вдумчиваго учителя. Отвѣтъ на него долженъ быть различнымъ для дѣтей различнаго возраста. Однако, вообще, съ точки зрѣнія психолога, надо сдѣлать одно—какъ нибудь ввести большую сложность въ двигательные процессы, которыми ребенокъ пользуется привычно, и посредствомъ этой сложности получить большее подавленіе въ нежелательныхъ направленіяхъ его дѣятельности. Подавленіе, это—задержка процессовъ на нѣкоторое время, вызывающее своего рода „отливъ“ энергіи движенія въ чувственные центры, или перераспределеніе этой энергіи на болѣе разнообразные и менѣе привычные разряды. По отношенію къ болѣе взрослымъ дѣтямъ полезно разобрать съ ними сдѣланные промахи, указавъ на дурныя послѣдствія, какія они навлекли на себя послѣднимъ дѣйствіемъ. Это требуетъ большой внимательности. При классной работѣ учитель можетъ съ пользой поставить на видъ лучшіе результаты, достигаемые ученикомъ, который „сначала подумаетъ“. Это дастъ для исправленія торопливаго ученика новый мотивъ—полупубличное сравненіе съ болѣе разсудительными учениками въ классѣ. Такой приемъ не вызываетъ никакихъ возраженій, если является признаннымъ элементомъ класснаго преподаванія; однако, надо заботиться о томъ, чтобы никакой ученикъ не испытывалъ униженія отъ такихъ сравненій. Урокъ можно смягчить, останавливаясь также и на выгодахъ быстрой сообразительности, какая почти всегда окажется у ученика, о какомъ мы говоримъ.

Для младшихъ учениковъ, какъ и для старшихъ, болѣе дѣйствительны косвенные приемы. Учитель долженъ изучать ученика, чтобы подмѣтить общее направленіе его привычекъ. Затѣмъ нужно наблюдать за его работой и развлеченіями, имѣя въ виду опредѣленные пункты. Его привычныя дѣйствія надо сдѣлать настолько сложными, насколько онъ въ состояніи выполнить; это для того, чтобы развить его привычки и предохранить ихъ отъ вырожденія въ простой механизмъ. Если онъ обнаруживаетъ страсть къ рисованію, пачкая свою карту, надо позаботиться, чтобы у него были подъ рукой рисовальныя принадлежности и нѣсколько осмысленныхъ работъ въ этомъ направленіи для выполненія, но не въ качествѣ обязательныхъ работъ, а для него самого. Побуждайте его подвигаться впередъ, а не повторять все одно и то-же. Если у него есть привычка производить неловкія движенія руками и ногами, постарайтесь вызвать

въ немъ интересъ къ играмъ, въ которыхъ эти части тѣла получаютъ правильное и цѣлесообразное упражненіе.

Далѣе, въ умственной работѣ такого ученика слѣдуетъ держать, насколько возможно, на болѣе отвлеченныхъ предметахъ, которые не даютъ непосредственныхъ поводовъ къ дѣйствию. Математика—лучшее занятіе для него, какое только можно придумать. Грамматика также полезна; если она хорошо преподается, она служитъ одновременно и для того, чтобы заинтересовать его, въ извѣстныхъ отвлеченныхъ соотношеніяхъ, и для того, чтобы дать выходъ его двигательной энергіи въ практикѣ рѣчи—функции, которая всегда требуетъ упражненія, и которая всегда находится подъ наблюденіемъ учителя. Грамматика на самомъ дѣлѣ, одинъ изъ лучшихъ предметовъ начальной школы, такъ какъ изученіе ея проявляется сразу въ тѣхъ самыхъ двигательныхъ функцияхъ, въ которыхъ воплощаются соотношенія, какія учитель старается запечатлѣть. У учителя, такъ сказать, въ его собственныхъ ушахъ имѣется свидѣтельство о томъ, поняли его преподаваніе или нѣтъ. Это даетъ ему драгоценную возможность вести свое преподаваніе впереди его двигательнаго выраженія—заставляя такимъ образомъ ученика думать, а не дѣйствовать, не подумавши, и въ то-же самое время отмѣчать ошибки въ рѣчи, происходящія отъ поспѣшности при переходѣ отъ мысли къ дѣйствию.

Эти косвенные методы вліянія на импульсивнаго ученика никогда не слѣдуетъ отбрасывать ради прямой попытки «руководить» такимъ ученикомъ. Самое худшее, что можно сдѣлать съ такимъ мальчикомъ или дѣвочкой—это приказать ему или ей сидѣть смирно или не дѣлать чего либо; а еще хуже—если можно употребить сравнительную степень послѣ превосходной—присоединить къ приказанію наказаніе. Это—прямое нарушеніе принципа внушенія. Такое приказаніе только удаляетъ изъ души ребенка всѣ иные предметы мысли и интересы, и заставляетъ его сосредоточивать свое вниманіе на собственныхъ движеніяхъ. Это, значитъ, сводится для него къ постоянному внушенію—дѣлать какъ разъ то самое, что вы ему запретили. И если вы не доставите ему внушеній и интересовъ, которые отвлекли бы его мысль отъ его дѣствий, сами ваши старанія не могутъ не усилить его дурныхъ наклонностей. Такимъ-то способомъ, какъ я указалъ выше, многіе учителя создаютъ или поддерживаютъ дурныя привычки своихъ учениковъ, и такимъ образомъ дѣлаютъ безплоднымъ всякое благонамѣренное положительное наставленіе. Повидимому, твердо установлено, что отрицательное внушеніе—т. е. внушеніе не дѣлать чего либо—не имѣетъ отрицательной силы; напротивъ, въ ранній періодъ оно сводится лишь къ болѣе сильному внушенію въ положительномъ смыслѣ, такъ какъ оно особенно сосредоточиваетъ вниманіе на томъ, что запрещено. Отрицаніе «не» въ запрещеніи не добавляетъ ничего къ изображенному дѣйствию, къ которому оно присоединено, и тотъ фізіологическій фактъ, что вниманіе стремится направить дѣйствіе въ ту сторону, куда оно обращено, какъ будто даетъ премію за непослушаніе. Вѣдь, философія всякаго наказанія основывается на этомъ соображеніи, т. е. что если наказаніе не направлено къ тому, чтобы наполнить душу чѣмъ-либо другимъ, а не вызвавшимъ наказаніе дѣйствиемъ, оно болѣе вредно, чѣмъ полезно. Наказаніе должно быть дѣйственнымъ и его характеръ—отвлекающимъ; не нужно ни угрозъ, которыя кончаются ничѣмъ, ни наказаній которыя тверже запечатлѣваютъ въ душѣ мысль о проступкѣ. Это значитъ, что прочное подавленіе движенія въ этомъ періодѣ лучше всего достигается путемъ постановки на его мѣсто какого-либо другого движенія.

Дальнѣйшее разсмотрѣніе случаевъ большой подвижности привело-бы къ разсмотрѣнію различныхъ видовъ памяти и воображенія и отношенія

къ нимъ; къ этому мы вернемся ниже. Теперь мы перейдемъ къ примѣрамъ чувствительнаго типа, разсматриваемымъ въ такомъ же общемъ видѣ.

Чувствительныя дѣти—по преимуществу тѣ, которыя кажутся болѣе пассивными, болѣе страдающими отъ физической инертности, болѣе склонными къ созерцанію въ старшемъ возрастѣ, менѣе способными перенимать новыя движенія, менѣе быстро схватывающими намеки, и т. д.

Эти дѣти вообще еще отличаются тѣмъ, что они гораздо менѣе воспримчивы ко внушенію—и въ этомъ очень замѣтна ихъ противоположность съ двигательнымъ типомъ. Въ раннемъ возрастѣ они кажутся болѣе тупыми. Мальчики часто на основаніи этого признаются тупыми при сравненіи съ дѣвочками. Во многихъ случаяхъ эту разницу между дѣтьми можно легко наблюдать уже на второй годъ. Ребенокъ двигательнаго типа обнаруживаетъ печаль громкимъ плачемъ и энергичными движеніями, между тѣмъ какъ ребенокъ чувствительнаго типа горюетъ втихомолку, и продолжаетъ горевать, когда первый уже совсѣмъ забылъ о неприятномъ происшествіи. Ребенокъ двигательнаго типа задастъ множество вопросовъ, и повидимому, мало усваиваетъ изъ отвѣтовъ; а ребенокъ чувствительнаго типа просто слушая усваиваетъ вопросы другихъ и даваемые на нихъ отвѣты. Первый много разъ получаетъ поврежденія при одинаковыхъ условіяхъ, и у него не вырабатывается достаточной осторожности для того, чтобы предохранить себя отъ повторенія одного и того же промаха; второй—ребенокъ въ присутствіи незнакомаго и ненадежнаго, учится съ одного или немногихъ опытовъ и ждетъ, пока не получитъ достаточныхъ данныхъ, чтобы судить объ отсутствіи опасности. Первый склоненъ быть болѣе безпокойнымъ при сидѣніи, стояніи и т. п., болѣе ярко выражающимъ свою любовь, болѣе импульсивнымъ въ дѣйствіи, болѣе способнымъ къ прощенію.

Что касается обращенія съ ребенкомъ чувствительнаго типа, то эта задача представляетъ еще большія затрудненія и опасности, чѣмъ обращеніе съ ребенкомъ двигательнаго типа. Самый характеръ различія между ними дѣлаетъ очевиднымъ, что въ то время, какъ послѣдній, такъ сказать, «выдаетъ себя», постоянно дѣйствуетъ по своимъ впечатлѣніямъ и, такимъ образомъ, постоянно обнаруживаетъ свое движеніе впередъ и свои ошибки, по отношенію къ первому все это обстоитъ иначе. Всѣ знанія, которыя мы способны получить о душевномъ состояніи другого человѣка, почерпаются изъ его движеній, такъ или иначе выражающихъ его переживанія, изъ его дѣйствій, позъ, поведенія и т. п. У насъ нѣтъ способовъ прямо читать мысли. Поэтому, поскольку человѣкъ чувствительнаго типа менѣе дѣятеленъ, постольку онъ менѣе выражаетъ свое состояніе, менѣе обнаруживаетъ себя. Для учителя, поэтому, онъ въ большей степени представляетъ загадку. Когда имѣешь дѣло съ такимъ типомъ, труднѣе сказать, что изъ преподаваемаго онъ оцѣнилъ и усвоилъ; что, съ другой стороны, оказалось слишкомъ труднымъ для него; что для него умно и что глупо. Тамъ, гдѣ подвижной ребенокъ высказываетъ свои импульсивныя мнѣнія, этотъ уходитъ въ себя и не даетъ отвѣта. Такимъ образомъ, мы лишены лучшаго средства истолковать его поступки—его собственныхъ объясненій.

Поэтому, надо усиленно рекомендовать вообще политику осторожности. Пусть учитель въ каждомъ случаѣ ждетъ какого-либо положительнаго указанія на дѣйствительное душевное состояніе ребенка. Даже указанія, даваемые ребенку, могутъ оказаться непонятными; поспѣшный выговоръ можетъ огорчить его; обязанность, которая настолько элементарна, что является обычною въ душевной жизни ребенка двигательнаго типа, можетъ вызвать такое смутное опасеніе, что настояніе на ея немедленномъ выполненіи, можетъ стоить учителю потери всякаго вліянія на ученика этого типа. Лучше ждать, даже рискуя, повидимому, потерять драгоценные дни, чѣмъ сдѣлать хотъ одинъ шагъ на основаніи ошибочной оцѣнки степени усвоенія извѣстнаго пункта

ребенкомъ. И, кромѣ того, дѣйствіе неправильнаго обращенія на такого мальчика или дѣвочку, весьма отличается отъ дѣйствія подобной же ошибки въ предыдущемъ случаѣ. Ребенокъ становится болѣе молчаливымъ, склоннымъ къ уединенію, даже скрытнымъ, какъ только получаютъ непріязненные отношенія между нимъ и старшими.

Затѣмъ можно дать болѣе положительное указаніе: его обученіе должно быть хорошо разработано. Ему надо во всѣхъ возможныхъ случаяхъ давать поводы обнаруживать себя. Пусть онъ много читаетъ вслухъ. Пусть онъ повторяетъ пустые стихи. Дайте ему случай разговаривать, какъ можно больше. Указывайте ему на его промахи, возможно болѣе обдуманно и мягко; уговорите его повторить свое дѣйствіе передъ вами послѣ того, какъ былъ данъ совѣтъ исправить. Развивайте въ немъ склонность къ подражанію; это—подспорье для образованія легкихъ привычекъ къ дѣйствію. При устройствѣ дѣтскихъ игръ позаботьтесь, чтобы онъ получалъ активныя роли, хотя-бы онъ и отказывался и колебался взять ихъ. Ставьте его возможно больше во главѣ, чтобы развить въ немъ чувство ответственности за исполненіе дѣла, и привести къ выраженію его пониманія организаціи и т. д. Во всемъ этомъ существенно—вызвать ребенка на какое-либо проявленіе себя; это важно и для него ради улучшеннаго равновѣсія, какое онъ пріобрѣтаетъ отсюда, важно и для наблюдающаго учителя, какъ указаніе на его успѣхи и на дальнѣйшіе шаги, нужные для его развитія.

Для ребенка чувствительнаго типа, я думаю, дѣтскій садъ очень полезенъ. Онъ даетъ ему легкость движеній и выраженія, а также нѣкоторую степень личной и общественной увѣренности. Но по тѣмъ же самымъ причинамъ, дѣтскій садъ слишкомъ возбуждаетъ дѣтей двигателяльнаго типа, соответствующаго возраста. На самомъ дѣлѣ, должно было бы существовать два метода воспитанія въ дѣтскихъ садахъ—одинъ, основанный на идеѣ обдумыванія, другой—на идеѣ выраженія.

Задача воспитателя здѣсь, очевидно, въ томъ, чтобы помочь природѣ исправить наклонность къ одностороннему развитію; задача та же, что и въ предыдущемъ случаѣ; но здѣсь колебанія совершаются въ предѣлахъ между чудачествомъ съ одной стороны и гениемъ, съ другой. Въдѣ гений, я полагаю, чаще развивается изъ созерцательной души этого ребенка, съ его сравнительно замкнутымъ мозгомъ, чѣмъ изъ легко работающей машины двигателяльнаго типа. Но именно по этой причинѣ, если замкнутость выльется не въ русло здороваго усвоенія и уравновѣшеннаго роста, а въ ненормальные разряды бурныхъ волненій, сопровождаемые состояніемъ меланхолии и нѣкоторыми наклонностями къ угрюмости, то зародышъ генія выростетъ въ эксцентричность, и вина будетъ, вѣроятно, наша.

Повидимому, справедливо,—хотя требуется большая осторожность въ выводахъ,—что въ этомъ можно найти извѣстное различіе и между полами. Возможно, что кажущееся раннее развитіе и бойкость дѣвочекъ въ ихъ школьные годы и ранѣе, объясняется просто преобладаніемъ среди нихъ двигателяльнаго типа. Это подтверждается разборомъ тѣхъ областей въ которыхъ онѣ, повидимому, опережаютъ мальчиковъ. Дѣло сводится, поскольку это видно изъ моихъ наблюденій, къ большей быстротѣ отвѣтовъ и лучшему выполненію, а не къ большей способности созидать, и не къ большей силѣ сосредоточенія вниманія. Мальчики, кажется, требуютъ большаго ученія, потому что они не такъ много усваиваютъ путемъ дѣйствія на основаніи того, что они уже знаютъ. Въ старшемъ возрастѣ различіе сглаживается одинаковымъ обученіемъ и заданіемъ работъ, требующихъ большаго напряженія мысли, чѣмъ могутъ дать естественныя способности обоихъ типовъ. Однако, во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, есть кое-что справедливое въ ходячемъ убѣжденіи, что женщины болѣе импульсивны и болѣе склонны къ не столь разсудительнымъ поступкамъ.

Того, что было сказано, достаточно, чтобы придать нѣкоторую реальную силу общему мнѣнію, что при воспитаніи надо принимать въ расчетъ личный характеръ уже на самой ранней ступени. Однако, общее различіе между чувствительными и двигательными типами имѣетъ болѣе важныя примѣненія въ вопросахъ о памяти и воображеніи на дальнѣйшихъ ступеняхъ развитія, къ которымъ мы теперь и обратимся.

Второй періодъ. Изученіе, конечно, становится болѣе труднымъ по мѣрѣ того, какъ ученикъ становится старше, такъ какъ вліяніе наслѣдственности постепенно затушевывается болѣе постоянными элементами домашней и школьной жизни ребенка и вообще общественной среды. Ребенокъ, котораго я выше причислилъ къ чувствительному виду, постоянно открытъ для вліяній возбуждающаго поведенія своего товарища двигательнаго типа, а также и непосредственныхъ мѣрѣ, принимаемыхъ родителями и учителями для того, чтобы побороть его слишкомъ рѣзко выраженныя наклонности и предотвратить одностороннее развитіе. Такъ и ребенокъ двигательнаго типа легко поддается вліянію окружающихъ.

Однако, аналогія между органическими, наслѣдственными различіями отдѣльныхъ лицъ и умственными и нравственными измѣненіями, какія они испытываютъ въ школьной жизни, выражена очень сильно, и въ позднѣйшемъ періодѣ мы находимъ подобный же рядъ различій. Основаніе для того, что существуетъ соотвѣтствіе между различіями, даваемыми наслѣдственностью и тѣми, которыя вызываються по преимуществу воспитывающими вліяніями общественной обстановки отдѣльнаго ребенка, само по себѣ весьма поучительно, но недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ остановиться здѣсь на этомъ.

Фактъ таковъ: ребенокъ стремится, подъ вліяніемъ своей домашней, школьной, общественной обстановки, выработать, въ своей памяти, воображеніи, и въ общемъ душевномъ типѣ, опредѣленный характеръ въ чувствительномъ или двигательномъ направленіи.

Разсматривая сначала, какъ и прежде, ребенка двигательнаго типа, мы находимъ, что его психологическое развитіе стремится укрѣпить его наслѣдственный типъ. Во всѣхъ своихъ сношеніяхъ съ другими дѣтьми онъ болѣе или менѣе проявляетъ склонность къ господству и выдвигаетъ себя на первый планъ; или, по крайней мѣрѣ, его поведеніе можетъ дать поводъ другому, составить о немъ такое мнѣніе. Онъ какъ будто испытываетъ постоянное побужденіе дѣйствовать такъ, чтобы проявить себя. Онъ «играетъ роль» въ присутствіи другихъ, обнаруживаетъ меньше скромности, чѣмъ полагается въ его лѣта, заставляя перенимать формы своей дѣятельности другихъ дѣтей, которые окружаютъ его съ готовностью подражать ему. Онъ получаетъ предметные уроки, какъ относительно выгодъ, такъ и риска наступательной политики въ жизни. У него найдется рѣшеніе въ каждомъ затруднительномъ случаѣ, указаніе для каждаго изъ товарищей, и все это исходитъ подъ давленіемъ даннаго момента изъ его собственной быстрой сообразительности; для него болѣе, чѣмъ для кого-либо другого, колебаться—значитъ погибнуть.

Что значитъ для его сознанія это общее поведеніе, опытъ развитія,—все болѣе и болѣе уясняется при свѣтѣ теоріи душевныхъ типовъ. Причины, почему человекъ принадлежитъ къ двигательному типу, состоятъ въ томъ, что его душа всегда легко наполняется воспоминаніями или возникающими образами: подергиваній, растяженій, сокращеній, вообще дѣятельности мышечной системы. Онъ принадлежитъ къ двигательному типу, потому что вообще средство его мысли, разбѣнная монета его душевнаго обращенія—это мышечныя ощущенія или слѣды, оставленные такими ощущеніями въ памяти. Самый способъ, какъ онъ думаетъ о мѣстности, событіи, обязанности, сводится не къ воспоминанію о видѣ, звукѣ, запахѣ, вкусѣ или осязательномъ ощущеніи—въ любомъ изъ случаевъ, въ которыхъ играютъ роль эти ощущенія; его средства, формы и

орудія его мысли суть ощущенія того, какъ онъ дѣйствовалъ. У него есть наклонность—и она стремится все болѣе усиливаться,—получить мышечное представленіе обо всемъ; и его мѣрка для цѣнности того или другого—мышечная мѣра, опредѣляемая дѣйствіемъ, которое это должно вызвать.

Значить, именно это предпочтеніе къ одному особенному виду душевныхъ образовъ, а именно двигательныхъ, или мышечныхъ, и даетъ этому типу ребенка его особенности въ данный, болѣе психологическій періодъ. Когда мы переходимъ отъ чисто внѣшняго описанія его особенностей, сдѣланнаго выше на примѣрѣ маленькихъ дѣтей, и стараемся опредѣлить душевныя особенности, связанныя съ ними и характеризующія типъ въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, мы видимъ, гдѣ намъ искать ихъ. Фактъ тотъ, что одинъ особый видъ душевныхъ образовъ стремится расширяться въ сознаніи и захватить цѣликомъ всю сферу мысли. Это—лишь другой способъ для обозначенія того-же факта, что вниманіе болѣе или менѣе воспитывается въ направленіи, представляемомъ этимъ классомъ образовъ. Всякій разъ, какъ думаютъ о движеніи предпочтительно передъ звукомъ или формой, которыми также можно воспользоваться, привычка обращать вниманіе на мышечные эквиваленты предметовъ все укрѣпляется. Это продолжается до тѣхъ поръ, пока двигательныя привычки вниманія не сдѣлаются единственнымъ легко доступнымъ и нормальнымъ видомъ вниманія; и когда типъ даннаго человѣка установленъ по отношенію къ одному, многимъ или всѣмъ видамъ его мышленія и дѣйствія.

Теперь, я думаю, уже не трудно видѣть, почему ребенокъ или юноша этого рода имѣетъ тѣ признаки, которыми онъ отличается. Хорошо извѣстенъ принципъ—что упорная мысль о движеніи стремится вызвать это самое движеніе. Я ручаюсь, что если любой изъ моихъ читателей подумаетъ сосредоточенно и долго о миганіи лѣвымъ глазомъ, то у него явится почти непреодолимое желаніе мигнуть этимъ глазомъ. Нѣтъ лучшаго способа помѣшать ребенку сидѣть спокойно, какъ сказать ему, чтобы онъ не двигался; какъ я имѣлъ случай замѣтить выше, ваши слова наполняютъ его вниманіе мыслью о движеніи, а эта мысль вызываетъ движеніе наперекоръ самымъ лучшимъ намѣреніямъ ребенка въ смыслѣ послушанія. Посмотрите на слушающихъ маленькихъ дѣтей—или даже на болѣе взрослыхъ дѣтей—когда возбужденный ораторъ говоритъ передъ ними, оживленно жестикулируя, и наблюдайте за комическимъ воспроизведеніемъ жестовъ, которыми заняты руки дѣтей. Они представляютъ себѣ движенія, ихъ вниманіе сосредоточено на нихъ, и отсюда возникаютъ соотвѣтствующія дѣйствія.

У мальчика или дѣвочки двигательнаго типа мы находимъ только обобщеніе этихъ явленій. Такой ребенокъ постоянно думаетъ о вещахъ въ образахъ ихъ двигательныхъ эквивалентовъ. Мышечныя ощущенія заполняютъ сознаніе при всякомъ раздраженіи и при всякой ассоціаціи; поэтому вовсе не удивительно, что всякія свѣдѣнія, наставленія, предостереженія, упреки, совѣты, проходятъ чрезъ сознаніе ребенка и выражаются путемъ движенія. Отсюда—импульсивность, непосѣдливый, склонный къ господству, неразумительный характеръ ребенка. Мы попробуемъ сейчасъ описать болѣе подробно важнѣйшія его душевныя черты.

1. Прежде всего, душа двигательнаго типа склонна къ очень быстрому обобщенію. Каждый учитель знаетъ въ школѣ дѣтей, которыя предвосхищаютъ его заключенія на основаніи одного единственнаго примѣра. Они получаютъ общее понятіе, весьма широкое по объему, по приложимости, но очень неглубокое по содержанію, по богатству, по пригодности для настоящаго объясненія или описанія. Напримѣръ такой мальчикъ слышитъ рассказъ о Наполеонѣ, опредѣляетъ героизмъ, какъ военный успѣхъ, и затѣмъ пробуетъ поступать по-наполеоновски со своими товарищами по играмъ. Эта наклонность къ обобщенію—отраженіе въ душѣ его наклонности къ дѣйствію, замѣчаемой въ

его поведенія. Причина, почему онъ обобщаетъ—та, что мозговая энергія не задерживается на путяхъ воспріятія, а сразу изливается по направленію къ двигательнымъ эквивалентамъ прежнихъ, сколько-нибудь подобныхъ, воспріятію; тогда теперешнія воспріятія исчезаютъ въ прежнихъ, на которыя вниманіе направляется по привычкѣ, и затѣмъ слѣдуетъ дѣйствіе. Для этого ребенка всѣ герои—Наполеоны, потому что Наполеонъ былъ первый герой и дѣйствій, внушенныхъ образомъ Наполеона, достаточно теперь для соответствующаго поведенія.

2. Такой ученикъ очень слабъ въ схватываніи и запоминаніи различій. Это естественнымъ образомъ вытекаетъ изъ послѣднихъ обобщеній, какія онъ дѣлаетъ. Послѣ того, какъ онъ разъ отождествилъ новый фактъ съ прежнимъ, и такимъ образомъ получилъ неточное понятіе объ общемъ классѣ, для него все болѣе и болѣе трудно вернуться назадъ и болѣе тщательно распредѣлить свои переживанія. Даже послѣ того, какъ онъ открылъ свою ошибку, его прежній импульсъ къ дѣйствию снова овладѣваетъ имъ, и онъ бросается къ какому-нибудь новому обобщенію, заступающему мѣсто прежняго, и опять впадаетъ въ ошибку вслѣдствіе своей опрометчивой торопливости въ дѣйстви. Учитель, пожалуй, чаще бываетъ готовъ потерять терпѣніе съ учениками этого типа скорѣе, чѣмъ съ другими.

Опять-таки, какъ выводъ изъ этихъ признаковъ, надо сдѣлать третье замѣчаніе относительно дѣтей разсматриваемаго типа; оно касается особенности, которую учителю очень трудно опредѣлить и подчинить своему воздѣйствію. Эти мальчики и дѣвочки двигательнаго типа отличаются тѣмъ, что я назвалъ бы неустойчивостью вниманія. Подъ этимъ подразумѣвается душевная особенность, съ которой до извѣстной степени знакомы всѣ учителя, и которую они считаютъ неподдающеюся никакимъ усиліямъ.

Подъ неустойчивостью вниманія я разумѣю состояніе торопливаго, невѣрнаго наблюденія, быстрые переходы, слишкомъ послѣпное усвоеніе, слушаніе безъ вниманія, привычку въ одно ухо впускать, а изъ другого выпускать. Лучшій способъ получить надлежащее представленіе объ этомъ состояніи, это—припомнить ученика, который отличается указываемымъ свойствомъ въ наиболѣе сильной степени, и нарисовать себѣ его отношеніе къ вашимъ наставленіямъ. Такой ученикъ слышитъ ваши слова, говоритъ «да», даже поступаетъ надлежащимъ образомъ подъ непосредственнымъ дѣйствіемъ вашихъ наставленій; но когда онъ опять попадаетъ въ то-же самое положеніе, онъ настолько-же свободенъ отъ дѣйствія вашихъ наставленій, какъ будто учителя и не бывало. Психологически это состояніе отличается отъ озабоченности, которая характеризуетъ совершенно иной душевный типъ. Мальчикъ двигательнаго типа не озабоченъ ничѣмъ. Напротивъ, онъ готовъ отдать вамъ свое вниманіе. Но это вниманіе сосредоточивается лишь на мгновеніе—оно несется подобно горному потоку, мимо того мѣста берега, на которомъ вы сидите. Его вниманіе текуче, постоянно перескакиваетъ съ предмета на предметъ, съ несравненной быстротой и неутомимостью. Но единственная награда ему это—упражненіе, достигаемое отъ этихъ переходовъ. Его пріобрѣтенія крайне скудны. Въ душевной области оно подобно катящемуся камню. Это соответствуетъ, въ качествѣ душевнаго признака, мышечной подвижности, которую ребенокъ того-же самаго типа обнаруживаетъ въ болѣе ранній періодъ, о которомъ мы говорили передъ этимъ.

Психологическое объясненіе этого «неустойчиваго вниманія» довольно просто, но я не могу тратить мѣста на его изложеніе. Достаточно сказать, что, вѣроятно, само вниманіе, въ его мозговомъ мѣстопребываніи, составляетъ функцію двигательныхъ центровъ; это физическое мѣстопребываніе дѣйствуетъ въ согласіи съ процессами, изливающимися энергію въ мышцы. Отсюда слѣдуетъ, что при быстрыхъ мышечныхъ воспоминаніяхъ, разрядахъ, переходахъ, кото-

рые, какъ мы видѣли, играютъ выдающуюся роль въ двигательномъ темпераментѣ, вниманіе движется слѣдомъ за ними, и его неустойчивость является лишь побочнымъ слѣдствіемъ неустойчивости двигательныхъ символовъ, которыми постоянно пользуется человѣкъ этого типа.

Подходя нѣсколько ближе къ педагогическимъ вопросамъ, которые ставятъ передъ нами ученики интересующаго насъ типа, мы находимъ, прежде всего, что для такого ученика чрезвычайно трудно посвятить непрерывное и надлежащее вниманіе чему-либо сколько-нибудь сложному. Переходы вниманія такъ легки, выходы для энергіи, примѣняя физическій образъ, настолько обширны и широко открыты, что болѣе мелкія отношенія между вещами не усваиваются. Отклоненія предмета отъ его класса затериваются въ потокъ двигательныхъ стремленій. Ученикъ воспринимаетъ факты, которыхъ онъ не понимаетъ, и тотчасъ-же переходитъ къ дѣйствию на основаніи этихъ воспріятій. Такимъ образомъ, хотя онъ, повидимому, и схватываетъ то, что ему говорятъ, съ поразительно быстрой способностью представленія и не менѣе удивительной приспособляемостью къ личностямъ, наступаетъ все-таки тѣмъ болѣе сильное разочарованіе, когда учитель находитъ на слѣдующій день, что онъ совсѣмъ не проникъ во внутренней потокъ душевныхъ процессовъ своего ученика.

Какъ ни замѣтно это уже на самыхъ раннихъ ступеняхъ, дальнѣйшее развитіе такого типа ведетъ прямо къ плачевнымъ результатамъ. Когда такой ученикъ прошелъ черезъ подготовительную школу, не избавившись отъ этой склонности къ «неустойчивому вниманію», и поступаетъ въ гимназію, преподаватели оказываются прямо безпомощными передъ нимъ. Мы говоримъ о немъ, что «онъ не умѣетъ заниматься», что онъ «не знаетъ, какъ взяться за дѣло», что у него «нѣтъ способности къ усвоенію». Все это просто означаетъ, что его пути реакціи уже настолько сложились, что никакія наставленія не могутъ укорениться въ немъ, чтобы произвести какое-либо измѣненіе въ его «апперцептивной системѣ». Затрудненіе тѣмъ сильнѣе, что такой юноша, въ теченіе всего учебнаго времени склоненъ браться и охотно беретъ за работу, повидимому, воспримчивъ, скоръ и аккуратенъ въ приготовленіи уроковъ.

Что же дѣлать съ такимъ ученикомъ въ началѣ его школьной жизни? Это—вопросъ, касающійся въ особенности учителя средней школы, помимо болѣе элементарныхъ мѣръ, рекомендованныхъ выше. Этотъ душевный типъ быстро развивается въ годы между восемью и пятнадцатью; до этого обращеніе съ нимъ, по преимуществу, предупредительное, и состоитъ, главнымъ образомъ, во внушеніяхъ, которыя направлены къ тому, чтобы сдѣлать мускульные ряды болѣе обдуманнми и общій тонъ—менѣе порывистымъ. Но когда мальчикъ или дѣвочка попадаютъ въ школу съ зарождающейся способностью къ независимой дѣятельности, тогда именно задача обращенія съ ученикомъ двигательнаго типа достигаетъ критическаго пункта. Методъ оставленія въ покоѣ поощряетъ развитіе его наклонностей и, можетъ быть, трату его душевныхъ затратокъ на одно только движеніе. Можно указать нѣсколько положительныхъ способовъ, дать нѣкоторое косвенное руководство душѣ этого типа.

Задавайте такому ученику сравнительно трудные и сложные уроки. Нѣтъ способа помѣщать его бурнымъ проявленіямъ, помимо мѣръ, которыя затрудняютъ и смущаютъ его. Мы не можемъ ввести его въ познаніе всей истины; мы должны удерживать его отъ всякихъ ошибокъ. Психологія учитъ насъ, что нормальный путь научиться осторожности и обдуманности—путь неудачъ, пораженій и неприятныхъ, даже болѣзненныхъ, послѣдствій. Личныя обращенія къ нему приносятъ мало пользы, такъ какъ часть его недостатковъ состоитъ въ томъ, что онъ слишкомъ склоненъ слушать все, а вмѣстѣ съ тѣмъ и потому, что онъ не сознаетъ своего недостатка и не способенъ привести въ исполненіе то, что онъ слышитъ. Держите его, поэтому, въ обществѣ учениковъ, нѣсколько опередившихъ его. Не позволяйте ему читать

вслухъ на вечерахъ, гдѣ его склонность къ поспѣшности можетъ причинить непріятности и ему, и всѣмъ. Воздержитесь отъ помощи ему въ урокахъ, пока онъ не научится кое-чему изъ неудачъ, и затѣмъ помогайте ему постепенно, указывая ему каждый разъ лишь одинъ шагъ и способствуя постоянному возобновленію его собственныхъ усилій. Ограждайте его всѣми силами отъ всего отвлекающаго, такъ какъ даже окружающія его вещи и событія могутъ отвлечь его вниманіе въ самыя критическія минуты. Давайте ему обычно вторыя роли въ школьныхъ играхъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда требуется составленіе настоящаго плана, сложное выполненіе и большая или меньшая разработанность тактики; при такихъ условіяхъ давайте ему главныя роли; онъ служить для него поводомъ упражнять свою дѣятельность въ новыхъ направленіяхъ не сдѣлавшихся привычными, и если онъ не справится съ ихъ сложностью, то противная сторона въ игрѣ окажется побѣдительницей; его топорливость будетъ наказана, и это будетъ для него урокомъ.

Помимо этихъ общихъ задерживающихъ моментовъ и регуляторовъ, остается очень важный вопросъ о томъ, какіе предметы изученія наиболѣе пригодны для этого душевнаго типа. Я уже намѣтилъ общій отвѣтъ, какой нужно дать на этотъ вопросъ. Цѣлью занятій ученика двигательнаго типа должно быть развитіе способности къ правильному обобщенію и, какъ вспомогательное средство для этого, пріученіе къ тщательному наблюденію конкретныхъ фактовъ. Съ другой стороны, предметы чисто описательные должны занимать небольшое мѣсто въ его повседневныхъ занятіяхъ. Они вызываютъ, по большей части, механическое упражненіе памяти, и знаніе ихъ можетъ быть достигнуто въ большинствѣ случаевъ путемъ простаго повторенія подробностей, которыя всѣ сходны по характеру и одинаковы по цѣнности. Мѣрою полезности для него различныхъ предметовъ школьнаго преподаванія служитъ степень, въ какой они заставляютъ его видоизмѣнять свои поспѣшныя личныя реакціи, задерживать свое необдуманное стремленіе къ общимъ результатамъ, и въ основѣ всего этого сосредоточивать на являющихся передъ нимъ фактахъ свое вниманіе достаточно долгое время, чтобы получить нѣкоторое понятіе о логическихъ соотношеніяхъ, связывающихъ эти факты между собой. Предметы, которые не даютъ логическихъ соотношеній, и которые, напротивъ, стремятся воспитать привычку учить путемъ повторенія, способны только укрѣпить въ ученикѣ «неустойчивость вниманія».

Въ частности, поэтому, давайте этому ученику какъ можно больше заниматься математикой и переходите съ нимъ отъ ариѳметики къ геометріи, оставляя алгебру до болѣе поздняго времени. Займитесь съ нимъ побольше грамматикой, изучая ее индуктивно. Начните пораньше ознакомленіе съ физикой и химіей. Въ противоположность этому, освободите его отъ уроковъ описательной ботаники и зоологіи. Лучше позвольте ему принять участіе въ экскурсіяхъ для изученія растений, камней и животныхъ. Нѣсколько прирученныхъ животныхъ составляютъ цѣнное дополненіе къ любому школьному музею. Если по близости есть техническое училище или фабрика, попытайтесь заинтересовать его вопросомъ о томъ, какъ дѣлаются предметы, и побудите его самого заняться работой. Ошибочное обобщеніе относительно колесъ повозки или мачтъ и парусовъ игрушечной лодки очень быстро само потребуетъ исправленія. Для такого мальчика хорошее упражненіе—рисованіе съ образцовъ, а также рисованіе съ натуры, какъ только онъ сдѣлаетъ нѣкоторые успѣхи во владѣніи карандашомъ. Все, что легко видѣть, пріучаетъ его импульсивныя движенія къ нѣкоторой степени подчиненія процессамъ размышленія.

Имѣя въ виду это общее направленіе воздѣйствія, подробности котораго читатель выработаетъ самъ примѣнительно къ типу мальчика, я могу указать еще только на два пункта, прежде чѣмъ перейти къ ученику чувствительнаго типа.

Прежде всего, во всемъ преподаваніи ученику разсматриваемаго типа, придерживайтесь метода, который идетъ отъ частнаго къ общему. При обсужденіи педагогическихъ методовъ со всеми ихъ подробностями, надо принять въ расчетъ различія въ типахъ учениковъ. Ученику двигателяго типа въ нормальныхъ случаяхъ никогда не слѣдуетъ давать общую формулу и заставлять его разрабатывать частные случаи; къ этому онъ уже слишкомъ склоненъ—подходить къ фактамъ съ точки зрѣнія ихъ сходства. Ему нужно скорѣе сознаніе цѣнности отдѣльнаго факта и необходимости отвести ему свое особенное мѣсто раньше, чѣмъ спѣшить потопить его въ потокъ общихъ утверждений. Такимъ образомъ, имѣетъ ли учитель въ виду математику, грамматику, или естествознаніе, пусть онъ раскрываетъ принципы лишь постепенно, и все время лишь настолько, насколько они оправдываются наблюденіями, которыя мальчикъ сдѣлалъ самъ. Именно по той причинѣ, что такой методъ практически непримѣнимъ въ описательныхъ наукахъ и нѣкоторыхъ другихъ предметахъ, какъ они излагаются въ учебникахъ—ботаникѣ, зоологіи и хуже всѣхъ въ исторіи и географіи,—поэтому мы и должны ограничить ихъ роль въ обученіи такого мальчика; они требуютъ просто памяти, безъ наблюденія, и поощряютъ къ поспѣшному и недолговѣчному усвоенію.

Какъ я сказала, алгебру нужно поставить послѣ геометріи. Отличительный методъ алгебры состоитъ въ принципѣ постановки, посредствомъ котораго символы одинаковой и, по большей части, абсолютной общности, подставляются одинъ на мѣсто другого, и результаты относятся одинаково какъ къ одному факту, такъ и къ другому, безотносительно къ значенію отдѣльныхъ фактовъ въ строѣ природы. По той-же самой причинѣ дедуктивная логика не будетъ хорошимъ предметомъ преподаванія для такихъ учениковъ; эмпирическая психологія или политическая экономія будутъ для нихъ лучшимъ введеніемъ въ гуманитарныя науки, когда они достигнутъ высшей школы. Этимъ объясняется сказанное выше относительно метода обученія грамматикѣ. Что касается изученія языковъ вообще, то я полагаю, что цѣнность его, въ этотъ періодъ и позднѣе, крайне преувеличивается. Количество времени, посвящаемое изученію языковъ въ нашей средней школѣ, составляетъ прямо преступленіе противъ общества по своему вліянію на учениковъ этого типа—да и всякаго типа. Это, впрочемъ, вопросъ, къ которому мы вернемся ниже. Средній ученикъ поступаетъ въ гимназію съ задавленнымъ въ зародышѣ чувствомъ изслѣдованія, способностью къ индукціи. Онъ останавливается въ недоумѣніи предъ необъединенными подробностями любой науки, которая не даетъ ему «ключа» въ видѣ общихъ формулъ, составленныхъ заранее. Если-бы его возрастающій жизненный опытъ не становился все время поперекъ пути, такъ называемаго «воспитанія», то онъ, вѣроятно, окончилъ бы курсъ готовымъ къ общественному положенію, въ которомъ авторитетъ заступаетъ мѣсто очевидности, и методомъ жизни является подражаніе.

Далѣе, учитель долженъ слѣдить за стремленіемъ, которое очень характерно для ученика этого типа, именно за стремленіемъ постоянно искать результатовъ наугадъ. Посмотрите на маленькаго ребенка, лѣтъ семи или восьми, въ особенности на такого, у котораго есть признаки наследственности двигателяго типа, и замѣтите способъ, какимъ онъ пользуется для усвоенія новыхъ словъ при чтеніи. Сначала онъ произноситъ слово, которое ему диктуетъ привычка, и когда оно окажется невѣрнымъ, онъ отводитъ глаза отъ текста и произноситъ наугадъ первое слово, какое ему придетъ на умъ; это слово онъ повторяетъ, пока учитель заставляетъ его попробовать еще разъ. Здѣсь—та-же самая склонность, которая позже приводитъ его къ общимъ заключеніямъ, дѣлаемымъ не задумываясь. Онъ не привыкъ къ обдуманному сужденію, и его вниманіе не останавливается на необходимыхъ подробностяхъ. Такъ у него и во всемъ воспитаніи; у него всегда готова догадка. И въ этомъ учитель

можетъ принести ему пользу только посредствомъ терпѣливаго примѣненія индуктивнаго метода. Подведите его къ простѣйшимъ элементамъ предложенной задачи и помогите ему составить рѣшеніе постепенно.

Я думаю, что въ этомъ, какъ и, вообще, по большей части въ обращеніи съ учениками противоположнаго типа, сближеніе съ дѣтьми противоположнаго типа является однимъ изъ лучшихъ средствъ исправленія, при условіи, чтобы товарищество не сдѣлалось совершенно одностороннимъ въ силу того, что мальчикъ двигательнаго типа постоянно завладѣваетъ одинъ всѣми путями для проявленія личности. Когда онъ ошибается въ классѣ, ему можно дать цѣнный урокъ въ общественномъ отношеніи, задавъ тотъ-же самый вопросъ ученику усидчивому и разсудительному и дождавшись, пока послѣдній обдумаетъ отвѣтъ. Конечно, если учитель наблюдаетъ за играми, то подобное же средство можно примѣнить и тамъ.

Переходя къ разсмотрѣнію дѣтей и юношей, такъ называемаго «чувствительнаго» типа въ возрастѣ между, примѣрно, восемью и шестнадцатью годами—возрастѣ, къ которому относятся вопросы воспитанія въ средней школѣ,—мы встрѣчаемъ нѣкоторыя интересныя противоположности между этимъ типомъ и тѣмъ, который мы уже описали подъ названіемъ «двигательнаго». Изученіе этого типа юношей болѣе важно по причинамъ, которыя я уже намѣтилъ; рассматривая тотъ же самый типъ въ періодѣ болѣе ранняго дѣтства. Необходимо, прежде всего постараться получить достаточно вѣрное представленіе о психологическихъ признакахъ учениковъ этого рода.

Современное психологическое ученіе о душевныхъ «типахъ» основывается на большомъ количествѣ фактовъ, извлеченныхъ прежде всего изъ различныхъ видовъ душевнаго расстройства, особенно тѣхъ, которые связаны съ расстройствомъ рѣчи—различныхъ видовъ афазіи. Самое широкое обобщеніе, получаемое изъ этихъ фактовъ—уже много разъ упомянутое различіе между двигательными и чувствительными типами. Но наряду съ этимъ общимъ различіемъ существуетъ еще много другихъ—болѣе тонкихъ; и при разсмотрѣніи людей чувствительнаго типа необходимо изслѣдовать эти болѣе тонкія различія. Взрослые и дѣти различаются не только по роду душевнаго матеріала, какимъ они пользуются,—будутъ-ли то образы движеній съ одной стороны, или образы чувствъ съ другой; но они различаются, въ послѣднемъ случаѣ, еще и по отношенію къ тому, какое изъ чувствъ, при тѣхъ или иныхъ обстоятельствахъ даетъ отдѣльному человѣку необходимыя указанія и наиболѣе совершенно выполняетъ свою функцію. Такимъ образомъ, мы находимъ въ общей группѣ, носящей названіе «чувствительной», нѣсколько различныхъ разновидностей, и всѣ учитель можетъ встрѣтить, въ разныхъ сочетаніяхъ, среди учениковъ класса. Изъ нихъ наиболѣе важны «зрительный» и «слуховой» типы.

Есть нѣсколько признаковъ, которые настолько общи всѣмъ разновидностямъ чувствительнаго типа—зрительной, слуховой и т. д., что я отмѣчу ихъ прежде чѣмъ идти далѣе.

Прежде всего, во всѣхъ этихъ вопросахъ о различіи между типами, однимъ изъ самыхъ существенныхъ пунктовъ являются особенности вниманія. Мы уже видѣли, что вниманіе имѣетъ большое значеніе—когда мы имѣемъ дѣло съ упомянутымъ выше «неустойчивымъ вниманіемъ» у ученика двигательнаго типа. Такое же значеніе вниманіе имѣетъ и во всѣхъ случаяхъ чувствительнаго типа, но здѣсь оно представляетъ совершенно иной видъ; и общій фактъ, что вниманіе играетъ непосредственную роль, даетъ намъ одно изъ лучшихъ правилъ для оцѣнки и установленія различій. Мы можемъ сказать, вообще, о чувствительныхъ дѣтяхъ, что вниманіе является лучшимъ, наиболѣе воспріимчивымъ, связаннымъ съ наибольшимъ интересомъ по отношенію къ одному предпочитаемому чувству; это приводитъ къ тому, что впечатлѣніе всецѣло завладѣваетъ вниманіемъ. Такая склонность проявляется, какъ мы ви-

дѣли выше, и у людей двигательнаго типа, выражаясь въ дѣйстви, быстротѣ, живости, поспѣшномъ обобщеніи и т. д.; но у чувствительнаго она принимаетъ иныя формы. Эту первую особенность нашего типическаго различія между душами можно назвать «отношеніемъ излюбленной функціи къ вниманію».

Затѣмъ, во-вторыхъ, есть еще одно и въ нѣкоторой степени противоположное отношеніе, которое также пріобрѣтаетъ важное значеніе, когда мы переходимъ къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ случаевъ; это—отношеніе «излюбленной функціи»,—напримѣръ, движенія, зрѣнія, слуха и т. д.,—къ привычкѣ. Достаточно общеизвѣстно наблюденіе, что привычка дѣлаетъ функціи легкими, и что привычки трудно нарушить; и въ самомъ дѣлѣ, всякая борьба съ привычками легко сводится къ общимъ мѣстамъ. Но если разсматривать привычку въ ея отношеніи ко вниманію, то изъ этого разсмотрѣнія обнаруживаются нѣкоторыя новыя истины.

Вообще мы можемъ сказать, что привычка имѣть двоякое отношеніе ко вниманію: съ одной стороны, воспріимчивость вниманія обнаруживаетъ господство привычки. Прочныя пріобрѣтенія—тѣ, съ которыми вниманіе освоилось, и которыя, поэтому, болѣе или менѣе привычны. Но, съ другой стороны, въ одинаковой мѣрѣ справедливо, что сосредоточенность вниманія обратно пропорціональна привычкѣ. Намъ меньше всего нужно вниманія для тѣхъ функцій, которыя наиболѣе привычны, и больше всего—для тѣхъ, которыя новы и лишь наполовину усвоены. Въ самомъ дѣлѣ, мы дѣлаемъ новыя открытія главнымъ образомъ посредствомъ напряженія вниманія. Такимъ образомъ, во всѣхъ случаяхъ усиленнаго и исключительнаго вниманія у дѣтей мы имѣемъ столкновеніе двухъ возможныхъ объясненій: представляетъ ли вниманіе въ данномъ дѣйстви ребенка привычку или не представляетъ ли оно нарушенія привычки, акта приспособленія? Въ каждомъ случаѣ эти вопросы надо основательно разсмотрѣть. Человѣкъ двигательнаго типа обычно, безъ наставленій и внѣшнихъ задержекъ, пользуется своимъ вниманіемъ подъ руководствомъ привычки. Какъ мы видѣли, по отношенію къ нему главное дѣло учителя—пріучить его удерживать, сохранять и направлять свое вниманіе неуклонно на новое и сложное. Человѣкъ чувствительнаго типа, съ другой стороны, обнаруживаетъ вниманіе, загроможденное подробностями, задерживаемое новостями, неспособное пройти безъ помѣхи черезъ свои пріобрѣтенія, и вообще страдающее отъ недостатка постояннаго вліянія привычки, которое помогло бы ему объединить и примѣнить свой душевный запасъ въ общихъ случаяхъ.

Третій общій признакъ слѣдующій: у человѣка чувствительнаго типа скорѣе возможно, что расстройство случится въ болѣе высокихъ областяхъ, и въ отвѣтъ на болѣе утонченныя общественныя и личныя вліянія. Это потому, что разсматриваемый типъ обладаетъ мозговыми процессами, отличающимися болѣею инертностью и сложностью и болѣею склонностью къ расстройствамъ. Они совершаются медленнѣе, и происходятъ на болѣе обширныхъ областяхъ мозга.

Послѣ всѣхъ этихъ общихъ замѣчаній относительно болѣе широкихъ признаковъ различія между типами, мы можемъ теперь перейти къ одному изъ частныхъ случаевъ, встрѣчающихся среди лицъ чувствительнаго типа. Это—все, что допускаетъ имѣющееся въ нашемъ распоряженіи мѣсто.

Зрительный типъ. Люди, такъ называемаго, зрительнаго типа составляютъ наиболѣе многочисленную разновидность чувствительнаго типа. Они прибѣгаютъ къ зрительнымъ образамъ, когда только это возможно, либо потому, что это у нихъ преобладающая склонность, либо потому, что въ данной функціи въ какомъ-либо спеціальному дѣйстви зрительный матеріалъ, наиболѣе легко приходитъ на умъ. Фактическія подробности, относящіяся къ людямъ зрительнаго типа, весьма интересны; но я не буду тратить мѣста, останавли-

ваясь на нихъ. Область, въ которой для учителя важны факты, относящіеся къ ученику этого типа—это область языка, вмѣстѣ съ группой вопросовъ, касающихся преподаванія языка. Важенъ вопросъ о его символизмѣ и его отношенія къ математикѣ, логикѣ и т. п. Наконецъ, сюда же относится область выраженія у ученика, во всѣхъ его формахъ. Затѣмъ, на основаніи всѣхъ своихъ наблюденій въ этихъ областяхъ, учитель долженъ приспособить къ потребностямъ этого ученика свой методъ преподаванія и вообще свое обращеніе съ нимъ.

Ученикъ зрительнаго типа обыкновенно проявляетъ свои особенности по преимуществу въ функціи рѣчи; онъ заучиваетъ лучше всего и быстрѣе всего по образцамъ, которые онъ видитъ. Онъ наслаждается образами, описанными въ зрительныхъ терминахъ, какъ будто они были прямо нарисованы передъ нимъ на черной доскѣ. Онъ лучше понимаетъ то, что онъ читаетъ, чѣмъ то, что онъ слышитъ; и онъ пользуется своими зрительными символами, какъ разбѣнной монетой, на которую онъ переводитъ образы, возникающіе у него черезъ посредство другихъ его чувствъ. По отношенію къ колебаніямъ вниманія мы можемъ сказать, что такой мальчикъ (или дѣвочка) иллюстрируетъ собою обѣ особенности функціи вниманія, которыя я отмѣтилъ выше; онъ проявляетъ наилучшее, т. е. наиболѣе полезное вниманіе по отношенію къ зрительному обученію, если только старается, но, съ другой стороны, именно здѣсь направленіе привычки склонно сдѣлать его поверхностнымъ. Такъ какъ вниманіе къ зрительнымъ впечатлѣніямъ всего легче для него, и такъ какъ подробности его зрительнаго запаса наиболѣе знакомы ему, то онъ склоненъ слишкомъ быстро проходить мимо новыхъ, представляющихся ему обстоятельство, приспособляя подробности къ старымъ схемамъ своей привычки. Чрезвычайно важно наблюдать эту особенность, такъ какъ она аналогична «неустойчивому вниманію» ученика двигательнаго типа и съ распознаваніемъ ея связаны нѣкоторые весьма важные вопросы, касающіеся соотношенія между предметами занятій, развитія вниманія и возбужденія интереса. Усвоеніе лучше всего какъ разъ тогда, когда оно наиболѣе склонно идти неправильно; таково положеніе вещей. Произвольное примѣненіе зрительной функціи даетъ наилучшіе результаты; но привычное, произвольное, небрежное примѣненіе ея приноситъ дурные результаты и ведетъ къ образоваію вредныхъ привычекъ.

Напримѣръ, я даю мальчику сильно-зрительнаго типа срисовать рисунокъ. Увидя этотъ рисунокъ, онъ быстро распознаетъ его, найдетъ его очень легкимъ, очень скоро покончить съ работой, все это подъ дѣйствіемъ привычки; но полученный результатъ будетъ плохъ, такъ какъ здѣсь привычка стала на мѣсто старанія. Однако, заставьте его одинъ разъ постараться, и его результатъ будетъ, пожалуй, лучшимъ, чѣмъ у всѣхъ другихъ учениковъ, именно потому, что заданная работа увлекаетъ его въ направленіи его излюбленной функціи. Та-же самая противоположность обнаруживается и у другихъ разновидностей учениковъ чувствительнаго типа.

Мы можемъ сказать, поэтому, относительно двухъ общихъ признаковъ душевныхъ типовъ—отношенія излюбленной функціи ко вниманію, съ одной стороны, и къ привычкѣ, съ другой,—что оба они находятъ себѣ хорошую иллюстрацію въ ученикѣ зрительнаго типа. Онъ болѣе, чѣмъ какой-либо другой ученикъ чувствительнаго типа, представляетъ собой спеціальнѣйшій случай. Его душевные процессы опредѣленно направляются въ сторону зрѣнія. Онъ представляетъ большую важность, потому что болѣе часто встрѣчается. Статистическихъ свѣдѣній не имѣется, но, вѣроятно, половина всего человѣческаго рода при цивилизованной жизни представляетъ зрительный типъ въ большей части своихъ функцій выраженія. Это зависитъ, несомнѣнно, отъ значенія, какое цивилизація придаетъ зрѣнію, какъ средству общественныхъ приобретеній, и отъ нашихъ, по преимуществу, зрительныхъ, методовъ обученія.

Третій изъ упомянутыхъ фактовъ также иллюстрируется этимъ типомъ,—фактъ, что легко могутъ явиться душевные недостатки и разстройства, вслѣдствіе усиленной работы, выпадающей на долю зрѣнія въ душевной экономіи человѣка. Мы не надо распространяться о различныхъ формахъ специальныхъ недостатковъ, происходящихъ отъ разстройства зрѣнія вслѣдствіе поврежденій зрительныхъ центровъ или соединительныхъ путей. Достаточно сказать, что они весьма распространены и очень трудно излѣчиваются. Человѣкъ зрительнаго типа часто бываетъ настолько рабомъ своего зрѣнія, что когда послѣднее измѣняетъ ему—само по себѣ или вслѣдствіе слабости вниманія, онъ становится совершенно безпомощнымъ въ умственномъ отношеніи. Если мы примемъ въ расчетъ большое число учениковъ этого типа, о чемъ мы только что упоминали, то для вдумчиваго учителя становится сразу очевиднымъ, какъ это должно быть еще ранѣе очевиднымъ для родителей, какую заботливость должна проявлять школьная администрація относительно благоприятныхъ условій освѣщенія, избѣжанія зрительной усталости, надлежащаго выбора разстояній во всемъ, съ чѣмъ приходится имѣть дѣло зрѣнію, что касается симметріи, величины предметовъ, рисунковъ, буквъ и т. д. Необходимъ медицинскій осмотръ свѣдущимъ окулистомъ передъ тѣмъ, какъ ребенокъ поступаетъ въ школу и правильное наблюденіе впослѣдствіи. Экзаменаторы и школьные совѣты должны обладать надлежащими познаніями, чтобы судить о гигиеническомъ состояніи школы, въ вопросахъ освѣщенія. Яркое освѣщеніе сосѣдней стѣны, находящейся передъ окномъ, къ которому во время занятій обращены лицами ученики со слабыми глазами, можетъ повлечь не только обыкновенные недостатки зрѣнія, но также и связанный съ ними умственный и нравственный вредъ; и результаты еще хуже для тѣхъ, кто находится въ зависимости, по преимуществу, отъ зрѣнія, получая черезъ его посредство, такъ сказать, пищу, питье и упражненіе для своей развивающейся души.

Что касается методовъ обученія этихъ, а также и другихъ учениковъ зрительнаго типа, то достаточно тѣхъ указаній, которыя уже даны. Указаніе на нѣкоторыя изъ этихъ обширныхъ задачъ педагогической психологіи и направленій, въ которыхъ надо искать рѣшенія ихъ, исчерпываетъ предметъ этой главы. Вообще можно сказать, что совѣты, данные относительно обращенія съ дѣтьми чувствительнаго типа на болѣе ранней ступени, можно распространить и на позднѣйшіе періоды, а что это обращеніе, по большей части, должно представлять разумную противоположность тому, какое примѣняется къ ученикамъ двигательнаго типа.

Изученіе языковъ. Изъ общаго разсмотрѣнія воспитанія ребенка становится очевиднымъ, что главными предметами, наиболѣе полезными въ періодъ средняго образованія, являются математическія науки, развивающія способности къ отвлеченію, положительныя науки, воспитывающія наблюдательность и требующія точности въ подробностяхъ. Идя нѣсколько далѣе, мы найдемъ, что вступаютъ въ свои права гуманитарныя науки, литература и исторія. Мы видимъ, что съ психологической точки зрѣнія изученіе языковъ само по себѣ не должно занимать большого мѣста въ среднемъ образованіи. Изученіе грамматики, какъ уже было сказано, очень полезно въ ранніе періоды развитія, если производится устно; оно побуждаетъ ребенка къ самостоятельному выраженію и носитъ въ себѣ самое средства для исправленія, въ силу того, что результаты всегда открыты для контроля всѣхъ. Такова, по моему, главная роль изученія языка.

Какое же, въ такомъ случаѣ, можно привести оправданіе для того, чтобы тратить въ молодости десять или двѣнадцать лѣтъ на изученіе мертваго языка, какъ обычно дѣлается по отношенію къ латинскому? Польза, доставляемая выраженіемъ, не входитъ сюда, а дисциплина, вырабатываемая вѣрностью изящному литературному образцу, можетъ быть съ такимъ же

успѣхомъ достигнута изученіемъ нашего собственнаго языка, который, къ прискорбію, находится въ пренебреженіи. Во всемъ этомъ скучномъ изученіи языка интересъ юноши засушивается въ его зародышѣ. Его пичкаютъ формулами и правилами; у него нѣтъ лазейки для изобрѣтательности или находчивости; списки исключеній изъ правилъ уничтожаютъ остатки его любознательности и интереса; даже разсужденіе по аналогіи строго воспрещено ему; онъ запертъ отъ природы въ комнату безъ оконъ; словарь—его авторитетъ, столь же абсолютный и окончательный, сколь сухой и безплодный. Самая его работа, будучи болѣе вынужденной, чѣмъ добровольной, дѣлаетъ его умственно, какъ и физически, сутуловатымъ и близорукимъ. Повидимому, одно изъ заблужденій прошлаго, еще такъ прочно сохранившееся среди традицій и классоваго соперничества, состоитъ въ искусственномъ отождествленіи достоинства культуры съ ея сохраненіемъ. Однако, нѣтъ основаній, чтобы нельзя было такъ же хорошо, и даже лучше, усвоить духъ классической культуры и вѣчные элементы греческой и римской жизни изъ изученія исторіи, археологіи и литературы. Вѣдь это занятіе языкомъ—не изученіе литературы. Едва ли хоть одинъ изъ сотни учениковъ, выдерживающихъ періодически экзамены по этимъ языкамъ, проникнется хоть сколько-нибудь ихъ эстетическимъ достоинствомъ или вдохновится ихъ формой.

Но болѣе того. Изъ изученія языка при помощи грамматики и словаря, каковъ бы ни былъ этотъ языкъ, проистекаетъ, по крайней мѣрѣ, одно положительно вредное послѣдствіе. Растетъ привычка къ исканію наградъ наряду съ необходимостью непрерывнаго старанія связать между собой элементы, находящіеся вмѣстѣ безъ особыхъ основаній. Когда какой-либо вещи нельзя вывести путемъ разсужденія, то ее съ меньшимъ успѣхомъ можно отыскать наугадъ.—Угадываніе всегда легче возни со словаремъ и, при успѣшности, не менѣе пригодно. Кромѣ того, учитель не имѣетъ способа отличить отвѣты ученика, являющіеся слѣдствіемъ догадки, отъ тѣхъ, которые вытекаютъ изъ добросовѣстной работы. Я рѣшаюсь сказать, по личному, опыту, что нѣтъ ученика, который въ теченіе обычнаго курса классическихъ языковъ не возлагалъ бы много разъ всѣ свои надежды на удачную догадку относительно смысла, какой имѣлъ въ виду неподатливый авторъ. Эта нехитрая выдумка становится замѣной добросовѣстныхъ усилій. И, кромѣ того, искать наугадъ—нечестно. Это—служеніе недостойной лѣности; хуже того,—это покровъ для душевной неподготовленности и сознательной моральной трусости. Догадка—способъ обмануть судьбу, когда слѣдовало бы честно бросить перчатку незнаціи.

Результаты этого обнаруживаются въ извѣстной умственной привычкѣ, терпимой у людей съ литературными наклонностями, но представляющей рѣзкій контрастъ тому, что требуется и наглядно обнаруживается наукой. Я думаю, что многое въ нашемъ литературномъ импрессионизмѣ и сентиментализмѣ обнаруживаетъ привычку къ исканію наугадъ.

Къ чему строить догадки? Къ чему довольствоваться впечатлѣніемъ? Къ чему догадываться объ «извѣстномъ предметѣ или обстоятельствѣ», когда «извѣстное», если только оно что-либо означаетъ, означаетъ именно неизвѣстное? Вещи, о которыхъ стоитъ писать, должны быть формулированы достаточно ясно для того, чтобы быть понятными. Къ чему удовлетворяться личной реакціей, вызванной личнымъ чувствомъ? Нашей молодежи надо сказать, что исканіе наугадъ безнравственно, что гипотеза—служанка изслѣдованія, что впечатлѣніе отдѣльнаго лица ни для кого не поучительно, а предчувствія, обыкновенно, ошибочны, что наука—лучшее противоядіе отъ боязни привидѣній, и что отвѣтить, «мнѣ кажется», значитъ выдать себя съ головою, все равно, вызванъ ли отвѣтъ хвастовствомъ, малодушіемъ или литературною утонченностью. Я думаю, что главная потребность нашей жизни—честность, что оплотъ честности въ воспитаніи—точное знаніе вмѣстѣ съ научнымъ складомъ ума, и,

далѣе, что величайшее препятствіе для всего этого—воспитаніе, которое не стремится распознать всѣми доступными средствами реального съ его несомнѣнными признаками отъ призрачнаго и неяснаго, но довольствуется умственной игрой въ кости, догадкой. Всякое изученіе, старающееся поставить различіе между истиной и заблужденіемъ наравнѣ съ бросаніемъ костей и заставляющее ученика довольствоваться результатомъ, котораго онъ не можетъ прѣвѣрить, играетъ въ его воспитаніи роль, нѣсколько подобную той, какую выполняетъ пасьянсъ въ нашихъ общественныхъ развлеченияхъ, или игра въ складываніе животныхъ изъ кубиковъ—въ дѣтской.

ГЛАВА IX.

Душа отдѣльнаго человѣка и общество.—Общественная психологія.

Рядъ вопросовъ, возникающихъ, когда мы разсматриваемъ отдѣльнаго человѣка, какъ члена общества, охватывается общей теоріей того, что образно названо общественной наслѣдственностью.

Разсмотрѣніе этого вопроса обнаружить въ общихъ чертахъ нормальныя отношенія души отдѣльнаго человѣка къ окружающему его обществу; а въ слѣдующей главѣ будутъ даны нѣкоторыя указанія относительно сущности и положенія геніевъ, тѣхъ исключительныхъ людей, которыми мы обычно такъ сильно интересуемся.

Теорія общественной наслѣдственности разработана, благодаря трудамъ нѣсколькихъ авторовъ, съ различныхъ точекъ зрѣнія. Что-же такое общественная наслѣдственность?

На этотъ вопросъ очень легко отвѣтить, такъ какъ группа фактовъ, опредѣляемыхъ этимъ названіемъ, чрезвычайно общеизвѣстна—настолько общеизвѣстна, что читатель по такому обыденному началу можетъ потерять надежду узнать что-либо новое. Общественная наслѣдственность—все то, что человѣкъ получаетъ изъ скопленной обществомъ мудрости. Все, что передано вѣками—литература, искусства, общепринятая привычки общественной жизни, знаніе общественныхъ золъ, кара преступленій, облегченіе бѣдствій, воспитаніе юношества, призрачнѣе старыхъ—вообще все, чѣмъ мы обязаны предкамъ, которыхъ мы почитаемъ, и родителямъ, присутствіе которыхъ намъ все еще дорого. Ихъ усиліями, сказалъ бы намъ ораторъ, куплена наша свобода; мы вступаемъ во владѣніе наслѣдствомъ ихъ мыслей, мудрости и героизма. Это правда. Мы всѣ дышимъ общественной атмосферой; и наше развитіе совершается посредствомъ этого вдыханія традиціи и примѣра прошлаго.

Но если въ этомъ общественное наслѣдство, то мы можемъ, далѣе, спросить: кто-же его наслѣдуетъ? Къ этому мы можемъ прибавить еще дальнѣйшій вопросъ: какъ получаетъ это наслѣдство человѣкъ?—и еще: какъ онъ можетъ пользоваться этимъ наслѣдствомъ, съ какой цѣлью и подъ какими ограниченіями? Эти вопросы до такой степени сами напрашиваются на умъ, что мы естественно желаемъ, чтобы они были разобраны.

Итакъ, вообще, кто пригоденъ для полученія общественнаго наслѣдства? Мы всѣ—наслѣдники общества. Общество, правда, не оставляетъ духовнаго завѣщанія, но и не умираетъ безъ завѣщанія. Сказать, что мы наслѣдуемъ богатства общественнаго прошлаго расы, значитъ сказать, что мы—обладатели такого же права, какое сознаетъ за собой природный наслѣдникъ, находя свое имя въ завѣщаніи. Но есть исключенія. И прежде чѣмъ мы начнемъ искать признаковъ законности нашего притязанія на наслѣдіе мысли и дѣла, скопленное сотнями лѣтъ, не мѣшаетъ напомнить о несчастныхъ существахъ, которыя не получаютъ вмѣстѣ съ нами доли въ наслѣдствѣ. Это—тѣ, кто насе-

ляетъ наши дома умалишенныхъ, наши исправительныя заведенія и тюрьмы; тѣ кто нуждается въ жертвахъ общества, преслѣдующихъ цѣли благотворительности или сводящихся къ болѣе радикальнымъ мѣрамъ—вплоть до содержанія въ спеціальныхъ учрежденіяхъ; кто лишень наслѣдства, тѣ уже не съ нами, хотя бы они и принадлежали къ нашему поколѣнію; они поплатились за свою попытку вырвать у насъ наслѣдство, и теперь мѣсто ихъ успокоенія—это могила убійцы, грабителя, самоубійцы, окровавленнаго бунтовщика противъ закона общественной наслѣдственности. Значить, общество въ самомъ широкомъ смыслѣ слова состоитъ изъ двухъ классовъ людей: наслѣдниковъ и тѣхъ, кто лишился наслѣдства отъ рожденія или вслѣдствіе своего поведенія.

Мы можемъ составить ясное понятіе о томъ, какъ человѣкъ получаетъ свое общественное наслѣдство, если отбросимъ иносказанія и будемъ выражаться языкомъ естествознанія. Съ тѣхъ поръ, какъ Дарвинъ изложилъ законъ естественнаго подбора, слово «варіація» употребляется постоянно въ томъ смыслѣ, какъ мы объяснили ранѣе.

Изучающій естественную исторію привыкъ смотрѣть на варіаціи, какъ на необходимое условіе для каждой новой ступени прогресса и приспособленія въ области органической жизни. Природа, какъ мы знаемъ теперь, чрезвычайно плодотива. Она всюду производитъ многочисленныя экземплярныя. Общее явленіе размноженія сводится къ тому, что потомство животныхъ или растений совершенно несоразмѣрно по своей численности съ числомъ произведшихъ ихъ родителей, а часто и со средствами существованія, предоставленными имъ. Одно растеніе производитъ сѣмена, которыя разносятся во всѣ стороны—въ океанъ и на пустынные скалы въ такой же мѣрѣ, какъ и на почву,—гдѣ они могутъ укорениться и вырасти. Насѣкомыя размножаются въ количествѣ, почти непостижимомъ для нашей ограниченной способности представлять себѣ числа. Животныя также размножаются довольно быстро, и у человѣка бываетъ столько дѣтей, что онъ можетъ ежегодно хоронить половину своего потомства, и все-же взрослое населеніе изъ года въ годъ растетъ. Это значитъ, конечно, что каково бы ни было наслѣдство, не всѣ унаслѣдуютъ его; нѣкоторые должны остаться безъ своей доли, ибо средства природы—или семья—ограничены, а совска-телей много.

Въ мірѣ животныхъ природа разрѣшаетъ эту задачу самымъ простымъ образомъ. Всѣ молодыя особи, родившіяся въ одной семьѣ, не вполне одинаковы; встрѣчаются «варіаціи». Есть такія, которыя лучше питаются, которыя обладаютъ болѣе развитыми мышцами, которыя дышутъ глубже и бѣгаютъ быстрѣе. Такимъ образомъ, рѣшеніе вопроса о томъ, кто унаслѣдуетъ землю, поля, воздухъ, воду, предоставляется самому ходу вещей. Лучшія изъ всѣхъ варіацій выживаютъ, а остальные умираютъ. Тѣ, кто выживаетъ, такимъ образомъ во всѣхъ отношеніяхъ «подобраны» для унаслѣдованія, совершенно какъ—если бы предки вида оставили завѣщаніе и были способны придать ему законную силу. Въ этомъ и состоитъ принципъ «естественнаго подбора».

Такая точка зрѣнія на вопросы, связанные съ разсмотрѣніемъ группъ отдѣльныхъ существъ и ихъ распредѣленія, становится обычною въ наше время. Всякій разъ, какъ примѣненіе принциповъ вѣроятности не объясняетъ статистическихъ результатовъ,—т. е. всякій разъ, когда какъ-будто существуютъ нѣкоторыя вліянія, благопріятныя для однихъ въ ущербъ другимъ,—люди сразу обращаются къ признанію варіацій, чтобы объяснить эту кажущуюся пристрастность природы. Это значитъ, что природа пристрастна къ отдѣльнымъ существамъ при созданіи ихъ, въ ихъ естественной наслѣдственности, а не въ отношеніи къ нимъ послѣ рожденія.

Итакъ, принципъ наслѣдственности съ отклоненіями (варіаціями), съ полнымъ успѣхомъ можетъ быть примѣненъ и по отношенію къ человѣчеству; и мы сразу видимъ, что для того, чтобы получить долю въ общественномъ наслѣд-

ствѣ нашихъ отцовъ, мы должны родиться приспособленными къ этому. Мы должны родиться настолько готовыми для общественной жизни, чтобы усвоить, начиная съ рожденія, духъ общества, въ которомъ мы воспитываемся. Наименѣе пригодные въ общественномъ отношеніи гибнутъ. Въ этомъ разницѣ между выживаніемъ въ этой области и въ животномъ мірѣ. Тамъ выживаютъ наиболѣе приспособленные остальные гибнутъ; въ обществѣ-же гибнутъ наименѣе приспособленные, всѣ-же остальные выживаютъ. Общественный подборъ устраняетъ непригоднаго, убійцу, наименѣе удобнаго для общества чловѣка, и говоритъ ему: «Ты долженъ умереть»; естественный подборъ выбираетъ наиболѣе приспособленнаго и говоритъ ему: «Только ты можешь жить». Эта разниця важна, такъ какъ она отмѣчаетъ собою главный рядъ отличій, появляющихся при примѣненіи къ общественнымъ явленіямъ понятій, взятыхъ изъ біологіи; но для пониманія варіацій намъ не нужно прослѣживать ее дальше. противоположность впрочемъ, можно формулировать такъ: въ органическомъ развитіи мы имѣемъ естественный подборъ приспособленныхъ, въ общественномъ прогрессѣ—общественное устраненіе неприспособленныхъ.

Слѣдовательно, если даны общественныя варіаціи, различія между людьми, то что сдѣлается съ тѣмъ или другимъ чловѣкомъ? Мы видимъ сразу, что если общество живетъ, то гдѣ-нибудь должны быть положены предѣлы для степени тѣхъ отклоненій отъ нормальнаго общественнаго типа, какія можетъ обнаруживать данный чловѣкъ. Мы можемъ узнать кое-что объ этихъ предѣлахъ, посмотрѣвъ на очевидныя и рѣзкія отклоненія, которыя на самомъ дѣлѣ встрѣчаются вокругъ насъ.

Прежде всего—идіотъ. Онъ непригоденъ, съ общественной точки зрѣнія, такъ какъ онъ представляетъ слишкомъ большое отклоненіе въ сторону недостатка. Онъ съ дѣтства обнаруживаетъ свою неспособность принять общественное наслѣдство, потому что онъ неспособенъ научиться дѣлать то, что нужно для общества. Его умъ не растетъ вмѣстѣ съ тѣломъ. Общество проявляетъ къ нему жалость и, если онъ лишень естественнаго покровительства, помѣщаетъ его въ специальное учрежденіе. Это относится къ явному сумасшедшему; онъ представляетъ слишкомъ большое отклоненіе, чтобы сколько-нибудь выдержать обширную систему общественныхъ отношеній, какую общество налагаетъ на каждаго. Онъ либо неспособенъ позаботиться о себѣ, либо покушается еще на чью-либо жизнь, либо онъ—безобидное, неспособное къ общественной жизни, существо, которое движется среди насъ подобно животному или стоитъ на своемъ мѣстѣ подобно растенію. Онъ не составляетъ фактора въ общественной жизни, онъ не получилъ своего наслѣдства.

Есть затѣмъ, еще одинъ классъ ненормальныхъ людей, которыхъ мы опишемъ въ болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ, чѣмъ сейчасъ. Мы встрѣчаемъ не только необщественныхъ людей, отрицательно негодныхъ, которыхъ общество устраняетъ съ сожалѣніемъ въ сердцѣ; есть еще противообщественные, классъ людей, которыхъ мы обычно называемъ преступниками. Эти люди, подобно другимъ, представляютъ отклоненіе; но они, повидимому, являются отклоненіемъ совсѣмъ особаго рода. Ихъ недостатки всегда и не исключительно—недостатки въ умственномъ отношеніи, они отклоняются также и въ нравственномъ, социальномъ отношеніи. Наименьшее, что мы можемъ сказать о преступникахъ, такъ это то, что они склонны, вслѣдствіе наслѣдственности или дурнаго примѣра, нарушать правила, которыя общество признало нужнымъ установить для общей безопасности людей, совмѣстно живущихъ и пользующихся общественно-совершается отъ поколѣнія къ поколѣнію путемъ именно социальнаго наслѣдственнымъ наслѣдствомъ. Въ этомъ, значитъ, они представляютъ собою факторы разложенія разрушенія, являются врагами общественнаго прогресса, который совершается отъ поколѣнія къ поколѣнію путемъ именно социальнаго наслѣдственности. Поэтому, общество и говоритъ преступнику: «Ты долженъ погубнуть». Мы предаемъ смерти наихудшихъ, подвергаемъ пожизненному заключе-

нїю дурныхъ и стараемся исправить остальныхъ. И они, значить, исключены изъ пользованія наслѣдствомъ прошлаго.

Такимъ образомъ, границы нашего выбора все суживаются. Приведенныя основанія для изъятія позволяютъ намъ составить нѣкоторое представленіе о дѣйствительныхъ качествахъ человѣка, играющаго роль въ обществѣ, и о пути, какимъ онъ достигаетъ этого.

Переходя ко второму изъ указанныхъ пунктовъ, мы должны дать возможно лучшее описаніе человѣка, приспособленнаго къ общественной жизни. Этотъ вопросъ касается процесса, посредствомъ котораго каждый изъ насъ пріобрѣтаетъ все богатство отношеній, представляемое общественною жизнью. Вѣдь сказать, что данный человѣкъ дѣлаетъ это, значить сказать, что онъ—человѣкъ, который нуженъ для общества. Въ самомъ дѣлѣ, единственный способъ описать человѣка—это найти его. Общество по существу—растущая, измѣняющаяся вещь. Оно мѣняется изъ вѣка въ вѣкъ, отъ одной страны къ другой. У грековъ были свои общественныя условія, у римлянъ—свои. Даже границы преступленія проводятся нѣсколько различно въ разныхъ мѣстахъ; и на низкой ступени цивилизаціи можетъ сойти за нормальнаго человѣка тотъ, кого въ наше время назвали-бы слабоумнымъ. Это вызываетъ необходимость опредѣленія основъ оцѣнки даннаго общества путемъ дѣйствительнаго разсмотрѣнія общества, и не позволяетъ намъ говорить, что предѣлы отклоненій, которое общество вообще будетъ терпѣть, должны быть такими-то или такими-то.

Мы можемъ сказать, значить, что человѣкъ, пригодный для общества, долженъ быть способенъ учиться. Потребность въ ученїи—самая существенная его потребность. Она становится передъ нимъ съ момента его рожденія. Рѣчь—первая крупная общественная функція, которую онъ долженъ изучить, а вмѣстѣ съ нею всѣ разновидности словесныхъ навыковъ—чтеніе и письмо. Это выдвигаетъ на первый планъ главный методъ его ученья—подражаніе. Чтобы быть общественнымъ существомъ, ему надо подражать, подражать и подражать. Онъ долженъ самъ выполнять на дѣлѣ формы, условности, требованія, задачи взаимопомощи своей общественной группы. Все это—ученье; и ученье не въ одиночествѣ и не случайно, а подъ воздѣйствіемъ общественныхъ условій, окружающихъ человѣка. Пластичность—его спасеніе и средство для движенія впередъ. Такимъ образомъ, онъ вырастаетъ въ уровень съ общественной организаціей, занимаетъ свое мѣсто, какъ членъ общества, въ міровой работѣ, и глубоко усваиваетъ понятіе о цѣнностяхъ, на основѣ которыхъ должны совершаться его собственныя добавленія—ему суждено сдѣлать такія добавленія—къ богатствамъ міра. Этотъ важный фактъ, что онъ открытъ для игры личныхъ вліяній, которыя его окружаютъ, и есть та воспрїимчивость къ внушенію», которую мы уже описывали въ одной изъ предыдущихъ главъ; и самыя эти вліянія—«внушенія»—суть общественныя внушенія. Эти вліянія, какъ мы весьма часто замѣчаемъ, различны въ различныхъ обществахъ. Турокъ пріучается жить при системѣ взаимоотношеній, значительно отличающейся отъ нашихъ, а наши взаимоотношенія въ такой-же мѣрѣ отличаются отъ китайскихъ. Все, что характерно для расы, племени, группы, семьи—все это вѣдряется въ ребенка и юношу въ силу уже самаго его нахожденія здѣсь, въ связи съ способностью учиться путемъ подражанія. Онъ воспрїимчивъ къ внушеніямъ, и здѣсь есть внушенія; онъ созданъ, чтобы наслѣдовать, и онъ наслѣдуетъ. Такимъ образомъ, не составляетъ разницы, каково его племя или родичи; дайте ему выучиться путемъ подражанія, и онъ въ свою очередь станетъ обладателемъ и наставникомъ.

Дѣло станетъ еще интереснѣе, если мы взглянемъ съ другой стороны, и укажемъ, что на этомъ ученїи сходятся всѣ члены общества: всѣ должны учиться одному и тому-же. Они получаютъ, если только получаютъ, одно и то-же общественное наслѣдство. Это, опять-таки, кажется весьма незначитель-

нымъ замѣчаніемъ; но изъ него вытекають свои слѣдствія. Каждый членъ общества даетъ и получаетъ одинъ и тотъ-же рядъ общественныхъ внушеній; разница опредѣляется степенью прогресса, которой каждый достигъ, и степенью отклоненія, придаваемого имъ тому, что онъ получилъ ранѣе. Эта послѣдняя разница разсматривается ниже, тамъ, гдѣ мы говоримъ о гени.

Во всемъ этомъ взаимодействіи, во всемъ обмѣнѣ внушеніями между вами, мною и другими, проскальзываетъ неясное сознаніе извѣстной общественной гармоніи между нами вообще—духа времени, атмосферы, или, въ болѣе мелкихъ вещахъ—стиля. Этотъ общественный духъ—весьма своеобразная вещь. Лучшее средство понять, что вы обладаете имъ и нѣсколько уразумѣть его сущность—это попасть въ кругъ, гдѣ духъ другой. Часто употребляется по этому поводу сравненіе съ рыбой, вынутой изъ воды. Но оно ничего не даетъ для науки. Нѣсколько больше можно сдѣлать для уясненія его, если воспользоваться другимъ общеупотребительнымъ словомъ—здравый смыслъ. Скажемъ, что въ каждомъ обществѣ существуетъ общая система цѣнностей, заключающихся въ общественныхъ обычаяхъ, условностяхъ, учрежденіяхъ и формулахъ, и что наши сужденія объ общественной жизни основаны на привычномъ для насъ признаніи этихъ цѣнностей, и распредѣленіи ихъ, которое стало болѣе или менѣе прочнымъ въ нашемъ обществѣ. Напримѣръ, любезное отношеніе къ неприятному сосѣду обнаруживаетъ здравый смыслъ въ маленькомъ дѣлѣ; не ссориться съ фанатикомъ гомеопатіи, который встрѣчаетъ васъ на улицѣ и хочетъ лѣчить вашъ ревматизмъ по своей книгѣ симптомовъ—это тоже здравый смыслъ. Короче говоря, человекъ постепенно, по мѣрѣ того, какъ онъ растетъ, обнаруживаетъ все болѣе и болѣе здраваго смысла; и его здравый смыслъ есть также здравый смыслъ его общественной группы, общины или народа. Психологъ предпочелъ-бы сказать, что человекъ «чувствуетъ» то-то и то-то; для читателей психологіи, пожалуй, лучше-бы было просто сказать, что у него есть «сознаніе» этого; но обычное значеніе слова «здравый смыслъ» настолько точно соотвѣтствуетъ нашему разграниченію, что мы можемъ придерживаться его. Такимъ образомъ, мы получаемъ общее положеніе, что удовлетворительный кандидатъ для общественной жизни долженъ обладать здравымъ смысломъ, представляемымъ общими основами сужденій его народа.

Однако, нѣкоторые изъ моихъ читателей могутъ усомниться, является-ли сознаніе общественныхъ цѣнностей, называемое здравымъ смысломъ, продуктомъ внушеній, дѣйствующихъ въ теченіе всего періода общественнаго воспитанія человека. Это—существенный пунктъ, и я долженъ отвѣтить на него. Это слѣдуетъ изъ изложеннаго нами въ одной изъ предыдущихъ главъ метода пріобрѣтенія свѣдѣній ребенка путемъ подражанія. Съ этимъ согласится, я думаю, всякій, кто потрудится наблюдать попытки ребенка приспособиться къ общественнымъ обычаямъ въ семьѣ и школѣ. Можно будетъ тогда на самомъ дѣлѣ наблюдать ростъ того «здраваго смысла», который я описываю. Психологи приходятъ къ убѣжденію, что даже чувство собственной личности у ребенка вырабатывается постепенно, шагъ за шагомъ, черезъ посредство его подражательныхъ откликовъ на дѣйствія окружающихъ личностей. Его мысли о себѣ—выводъ изъ его мыслей о другихъ, а его мысли о комъ-либо другомъ вызываються дальнѣйшимъ приспособленіемъ его дѣятельныхъ процессовъ къ измѣненіямъ, совершившимся въ его понятіи о нѣкоторомъ «я». Попутно съ этимъ основнымъ движеніемъ его личнаго роста появляются всѣ цѣнности его жизни. Такъ, я скажу, что его понятіе о правдѣ въ общественныхъ отношеніяхъ окружающихъ его людей—результатъ постепеннаго ознакомленія со своимъ собственнымъ мѣстомъ въ этихъ отношеніяхъ.

Мы приходимъ на основаніи этой части нашего изслѣдованія къ заключенію, что человекъ, непригодный для общества—это человекъ, отличающійся неправильными сужденіями. Онъ, можетъ быть, и учился порядочно; онъ можетъ

въ основныхъ чертахъ проявлять дѣятельность, требуемую общественными традиціями, но при всемъ томъ онъ въ извѣстной мѣрѣ не сходится съ общей системой признанныхъ цѣнностей, которыми держится общество. Можно показать, что это справедливо и по отношенію къ рѣзко выраженнымъ типамъ непригодныхъ для общества людей, о которыхъ мы имѣли случай говорить въ началѣ. Преступникъ, съ общественной точки зрѣнія — человекъ, отличающійся ошибочными сужденіями. Правда, онъ можетъ отличаться не только этимъ. У него можетъ оказаться дурное направленіе наслѣдственности, то, что богословы зовутъ «первороднымъ грѣхомъ»; тогда онъ будетъ «прирожденнымъ преступникомъ», по обычной классификаціи преступныхъ типовъ; и у него можетъ совершенно отсутствовать сознаніе его неспособности усвоить ученіе общества, такъ какъ преступленіе слишкомъ нормально для него. Но остается фактъ, что онъ ошибается въ своихъ сужденіяхъ; нормальное для него—не то, что нормально для общества. Помимо всего иного, его грѣхъ—въ томъ, что онъ не смогъ путемъ воспитанія пріобрѣсти сужденія, одинаковыя съ сужденіями другихъ. Или-же преступникъ могъ совершить преступленіе просто потому, что онъ былъ увлеченъ теченіемъ близкаго товарищества, которое представляетъ лишь временное теченіе общественной жизни; или-же его нервная энергія испытала временное чрезмѣрное напряженіе или истошилась, такъ что его общественное воспитаніе оказалось забытымъ; тогда передъ нами—«случайный» преступникъ. И относительно человека этого типа вѣрно, что пока онъ остается преступникомъ, онъ потерялъ равновѣсіе, поддакъ искушенію, уступилъ личному импульсу въ ущербъ общественному благополучію; все это обнаруживаетъ недостатокъ той сдерживающей силы нравственнаго сознанія, которая представляетъ уровень общественной справедливости въ данное время и въ данномъ мѣстѣ. Затѣмъ, что касается идіота, умалишеннаго, слабоумнаго, то у нихъ тоже нѣтъ правильныхъ сужденій, по той весьма очевидной и печальной причинѣ, что у нихъ вовсе нѣтъ способности къ сужденію.

Таково, значить, ученіе объ общественной наслѣдственности. Оно иллюстрируетъ сторону приспособленія человека къ правиламъ общественной жизни. Другая, столь-же важная, сторона—личной инициативы и вліянія отдѣльной души на общество, является предметомъ обсужденія въ слѣдующей главѣ. Общественная наслѣдственность характеризуетъ подражаніе; геній, къ которому мы теперь обращаемся, иллюстрируетъ и з о б р ѣ т а т е л ь н о с т ь

ГЛАВА X.

Геній и окружающая среда.

Факты, касающіеся генія, какъ будто указываютъ, что онъ—существо, нѣсколько исключительное и своеобразное. Простые смертные взираютъ на него съ благоговѣйнымъ чувствомъ. Литература о немъ находится на полкахъ нашихъ книжныхъ магазиновъ, наиболее доступныхъ публикѣ, и даже путникъ, для котораго жизнь—утомительная дорога, а его побѣды надъ природой и людьми—лишь раздача наградъ на полѣ, которое обычно видѣло только затяжныя сраженія и кровавыя пораженія,—любитъ поддерживать свое мужество, слушая о жизни тѣхъ, кто перевернулъ вверхъ дномъ природу и общество. Онъ слышитъ о людяхъ, которые правили судьбами Европы, которые учили общество, нарушая его условности, на нравственность которыхъ иногда падала даже тѣнь грѣшкова, за какія осудили-бы обычнаго человека. Въ каждомъ человекѣ до нѣкоторой степени сидитъ поклонникъ героевъ, и каждый нѣсколько воспаляется, читая Карлейля о Фридрихѣ Великомъ.

Конечно, это обычное представленіе не можетъ быть совершенно ошибочнымъ. Геній производитъ міровыя движенія. Наполеонъ опредѣлилъ судьбу

Европы, а Фридрихъ открылъ передъ нами, въ извѣстномъ смыслѣ, новую фазу моральнаго поведенія. Истинность этихъ вещей именно и дѣлаетъ энтузіазмъ обыкновенныхъ людей такимъ здоровымъ и возбуждающимъ. Велика заслуга генія и въ томъ, что онъ такимъ образомъ дѣлаетъ болѣе возвышенными людскія традиціи и вдохновляетъ литературныя произведенія, которыя читаютъ люди. Онъ сѣетъ сѣмена усилія на плодородную почву юныхъ душъ, родственныхъ ему, а тѣхъ, у кого нѣтъ такихъ способностей, онъ побуждаетъ возвращать и оберегать молодые ростки въ своихъ общественныхъ питомникахъ. Это вѣрно; и философія общества не должна упускать изъ вида ни того, ни другого факта—дѣйствительныхъ дѣяній великаго человѣка, съ его особеннымъ вліяніемъ на свое время, и его прочнаго мѣста въ лучшихъ преданіяхъ общества, воплощающихся въ литературѣ и искусствѣ.

Однако, психологъ долженъ представить какъ разъ въ обратномъ видѣ эти кажущіяся исключенія изъ правилъ нашей обычной общественной жизни. Онъ долженъ возстать противъ крайняго притязанія авторовъ, пытающихся поднять генія выше нормальнаго общественнаго движенія. Вѣдь, нужно лишь минутное размышленіе, чтобы понять, что если для генія нѣтъ разумнаго мѣста въ ходѣ общественнаго прогресса міра, то не можетъ быть разумнаго ученія или философіи такого прогресса. Для поклонника героевъ—его герой просто, такъ сказать, «сбиваетъ съ пути» всѣ правильныя движенія общества, которое такъ счастливо, или такъ несчастно, что породило его; и по его инициативѣ стремленія, вѣрованія, порывы общины или государства получаютъ толчокъ въ новомъ направленіи. Если это вѣрно, и, далѣе, вѣрно, что ни одинъ геній, который можетъ появиться, не можетъ быть принятъ въ расчетъ никакимъ способомъ ранѣе его появленія, тогда исторія фактовъ должна заступитъ мѣсто науки о нихъ или ихъ философіи, и лѣтописецъ становится единственнымъ историкомъ, имѣющимъ право на существованіе.

Въ самомъ дѣлѣ, какой смыслъ мы можемъ придать тѣмъ вкладамъ, которые геній даетъ для мысли, если эти вклады идутъ такъ наперерѣзъ пріобрѣтеніямъ прежняго времени и вкладамъ прежнихъ геніевъ, что между тѣмъ и другими нельзя найти ничего общаго? Въ такомъ случаѣ каждое общество имѣло-бы свое особенное объясненіе, и то только до тѣхъ поръ, пока оно не произведетъ новыхъ геніевъ. Можетъ быть, впрочемъ, что общество такъ устроено—или, скорѣе, такъ не устроено, что простыя измѣненія въ философіи мозга составляютъ достаточное основаніе для переворотовъ въ немъ; но мы должны приложить много усилій, чтобы доказать противоположное прежде, чѣмъ объявить, что эта высшая изъ сферъ человѣческой дѣятельности не имѣетъ никакого смысла, что въ ней нѣтъ никакой нити, идущей изъ вѣка въ вѣкъ и связывающей человѣчество, генія и незамѣтнаго труженика, въ одно общее и осмысленное развитіе.

Принимаясь за эту задачу, мы должны попробовать судить о геніи по сравненію съ здоровымъ, нормальнымъ членомъ общества. Что такое послѣдній—мы видѣли. Онъ—человѣкъ, который научается судить о вещахъ по мѣркѣ сужденій общества. Что-же мы скажемъ о геніи съ этой точки зрѣнія? Правъ-ли поклонникъ героевъ, говорящій, что геній самъ учитъ общество сужденіямъ; или мы скажемъ, что геній, подобно другимъ, долженъ научиться сужденіямъ по мѣркѣ общества?

Наиболѣе плодотворная точка зрѣнія, несомнѣнно, та, которая рассматриваетъ генія, какъ отклоненіе, варіацію. И не слѣдуя этой точкѣ зрѣнія, очевидно, невозможно получить какую-либо теорію, которая ввела-бы генія въ общую схему. Но насколько велико это отклоненіе и въ какомъ направленіи?—вотъ вопросы. Мы нашли, что крупныя отклоненія, представляемыя наследственнымъ преступникомъ, сумасшедшимъ, идіотомъ и т. п., исключаются изъ общества; въ виду этого мы вполне можемъ спросить почему и геній не исклю-

чень также. Если наше опредѣленіе предѣловъ, въ которыхъ общество рѣшаетъ, кто долженъ быть исключенъ, правильно, то гений долженъ войти въ эти предѣлы. Онъ не можетъ жить въ обществѣ, выйдя изъ нихъ.

У м ѣ г е н і я. Направленія, въ которыхъ гений на дѣлѣ отклоняется отъ средняго человѣка, фактически очевидны. Онъ, прежде всего, человѣкъ съ большою силой мышленія, съ большимъ «созидательнымъ воображеніемъ», какъ говорятъ психологи. И такъ, допустимъ, прежде всего, что гений—человѣкъ, у котораго по временамъ являются болѣе великія мысли, чѣмъ у другихъ людей. Основаніе-ли это для того, чтобы исключить его изъ общества? Конечно, нѣтъ; вѣдь, подъ великими мыслями мы разумѣемъ истинныя мысли, которыя окажутъ дѣйствіе, мысли, которыя вводятъ насъ въ новую область въ открытіи принциповъ или въ ихъ примѣненіи. Это именно и есть условіе всякаго развитія, это постиженіе новаго, согласующагося съ прежнимъ знаніемъ и дополняющаго его. Но предположимъ, что у человѣка являются мысли невѣрныя, несогласующіяся съ предметомъ, къ которому онъ прилагается, противорѣчащія установленнымъ познаніямъ или сводящіяся къ страннымъ и причудливымъ сочетаніямъ ихъ; такому человѣку мы не дадимъ имени гения; онъ—чужакъ, агитаторъ, анархистъ или что-нибудь въ этомъ родѣ. Значитъ, критерій, который мы прилагаемъ къ умственнымъ отклоненіямъ, обнаруживающимся у людей, есть критерій истины, практической примѣнимости, однимъ словомъ, «пригодности». Всякая мысль, чтобы жить и давать плоды, должна быть годною мыслью. А понятіе общества о пригодности мысли составляетъ его правило сужденія

О способѣ, какимъ общество достигаетъ этого понятія, мы узнали выше. Его понятіе о пригодности есть какъ разъ то, что я назвалъ выше здравымъ смысломъ. Въ той мѣрѣ, во всякомъ случаѣ, въ какой оно относится къ общественнымъ дѣламъ, оно—общественнаго происхожденія. Оно отражаетъ въ себѣ результаты всей соціальной наслѣдственности, традицій, воспитанія. Понятіе объ общественной правдѣ—это критерій для общественныхъ мыслей, и если мысль соціальнаго реформатора не подходитъ въ извѣстной мѣрѣ къ рамкѣ, очерченной предшествующимъ развитіемъ общества, то онъ—не гений, а сумасбродъ.

Я могу лучше всего раскрыть значеніе требованій, которыя общество предъявляетъ къ гению, задавъ вопросъ, какимъ образомъ онъ самъ въ дѣйствительной жизни вызываетъ въ обществѣ извѣстный взглядъ на себя. Факты весьма просты, и именно этотъ классъ фактовъ отмѣчаютъ нѣкоторые писатели, какъ дающій подходящее правило для приложенія принциповъ ихъ общественной философіи. Простой фактъ, говорятъ они, заключается въ томъ, что безъ согласія общества мысли вашего героя, будетъ-ли онъ гений или безумецъ, не имѣютъ никакой практической цѣнности. Должна завершиться полнота времени; и гений до наступленія его времени, если судить по его дѣяніямъ, вовсе не можетъ быть гениемъ. Мысли его могутъ быть великими, настолько великими, что спустя вѣка общество можетъ признать ихъ, какъ богатѣйшее свое приобрѣтеніе и глубочайшее провидѣніе, но до этого времени онъ настолько-же странны, какъ и бредъ сумасшедшаго и настолько-же бесполезны. Что подумать, могли-бы спросить насъ писатели этой школы, о крысѣ, у которой развилась-бы на боку человѣческая рука, со всѣмъ ея механизмомъ—ногтями, мышцами, осязательною чувствительностью и способностью къ тонкимъ движеніямъ, если-бы въ остальномъ животное точно слѣдовало-бы строенію крысы. Развѣ остальной крысиный родъ не былъ-бы правъ, оставивъ этого уroda умереть съ голоду въ норѣ, откуда не выпустилъ-бы его странный придатокъ? Является-ли такая крыса въ меньшей степени чудищемъ оттого, что человѣкъ находитъ примѣненіе своимъ рукамъ?

До нѣкоторой степени этотъ аргументъ убѣдителенъ и правиленъ. Если

польза для общества будетъ нашимъ правиломъ для опредѣленія, то, конечно, преждевременный геній—не геній. И это правило опредѣленія можно изложить въ другой формѣ, которая дѣлаетъ его еще болѣе понятнымъ. Отклоненія, встрѣчающіяся въ умственныхъ способностяхъ среди общества, колеблются около нѣкоторой средней величины; въ немъ существуетъ, теоретически, средний человекъ. Различія между людьми, которыя можно принять въ расчетъ во всякой философіи жизни, должны имѣть нѣкоторое отношеніе къ этой средней величинѣ. Отклоненіе, которое нигдѣ не находитъ себѣ мѣста въ общественной средѣ, но вызываетъ во всѣхъ членахъ общества неодобреніе, не встрѣчая никакого сочувствія, тѣмъ самымъ навлекаетъ на себя упрекъ въ томъ, что оно—игра природы и плодъ случайности. Отсутствие вниманія, ожидающее такого человека, ставитъ его въ изолированное положеніе, и дѣлаетъ его не только изгнанникомъ общества, но и скитальцемъ въ мірѣ.

Выраженный въ его положительной и обычной формѣ, этотъ взглядъ просто утверждаетъ, что человекъ всегда—порожденіе общественнаго движенія. Онъ встрѣчаетъ признаніе въ той мѣрѣ, въ какой онъ вѣрно отражаетъ это движеніе. Возможны извѣстныя отклоненія—люди, идущіе впереди въ правильномъ прогрессѣ общества—и это люди—настоящіе и единственные геніи. Другія отклоненія, которыя какъ-будто черезчуръ стремятся къ будущему, представляютъ лишь странности; ибо единственное прочное созиданіе будущаго—то, которое исходитъ изъ возвышенія прошлаго.

Крупные недостатки этого взгляда обнаруживаются въ его опредѣленіяхъ. Мы сразу спрашиваемъ: кто сдѣлалъ прошлое мѣрою для будущаго? Кто сдѣлалъ одобреніе общества мѣриломъ истины? Что можетъ затуманить взоръ поэта, изобрѣтателя, провидца, чтобы онъ не въ состояніи былъ смотрѣть черезъ головы своего поколѣнія и возвышать свой голосъ въ пользу того, что для всѣхъ остальныхъ людей скрыто за завѣсой? Общественная философія этой школы не можетъ, я думаю, дать отвѣта на эти вопросы; не можетъ она и откликнуться на наше обращеніе къ исторіи, когда мы приводимъ имена Аристотеля, Паскаля и Ньютона, или кого угодно изъ людей, которые одни и безъ посторонней помощи поставили вѣхи исторіи и дали міру крупныя доли наслѣдія истины. Что можетъ положить предѣлъ возможнымъ отклоненіямъ плодотворной умственной силы? Рѣдки такія отклоненія—это ихъ законъ: чѣмъ значительнѣе отклоненіе, тѣмъ рѣже! Но такъ и съ геніемъ: чѣмъ болѣе онъ великъ, тѣмъ рѣже онъ появляется. Что касается крысы съ человѣческой рукой, то ей не дали-бы умереть съ голоду и истлѣть въ своей норѣ; ее сохранили-бы въ спирту послѣ смерти и помѣстили-бы въ музей! А урокъ, который она даетъ разумному біологу, состоитъ въ томъ, что здѣсь, въ этой крысѣ, природа проявила свой геній, превосхитивъ медленные процессы эволюціи!

Вѣдь, именно, сила подобнаго рода соображеній и привела къ защитѣ утвержденія, что геній стоитъ совершенно внѣ связи съ общественнымъ движеніемъ своего времени. Геній вноситъ въ общество свои измѣненія, независимо отъ того, хочетъ этого общество или не хочетъ; а что касается гармоніи между ними, то это скорѣе дѣло результата, чѣмъ ожиданія или теоріи. Намъ говорятъ, что геній является, какъ отклоненіе въ организаціи мозга, и между физической наслѣдственностью, которая производитъ его, и общественной наслѣдственностью, которая устанавливаетъ традицію его времени, нѣтъ никакой связи.

Но это, какъ мы имѣемъ основаніе думать, не выдерживаетъ критики, въ силу взаимодѣйствія, происходящаго на самомъ дѣлѣ между физической и общественной наслѣдственностью. Несомнѣнно, наслѣдственность отдѣльнаго человека—явленіе физиологическое, въ томъ смыслѣ, что сынъ наслѣдуетъ свои свойства только отъ своихъ родителей, но мы можемъ спросить, почему эти два лица стали его родителями. Какимъ образомъ его отецъ женился на его матери, а его мать вышла замужъ за его отца? Ясно, что такой вопросъ есть вопросъ

общественный; въ его рѣшеніи участвуютъ всѣ теченія общественныхъ вліяній и внушеній. Кто свободенъ отъ общественныхъ соображеній при выборѣ своей жены? Велика-ли вѣроятность для извозчика жениться на богатой наслѣдницѣ, или для кузнеца—на дочери священника? Найдёмъ-ли мы браки, заключенныя въ обществѣ Вестъ-Энда пастухомъ или приказчикомъ? И не вызваны-ли тѣ браки, которые мы встрѣчаемъ тамъ,—браки графовъ и маркизовъ,—всецѣло общественными и психологическими вліяніями? Далѣе, съ другой стороны, что побуждаетъ графа и маркиза нести свои титулы въ дома Вестъ-Энда, между тѣмъ, какъ пастухъ и приказчикъ держатся въ сторонѣ, какъ не способность обоихъ типовъ искателей оцѣнить свои шансы на успѣхъ, именно, исходя изъ общественныхъ и психологическихъ основаній? Беллетристы много пользовались этимъ вторженіемъ общественныхъ вліяній въ теченіе физической наслѣдственности. «Космополисъ» Бурже—картина вліянія общественныхъ особенностей расы на естественную наслѣдственность, съ обратнымъ воздѣйствіемъ естественной наслѣдственности на новыя общественныя условія.

Здѣсь будутъ очень умѣстны слова одного дѣйствующаго лица у Бальзака, иллюстрирующія извѣстную оцѣнку этихъ общественныхъ соображеній, которыхъ мы всѣ до извѣстной степени придерживаемся. Герцогиня де-Карильяно говоритъ г-жѣ де-Соммервьё: «Я слишкомъ хорошо знаю свѣтъ, моя дорогая, чтобы отдать себя въ руки человѣка, стоящаго слишкомъ высоко... Надо знать, что можно позволить имъ ухаживать за собой, но выйти за нихъ замужъ—это ошибка! Ни въ какомъ случаѣ! Это похоже на желаніе найти удовольствіе смотрѣть машины, употребляемыя въ оперѣ, вмѣсто того, чтобы сидѣть въ ложѣ и наслаждаться великолѣпною иллюзіей». Конечно, мы обыкновенно не разсуждаемъ такъ, когда влюбляемся; но это не необходимо, такъ какъ окружающая насъ общественная среда даетъ извѣстный тонъ своимъ неумовимымъ сужденіемъ, о которомъ я говорилъ. Предположите, что значительное число сѣверныхъ приверженцевъ общественнаго равенства переселились-бы въ Южные Штаты и, вѣрныя своей теоріи, переженились-бы тамъ на негритянкахъ. Не правда-ли, тогда общественная теорія пошла-бы наперекоръ ходу физиологическаго размноженія, приведя къ созданію мулатскаго общества? Изъ такого чисто-психологическаго или общественнаго почина могла-бы возникнуть новая раса.

Поэтому, хотя мы и не согласны съ теоріей, которая дѣлаетъ генія независимымъ отъ общественнаго движенія, и менѣе всего согласны съ ученіемъ, будто физическая наслѣдственность не подчинена вліянію общественныхъ условій, тѣмъ не менѣе—поклонникъ героевъ правъ въ своемъ утвержденіи, что мы не можемъ поставить предѣла для генія въ смыслѣ отклоненій въ сторону высокихъ умственныхъ способностей. Такимъ образомъ, если вѣрно общее положеніе, что геній представляетъ собою отклоненіе нѣкотораго рода, то мы должны искать гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ тѣхъ особенныхъ чертъ, избытокъ которыхъ повлекъ-бы за собою его осужденіе. Ихъ мы можемъ найти только въ связи съ другимъ требованіемъ, которое мы предъявляемъ къ обыкновенному человѣку—именно, требованіемъ, чтобы онъ былъ человѣкъ со здоровыми сужденіями. Къ этому мы и обратимся.

Сужденія генія. Подходя къ этому вопросу мы должны имѣть въ виду, результатъ, который вытекаетъ изъ взаимнаго характера общественныхъ отношеній. Ни одинъ геній не избѣгаетъ требованій ученья общественной наслѣдственности. Съ душевной стороны онъ—порожденіе общества, какъ и тѣ люди, которые оцѣниваютъ его. Поэтому, онъ долженъ судить о своихъ собственныхъ мысляхъ, какъ и они. И его собственная оцѣнка вещей и мыслей, его сознаніе пригодности, получаетъ примѣненіе, по непосредственному закону его собственныхъ душевныхъ процессовъ, къ нему самому и его порожденіямъ. Ограниченія, которыхъ, по оцѣнкѣ обще-

ства, его отклоненія не должны переступать, ставятся также его собственной оцѣнкой. Если данный человекъ имѣетъ мысли, истинныя для общества, то онъ самъ долженъ знать, что онѣ истинны. Такимъ образомъ, мы приходимъ къ заключенію, касающемуся отбора отдѣльныхъ мыслей, которыя могутъ являться у генія: онъ и общество должны сходиться во взглядѣ на пригодность ихъ, хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ это согласіе перестаетъ быть главнымъ обстоятельствомъ. Существеннымъ оказывается отраженіе общественныхъ взглядовъ въ сужденіи самого мыслящаго; мысли всегда должны критически оцѣниваться самимъ мыслящимъ; и по большей части его оцѣнка будетъ также и оцѣнкой общества. Это положеніе будетъ иллюстрировано далѣе.

Положимъ, что мы возьмемъ человека съ поразительными мыслями, но вмѣстѣ съ тѣмъ безъ всякаго сознанія ихъ пригодности, — безъ всякой оцѣнки ихъ, къ какой способно общество. Онъ будетъ каждый часъ совершать массу открытій. Самая причудливость его фантазій будетъ возбуждать въ немъ лишь тѣмъ большее восхищеніе. Онъ будетъ излагать и распространять свои самыя химерическія схемы съ такой-же увѣренностью, съ какою настоящій изобрѣтатель излагаетъ свои идеи. Но такого человека не признаютъ гениемъ. Если его беспорядочный бредъ безопасенъ, мы улыбаемся и предоставляемъ ему говорить, сколько хочетъ; но если его недостатокъ способности къ оцѣнкѣ простирается на вещи серьезной важности, или сопровождается такими-же иллюзіями въ области, касающейся его и общества въ другихъ соотношеніяхъ, — тогда мы опредѣляемъ характеръ его разстройства и помѣщаемъ его въ домъ для умалишенныхъ. Двѣ наиболѣе обычныхъ формы такого разстройства оцѣнки мы видимъ въ жертвахъ «навязчивыхъ идей», съ одной стороны, и въ людяхъ экзальтированныхъ, съ другой. У этихъ людей нѣтъ настоящаго представленія о цѣнности, нѣтъ способа отдѣлать пригодныя созданія воображенія отъ непригодныхъ; и если-бы даже какая-нибудь чрезвычайно вѣрная и оригинальная мысль мелькнула въ разстроенной душѣ такого человека, она исчезла-бы, какъ и появилась, и міръ ждалъ-бы человека, надѣленнаго сознаніемъ пригодности, который явится и вновь откроетъ ее. Другой классъ, экзальтированные, представляютъ въ нѣкоторомъ смыслѣ противоположность; иллюзія личнаго величія такъ сильна у нихъ, что ихъ мысли кажутся имъ непогрѣшимыми, а ихъ личности — божественными.

Люди съ такимъ извращеніемъ оцѣнки постоянно встрѣчаются среди насъ. Мы все знакомы съ человекомъ, который какъ будто полонъ богатыхъ и разнообразныхъ мыслей, который захватываетъ насъ иногда мощностью своихъ замысловъ или красотой своихъ созданій, но въ мысляхъ котораго мы все-таки находимъ какую-нибудь несообразность, какой-нибудь совершенно неподходящій элементъ, какую-нибудь странную уродливость, какое-нибудь отклоненіе вверхъ или внизъ отъ уровня общепризнанной истины, какую-нибудь безобразную черту въ эстетическомъ впечатлѣніи. Самъ человекъ не сознаетъ этого, потому онъ и не освобождается отъ своего недостатка. Его сознаніе пригодности ослаблено или парализовано. Мы, въ обществѣ, сожалѣемъ, что онъ такой «фантазеръ», при всемъ его талантѣ; поэтому, мы привыкаемъ къ его бесплодію, и въ лучшемъ случаѣ ожидаемъ только случайнаго развлеченія на часъ подъ чарами его присутствія. Такой человекъ, конечно, не создастъ міровыхъ движеній.

Большинство людей, которыхъ мы зовемъ «чудаками», принадлежатъ къ этому типу. Они, главнымъ образомъ, лишены способности къ оцѣнкѣ, и обычное мнѣніе о нихъ совершенно правильно.

Очевидно, значитъ, изъ этого послѣдняго объясненія, что есть второе

направленіе отклоненій между людьми: отклоненія въ ихъ пониманіи истинности и цѣнности ихъ собственныхъ мыслей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мыслей другихъ. Это—общее ограниченіе, раздѣляемое гениемъ со всѣми людьми—ограниченіе въ величинѣ отклоненій, какія онъ можетъ проявлять въ своей общественной оцѣнкѣ, особенно въ той мѣрѣ, въ какой эти отклоненія касаются требованій признанія, предъявляемыхъ имъ къ обществу. Очевидно, что это должно быть важнымъ обстоятельствомъ въ нашей оцѣнкѣ правъ героя на наше поклоненіе, особенно потому, что это—менѣе выясненная сторона его характера, и сторона, обыкновенно оставляемая совсѣмъ безъ вниманія. Это мы можемъ назвать, въ дальнѣйшихъ примѣрахъ, «общественнымъ здравомысліемъ» гения.

Первое указаніе на характеръ общественныхъ отклоненій, выходящихъ даже за предѣлы снисходительности, которую общество охотно проявляетъ къ великому мыслителю, можно найти во вліяніи воспитанія на характеръ. Дисциплина общественнаго развитія, какъ мы видѣли, главнымъ образомъ ведетъ къ устраненію эксцентричностей, къ сглаживанію личныхъ особенностей. Всѣ, кто получаетъ общественное наслѣдство, изучаютъ одинъ и тотъ-же длинный рядъ уроковъ прошлаго, и способность къ оцѣнкѣ, требуемую въ общественной жизни, всѣ приобретаютъ изъ совмѣстной дѣятельности дома и въ школѣ въ тѣ годы ихъ воспитанія, когда они еще формируются. Поэтому, мы должны ожидать, что болѣе крупныя особенности въ наклонностяхъ, которыя представляютъ непреодолимыя трудности въ процессѣ общественнаго объединенія, обнаружатся уже въ раннемъ возрастѣ. Здѣсь и происходитъ дѣйствительный конфликтъ—борьба между импульсомъ и задерживающимъ общественнымъ началомъ. Многіе гении обязаны спасеніемъ своихъ умственныхъ дарованій для полезнаго общественнаго примѣненія—побѣдѣ, одержанной учителемъ, и дисциплинѣ, усвоенной путемъ повиновенія. И такимъ-же образомъ многіе, подававшіе надежды на крупную роль въ раннемъ возрастѣ, не въ состояніи оказываются выполнить ихъ. Они гонятся за призракомъ, и общество объявляетъ ихъ безумцами. У нихъ личный факторъ оказался сильнѣе общественнаго; они не могли усвоить уроковъ, которые были нужны имъ; ихъ собственная самокритика не развита, и они не достигаютъ цѣли.

Однако, эти двѣ крайности отклоненія не исчерпываютъ дѣла. Одна изъ нихъ стремится въ извѣстной мѣрѣ затемнить сіяніе гения, а другая ведетъ къ отверженію общественнаго сдерживающаго начала въ такой степени, которая превращаетъ возможнаго гения въ безумца. Средній человекъ находится между ними. Но высшая ступень, достижимая человекомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ высшая степень вліянія, проявляемаго человекомъ, все-же больше и того, и другого. Поклонникъ героевъ все-таки можетъ сказать: не достаточно, чтобы у гения были здравыя сужденія, какъ ихъ оцѣниваетъ общество. Все-таки остается фактомъ, что даже въ своихъ общественныхъ сужденіяхъ онъ можетъ поучать общество. Онъ можетъ стоять одинъ и своею мощью возвышать людей до своего уровня, для ихъ вѣчной пользы и къ своей вѣчной славѣ. Пусть даже у него есть самокритика, сознание пригодности, о которомъ вы говорите, все-же это сознание можетъ превосходить обычную оцѣнку другихъ. Его оцѣнка можетъ быть болѣе здоровой, чѣмъ ихъ; и какъ его духовныя созданія велики и несравненны, такъ и его сознаніе ихъ истинности можетъ быть великимъ и несравненнымъ. Вагнеръ увлекъ музыкальный міръ своею исключительною преданностью идеямъ Вагнера; и Дарвинъ долженъ былъ оставаться вѣрнымъ своему сознанію истинности и формуламъ своей мысли, хотя-бы ни одинъ человекъ не призналъ за нимъ права поучать его поколѣніе гому или другому. Конечно, эту великую увѣренность гения можно поддѣлать; и у обычнаго

мечтателя она часто бываетъ. Но, тѣмъ не менѣе, когда она есть у генія, онъ—не простой мечтатель.

Это, я полагаю, вѣрно, и объясненіе этого приводитъ насъ къ послѣднему плодотворному примѣненію ученія объ отклоненіяхъ. Какъ умственные способности человѣка могутъ мѣняться въ весьма широкихъ размѣрахъ, точно также и общественныя достоинства человѣка. Есть люди, для которыхъ общественное служеніе—все. Есть люди, настолько предназначенные для руководящей роли въ общественной реформѣ, въ исполненіи, въ организаціи, въ составленіи плана нашей общественной борьбы, что мы обращаемся къ нимъ, какъ-бы по инстинкту. У нихъ есть родъ ясно-видѣнія, предъ которымъ мы можемъ только преклоняться. Они пріобрѣтаютъ довѣріе мужчинъ, завоевываютъ поддержку женщинъ и вызываютъ радостныя восклицанія дѣтей. Эти люди—общественныя геніи. Они какъ будто предвосхищаютъ общественное воспитаніе. Имъ не нужно усваивать уроки обружающей общественной среды.

Такие люди, несомнѣнно, представляютъ отклоненіе въ сторону самой утонченной и своеобразной воспримчивости ко внушеніямъ. Они превосходятъ учителей, у которыхъ учатся. Трудно сказать, что они «учатся судить по мѣркѣ сужденій общества». Они судятъ такъ, повидимому, не учась, однако отличаются отъ человѣка, странности котораго мѣшаютъ ему учиться посредствомъ общественной дисциплины. Тотъ и другой представляютъ собою противоположныя крайности отклоненія; это кажется мнѣ единственнымъ возможнымъ пониманіемъ ихъ. Это—разница между парусными санями, которыя движутся быстрѣе вѣтра, и конькобѣжцемъ, который презираетъ вѣтеръ и катится противъ него. Послѣдній скоро не выдерживаетъ сопротивленія; первыя обгоняютъ своего союзника. Сумасбродъ, чудакъ, энтузіастъ—все они идутъ противъ здраваго общественнаго сужденія, но геній приводитъ общество къ своей точкѣ зрѣнія, и воплощаетъ въ себѣ общественное движеніе такъ полно и съ такимъ глубокимъ проникновеніемъ, что самая его своеобразность только еще болѣе отгѣняетъ его вдохновеніе.

Положимъ, теперь, что человѣкъ соединяетъ съ этой пронизательностью, съ этою необыкновенною здравостью общественныхъ сужденій—силу великой творческой и созидательной мысли, и тогда, наконецъ, мы имѣемъ передъ собою генія, героя, человѣка, которому мы вполне можемъ поклоняться! Къ великимъ мыслямъ онъ присоединяетъ обдуманность; къ оригинальности—здравыя сужденія. Это—тотъ человѣкъ, который можетъ начать міровыя движенія, если только для ихъ зарожденія нуженъ отдѣльный человѣкъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ и глубоко продумываетъ дѣло, и точно разбираетъ свои мысли, и даетъ имъ оцѣнку. Другіе люди судятъ вмѣстѣ съ нимъ, или учатся судить по его примѣру, и доставляютъ ему движущія силы успѣха—энтузіазмъ, награду. Онъ можетъ ждать признанія, можетъ подвергаться тюремному заключенію, ему могутъ зажать ротъ за его мысли, онъ можетъ умереть и унести съ собою истину, которую онъ созналъ лишь про себя. Но міръ, въ своемъ болѣе медленномъ движеніи, достигнетъ того пути, по которому геній желалъ вести его; и если о его мысляхъ сохранилось воспоминаніе, то потомство воскреситъ ихъ въ скорбной надписи на его могилѣ.

Итакъ, двѣ вещи, на которыя надо обратить вниманіе въ рациональной сторонѣ великаго человѣка—я разумѣю ту сторону, съ которой мы можемъ разумно уяснить себѣ его сущность—слѣдующія: во-первыхъ, его умственная оригинальность; во-вторыхъ, здравость сужденія. Какъ разъ различія въ способностяхъ этого послѣдняго рода и указываютъ намъ на причину одностороннихъ взглядовъ различныхъ писателей, распространенныхъ теперь въ популярной литературѣ.

Намъ говорятъ въ одномъ мѣстѣ, что гений — «вырождающійся»; въ другомъ, что его нужно поставить рядомъ съ помѣшанными; въ третьемъ, что главный его признакъ — склонность оскорблять общество совершеніемъ преступныхъ дѣяній. Всѣ эти, такъ называемыя, теоріи основываются на фактахъ — поскольку есть факты, пригодные для ихъ обоснованія, — которые, если-бы позволило мѣсто, мы легко могли-бы оцѣнить съ нашей теперешней точки зрѣнія. Поскольку истинно-великій человекъ занимается по преимуществу объективными вопросами, безразличными въ общественномъ и моральномъ отношеніи — какъ-то: электричествомъ, естествознаніемъ, механикой, съ ихъ практическими примѣніями — разумѣется, главное умственные способности, какими онъ обладаетъ, и его увлеченіе этими предметами можетъ повести къ искаженному представленію о болѣе идеальныхъ и утонченныхъ соотношеніяхъ, которыя имѣетъ въ виду авторъ, ищущій признаковъ вырожденія. Однако, все-же будетъ признано тѣмъ, кто близко знакомъ съ исторіей наукъ, что величайшіе научные гении были людьми, ведшими чрезвычайно спокойную жизнь и проявлявшими нормальное общественное развитіе. Искатель ненормальности долженъ обратиться къ литературнымъ и художественнымъ гениямъ; но и въ этой области факты обнаруживаютъ свое настоящее значеніе.

Какъ общее правило, эти знаменитости искусства не представляютъ полного сочетанія отклоненій, какія мы находимъ у величайшихъ гениевъ. Такіе люди часто обнаруживаютъ явный недостатокъ способности къ сосредоточенной созидательной мысли. Ихъ способность постиженія по преимуществу, какъ говорится, интуитивная. У нихъ бывають проблески эмоциональнаго опыта, которые воплощаются въ отдѣльныхъ произведеніяхъ искусства. Они находятся въ зависимости отъ «вдохновенія», а вдохновеніе — это слово, которое много виновато въ преувеличенной оцѣнкѣ такихъ людей и во многихъ изъ ихъ иллюзій. Не то, чтобы они не выполняли великихъ дѣлъ въ отдѣльныхъ областяхъ, въ которыхъ проявляется ихъ «вдохновеніе» но при всемъ томъ они часто проявляютъ нѣкоторую неуравновѣшенность и отрывочныя умственные способности, что сближаетъ ихъ въ отдѣльныхъ случаяхъ съ классомъ людей, который имѣютъ въ виду разбираемая теорія. Даже и слѣдуетъ ожидать, что рѣзкія отклоненія въ эмоциональной и эстетической области, какія часто обнаруживаетъ великій художникъ, повлекутъ за собой неправильность въ наслѣдственности и въ другихъ отношеніяхъ. Кромѣ того, самая привычка жить вдохновеніемъ рѣзко обнаруживаетъ всякія полускрытыя особенности, которыя онъ можетъ имѣть въ отношеніи къ своимъ товарищамъ и въ выполненіи своихъ собственныхъ общественныхъ обязанностей. Но, замѣйте, я не хочу унижить достоинства многихъ художниковъ, называемыхъ «вырождающимися»; это значило-бы заклеить названіемъ случайныхъ и незаконныхъ нѣкоторые изъ высшихъ проявленій гения, и считать нечистыми нѣкоторые изъ наиболее возвышающихъ и плѣняющихъ насъ источниковъ вдохновенія. Но я все-же скажу, что въ той области, въ которой эти люди трогаютъ насъ и поучаютъ насъ, они, прежде всего, здоровы, какъ и мы, а въ томъ, въ чемъ они безумствуютъ, они порочатъ высочайшее изъ всѣхъ дѣлъ, на которое даютъ имъ право лучшія ихъ дарованія. Это дѣло — поученіе человѣчества.

И тутъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ Бальзака попадаетъ какъ разъ въ точку. «Милая мама», говоритъ Августина, въ рассказѣ «Фирма кошки съ клубкомъ», «вы судите о великихъ людяхъ черезчуръ строго. Если-бы ихъ идеи были такія-же, какъ у другихъ людей, они не были-бы гениальными людьми».

«Отлично», отвѣчаетъ г-жа Гильомъ, «въ такомъ случаѣ пусть гениаль-

ные люди сидятъ себѣ дома и не женятся. Что-же? Геніальный человѣкъ сдѣлаетъ свою жену несчастной, и, разъ онъ геніальный человѣкъ, будетъ правъ? Ужъ не такъ-то умно говорить «бѣлое» въ одну минуту и «черное» въ слѣдующую, какъ онъ, перебивать другихъ, поднимать такую суматоху дома, никогда не давать понять, что вамъ дѣлать, заставляя свою жену веселиться лишь тогда, когда его милость въ веселомъ настроеніи, и скучать, когда ему скучно».

«Но его фантазія...»

«Что за фантазія?», продолжала г-жа Гильомъ, опять прерывая свою дочь. «Славныя фантазіи, право! Что это находить на человѣка, что вдругъ, не посоветовавшись съ докторомъ, онъ забираетъ себѣ въ голову не ѣсть ничего, кромѣ овощей? Ну, если-бы онъ не былъ такимъ безсовѣстнымъ, давно-бы пора его запереть въ сумасшедшій домъ».

«Мама, и вы можете такъ думать?»

«Да, я и думаю. Встрѣтила я его въ Елисейскихъ поляхъ. Онъ былъ верхомъ, Ну, и одну минуту онъ скакалъ во всю мочь, а потомъ поѣхалъ шагомъ. Я и подумала тутъ: «Вотъ безтолковый человѣкъ!»

Главное соображеніе, которое въ этой главѣ имѣется въ виду, соображеніе относительно отвѣтственности всѣхъ людей, будутъ-ли они великими или малыми,—передъ одними и тѣми-же нормами общественной оцѣнки, иллюстрируются примѣромъ Чарльза Дарвина, человѣка, генію котораго мы обязаны принципомъ, служащимъ основой для моихъ замѣчаній; и удивительно хорошо, что мы, такимъ образомъ находимъ въ исторіи этого самаго принципа — принципа варіацій съ соотвѣствующимъ ему принципомъ естественнаго подбора, важную иллюстрацію нашихъ выводовъ. Дарвинъ былъ, если не считать Аристотеля, вѣроятно, человѣкомъ съ самыми здравыми сужденіями, какія человѣческой умъ прилагалъ когда-либо къ изученію природы. Онъ удивительно вѣрно представлялъ собою развитіе научнаго метода вплоть до его дней. Онъ изучилъ все естествознаніе, созданное его предшественниками. Его сужденія были сводомъ научной проницательности всѣхъ вѣковъ, дошедшей до высшаго развитія въ то время. Тогда время приспѣло какъ разъ для такой великой объединяющей идеи, какъ его идея—т. е. приспѣло въ томъ, смыслѣ, что накопилось достаточно научныхъ данныхъ; его сужденіе отличалось отъ сужденій его ученыхъ современниковъ главнымъ образомъ въ томъ, что оно было болѣе здравымъ и болѣе увѣреннымъ, чѣмъ у нихъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ Дарвинъ былъ человѣкомъ съ великой способностью къ объединяющимъ идеямъ. У него была умственная сила, которая напрягла-бы до крайнихъ предѣловъ сужденіе у всякаго въ его время, но не у него. Это видно изъ факта, что Дарвинъ не первый размышлялъ въ области его великаго открытія и доходилъ до формулъ; но у другихъ исканіе ошупью занимало мѣсто индукціи. Формула была мыслью, не подвергнутой критикѣ. Непріязнь съ какой общество встрѣтило гипотезу, оправдывалось тѣмъ же недостаткомъ доказательствъ, который не далъ возможность самымъ мыслителямъ провѣрить ее. И если-бы Дарвинъ не явился, то загадка развитія осталась-бы почти на томъ-же мѣстѣ, на которомъ ее покинули соображенія греческихъ мыслителей. Дарвинъ дошелъ до заключенія посредствомъ того-же способа, какой другой великій научный геній Англіи, Ньютонъ, считалъ существеннымъ условіемъ для открытій—посредствомъ «настойчиваго размышленія», и дойдя до него, онъ не имѣлъ иного выбора, кромѣ какъ признать свои выводы правильными и возвѣстить о нихъ міру.

Но принципъ варіацій и естественнаго подбора встрѣтилъ пріемъ, который обнаруживаетъ, что здравыя мысли могутъ подниматься выше уровня ихъ собственнаго общественнаго происхожденія. Еще и теперъ

принципъ Дарвина является лишь начинающимъ дѣйствовать, бродильнымъ началомъ во многихъ областяхъ человѣческой мысли, въ которыхъ ему суждено произвести такой-же переворотъ, какой онъ произвелъ въ наукахъ объ органической жизни. И только тогда, когда другіе люди пользовавшіеся авторитетомъ у публики, и обладавшіе достаточными познаніями, чтобы слѣдовать за мыслью Дарвина, поддержали его мнѣніе, тогда лишь его формула получила право обращенія въ научныхъ кругахъ.

Теперь мы спросимъ: Не кажется-ли слабой и ничтожной всякая теорія челоѵѣка, которая не умѣетъ включить въ себя полное здравомысліе Дарвина, а вмѣстѣ съ тѣмъ—Аристотеля, Анджели, Леонардо, Ньютона, Лейбница? Не становятся-ли тонкость чувства, блестящій умъ, утонченность ритмическаго и эстетическаго чувства, прекрасныя созданія талантливаго творца, чѣмъ-то въ родѣ оправданій, иногда даже чуть не профанаціей этого священнаго имени—генія? И это тѣмъ болѣе, если профанація дѣлается реальной вслѣдствіе нравственныхъ недостатковъ или общественныхъ погрѣшностей, которыйя придають нѣкоторый оттѣнокъ справедливости эпитету «вырождающагося»?

Но съ другой стороны, къ чему впадать въ противоположную крайность и дѣлать этого челоѵѣка, являющагося высшимъ проявленіемъ челоѵѣчества, аномаліей, чудомъ, громомъ изъ яснаго неба, элементомъ крайняго безпорядка, созданнымъ, чтобы двигать впередъ или отвлекать въ сторону прогрессъ челоѵѣчества вслѣдствіе случайности, которой никто не можетъ рассчитать? Средства психологической теоріи достаточны, какъ я попытался указать, для построенія ученія объ обществѣ, которое основывается на отдѣльномъ челоѵѣкѣ, во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ, какія можетъ создать его наслѣдственность, и которое все-же не скрываетъ и не оставляетъ въ тѣни тѣ высоты челоѵѣческаго величія, на какихъ обыкновенно покоится ореолъ генія. Присоединимъ знаніе къ нашему изумленію предъ такимъ челоѵѣкомъ, уваженіе къ нашему знанію, и поклоненіе, если хотите, къ нашему уваженію, и благодаря всему этому мы начнемъ замѣчать, что благодаря генію въ мірѣ для насъ становится лучше жить и работать.

Мы находимъ, что, въ концѣ концовъ, мы съ успѣхомъ можемъ быть и сторонниками общественной психологіи и поклонниками героевъ. А благодаря тому, что мы философы, мы сдѣлали наше поклоненіе скорѣе данью уваженія челоѵѣческой природѣ. Язычникъ, который поклоняется изъ страха или благоговѣнія изображенію невѣдомаго божества, можетъ быть, совершаетъ все поклоненіе, какое ему доступно; но душа, которая находитъ божество посредствомъ знанія и любви, имѣетъ съ нимъ общеніе другого рода. Такъ и поклоненіе, которое многіе воздають необъяснимому, фантастическому, производящему перевороты,—это благоговѣніе, возникающее изъ невѣжества. Но когда имѣется философія, которая приводитъ великое въ соприкосновеніе съ обыкновеннымъ, которая очерчиваетъ силы, мѣстами достигающія своей полной высоты только въ отдѣльныхъ людяхъ, которая позволяетъ намъ противопоставить лучшее въ насъ недостаткамъ генія—тогда мы можемъ совершать поклоненіе сознательно. Знать, что величайшіе люди на землѣ—люди, которые думаютъ такъ-же, какъ и я, но только яснѣе, которые трудятся для той-же цѣли, что и я, но успѣшнѣе, и служатъ челоѵѣчеству, какъ и я, но лучше—это, можетъ быть, будетъ за дѣвать мою незначительность, но вмѣстѣ съ тѣмъ это будетъ вдохновлять мою жизнь.

Редакціей „Вѣстника Знанія“ по вопросамъ философіи,
логики и психологіи изданы слѣдующія книги:

- Проф. А. Риль и Проф. О. Кюльпе. **Современная философія.** Вып. I. Проф. Алоизъ Риль. **Введение въ современную философію.**
Ч. I. Со мн. портр. Содержаніе: Пять первыхъ лекцій. Замѣчат. книга. Сущность и развитіе философіи. Древняя философія. Философія новѣйш. времени. Ея отношеніе къ точнымъ наукамъ. Критическая философія. Основы познанія. Естественно-научный и философскій монизмъ. Цѣна 65, 40, 30.
- Вып. II. 1) Проф. А. Риль. **Введение въ современную философію.**
Ч. II. Со мн. рисунками. Содержаніе: лекція шестая по восьмую. Проблема жизнепониманія.—Шопенгауэръ и Ницше. Къ вопросу о пессимизмѣ. Настоящее и будущее философіи.
2) Проф. О. Кюльпе. **Современная нѣмецкая философія.**
Содержаніе: Позитивизмъ.—Материализмъ.—Натурализмъ.—Идеализмъ.—Густавъ-Теодоръ Фехнеръ.—Германъ Лотце.—Эдуардъ фонъ - Гартманъ.—Вильгельмъ Вундтъ.—Заключительныя замѣчанія. Ц. 70, 40, 30. Оба выпуска вмѣстѣ ц. 80, 60, 50.
- Профессоровъ Вольнаго Университета Общественныхъ Наукъ. **Лекціи по общественной этикѣ.**
Содержаніе: Общія разсужденія.—Классификація моральныхъ идей настоящаго времени.—Моральное единство. Какъ ориентироваться въ нравственныхъ понятіяхъ нашей эпохи.—Справедливость и право.—Состраданіе и естественный отборъ.—Этика социализма.—Справедливость и милосердіе.—О радостяхъ.—Мораль и политика.—Индивидуальная и социальная мораль. Цѣна 90, 65, 60. На обыкн. бумагѣ ц. 80, 55, 50.
- Проф. Виндельбандъ. **О свободѣ воли.**
Сод. 1) Анализъ проблемы. 2) Свобода дѣйствования. 3) Свобода выбора. 4) Нравственная свобода. 5) Свобода хотѣнія. 6) Отвѣтственность. Цѣна 70, 40, 30.
- Проф. В. Вундтъ. **Психологія и естествознаніе.**
Содержаніе. Отд. I. Естественно-научное опредѣленіе психологіи. 1) Логическія основанія естествознанія. 2) Механика и энергетика. 3) Механизмъ и витализмъ. 4) Причинность и телеологія психофизическихъ жизненныхъ процессовъ. Отд. II. Принципы психологіи. 1) Понятіе души. 2) Принципы психической причины. Цѣна 75, 40, 30.
- Т. Карлейль. **Этика жизни.** Трудиться и не унывать.
Содержаніе: 1) Трудиться. 2) Не унывать. 3) Люди и герои. 4) Ложные пути и цѣли. 5) Молчаніе. Цѣна 40, 30, 25.
- Проф. Іерусалемъ. **Руководство психологіи.**
Кратк. сод.: Введение. Основныя понятія. Отдѣль I. Психологія познанія. А) Ощущенія и воспріятія. В) Представленіе. С) Мышленіе и языкъ. Отдѣль II. Психологія чувствованія. Отдѣль III. Психологія хотѣнія. Приложеніе: Временныя перерывы и расстройства душевной жизни. Ц. 100, 75, 70.
Необыкновенная точность изложенія, помогающая усвоенію предмета даже лицами, непривыкшими къ чтенію такого рода сочиненій, отличаютъ эту книгу германскаго ученаго, извѣстнаго своимъ искусствомъ превосходнаго популяризатора трудныхъ вопросовъ психологіи и философіи.
- Проф. Ліаръ. **Курсъ логики.**
Живо написанная, очень популярная книга распадается на двѣ части. Въ 1-ой изложены основы формальной логики, законы мышленія, во 2-ой говорится о методологіи наукъ; читатель знакомится съ методами чистой математики, естественныхъ наукъ, исторіи, философіи, социологіи и т. п. Ц. 70, 53, 49.
- Д-ръ философ. Т. Эльзенгансъ. **Психологія и логика.**
Сод. Введение.—Психологія.—Душа и тѣло.—Отдѣльные элементы душевной жизни.—Познаніе.—Чувствованіе.—Хотѣніе.—Логика.—Понятія.—Сужденія.—Умозаключенія.—Посредственное умозаключеніе.—Ученіе о методахъ.—Опредѣленіе понятій.—Доказательство.—Прогрессъ науки. Цѣна 50, 38, 30. На обыкнов. бумагѣ ц. 40, 30, 25.
- В. В. Битнеръ. **Фр. Ницше и его произведенія.**
Съ портр. Содержаніе: Великій индивидуалистъ.—Черты изъ жизни Ницше.—Ницше-философъ и пророкъ.—Сверхчеловѣкъ.—Переоцѣнка всѣхъ цѣнностей.—Эта книжка, написанная въ періодъ строгой цензуры, первоначально была ею запрещена въ виду „живости изложенія ницшеанскаго понятія о Богѣ и нравственности“. Три главы въ ней принадлежатъ Горнеферу, а двѣ В. Битнеру, который долженъ былъ ихъ прибавить, чтобы разъ запрещенная цензурнымъ комитетомъ книга могла быть вновь разсмотрѣна, какъ новое произведеніе. Таковы были времена. Ц. 50, 30, 20.

12 кн.

Библиотека

для саморазвитія.

М. Нордау. Психо-физиология гения и таланта.—Г. Спенсер. Личность и государство.—Эд. Гартман. Крушение христианства и религия будущего.—Проф. Крак. Эстетика и критика.—Проф. Франса. Философия естествознания.—В. Бельше. Новая книга бытия (Науч. Библия).—Проф. Клодд. Эволюция человечества в письменах.—Проф. Зиммель. Проблемы философии истории.—М. Пуансо. Основатели социальн. школы литературы. Гюго, Золя, Буржэ, Бр. Рони.—Проф. Гафкен. История первых войн христианства.—Проф. Санье Борба за народовластие.—Р. Петручи. Сравнительная социология. Биологич. основы собственности.

Объ эти серіи по прежнему будут богато иллюстрированы и на качество переводов Редакция обратит собое вниманіе.

12 кн.

Народный Университет

Съ раскраш. и черн. кар. для волшебн. фон. и рис. въ текстѣ.

для публичных лекцій, чтеній в семьѣ и школѣ и для самообразованія:
ИСТОРИЯ и ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ: Ист. рус. народа (4 лек.)—Женщина и женск. вопрос в рус. литер. (4 лек.)—Вѣи революцій в Англіи.—Борьба за свободу мысли и совѣсти.—**ПРАВОВѢДѢНІЕ** Юридическая безпомощность народа.—Ужас беззаконія.—**ПОЛИТИЧ. ЭКОН., СОЦИОЛОГИЯ и ФИНАНС. ПРАВО:** Деньги и роль их в государ. хозяйствѣ (2 лек.)—Потребит., производит., кредит. товарищества (3 лек.)—**АСТРОНОМИЯ, ГЕОЛОГИЯ, МАТЕМАТИКА, ФИЗИКА:** Древность земли.—Образованіе звѣзд.—Тайны чисел.—Откуда берет челов. энергію и куда она уходит (2 лек.)—**ФИЛОСОФИЯ, БИОЛОГИЯ:** Философия бытія (Душа, матерія и жизн. сила. О жизни и ея происх. Смерть и безсмертіе 2 лек.)—**ИСТОРИЯ НАУКИ и ТЕХНИКИ, ГЕОГРАФИЯ, НАРОДОВѢДѢНІЕ:** В чуж. краях.—Знаменитыя путешествія (2 лек.)—**Великія изобрѣтенія** (2. лек.)—**ПРИКЛАДНЫЯ ЗНАНІЯ, ПЕДАГОГИКА и МЕДИЦИНА.** Руков. и развед. плодов. сада.—Руков. и изуч. природы и собир. коллекцій.—Домашній лѣчебник.—Новая методика преподаванія грамотности.—Руководство бухгалтеріи.—Всего бол. 30 лекцій и 5 руководств. Всѣ лекціи иллюстрированы. Больш. ч. статей напис. рус. учеными и литераторами, сотруд. „Вѣсти. Зн.“.

на Нар. Унив.

допускается и отдѣльн. подп. 4 р. в г.; без пересылки 3 руб. 50 коп. Для народн. учит. 3 р., без перес. 2 р. 50 к.

12 кн.

ESPERO Международный Журнал

4 р. в год за границу 10 фр.

для подписч. „Вѣсти. Зн.“
бесплатно.

науки и жизни, на двухъ языках—эсперанто и русск. Центр. орг. рус. эсперантистов подп. цѣна на „Вѣсти. Зн.“ со всеми прилож. (всего 48 кн.) в год и 12 вып. межд. журнала 7 р. без перес., 8 р. с перес., за гран. 11 р. Разсрочка: 3 р. при подп., 1 апр. 2 р. 1 июня 2 р., 1 сент. 1 р.

С.-Петербург, Невскій пр., 147. Глав. конт. изд. „Вѣстника Знания“.

шестой, 1908 г. изданія журнала
всесторонняго образованія

ВѢСТНИКЪ ВѢСТНИКЪ

Ред.-Изд. О. В. Битнера

удных лѣтъ существованія «Вѣстн. Зн.» является уже старым журналом. Глядя в виду лиц, ищущ. образов., «Вѣст. Зн.» в отличіе от др. «толстых» жур., гл. вним. удѣляет **НАУНЪ** и знакомит с нов. теч. в литературѣ и искусствѣ и с политич. дѣйствительностью, беллетристику же став. на второй план. О прогрессивно-демократ. направл. и **виѣспартійности** «В. З.» свидѣтельств. стар. и вновь приглашен. сотруди.: А. Амфитеатров, проф. Аничков, К. Варзих, Бельмонт, Берлин, доц. Ник. Бернштейн, ак. Бехтерев, В. Битнер, проф. Бороздин, Борскій, Бразоленко, Л. Василевскій, С. Васюков, пр.-доц. Б. Вейнберг, Юр. Веселовскій, д-р Вигдорчик, проф. В. В. Генкель, Н. Ге, проф. Гамбаров, С. Гузиков, пр.-доц. Давыдов, Звѣздич, проф. Ивановскій, проф. Исаев, С. Исаков, Н. Иорданскій, д-р Канель, проф. Макс. Ковалевскій, проф. П. Ковалевскій, инж. Ковалев, А. Котельников, Н. Коробка, пр.-доц. Коропчевскій, проф. Кулагин, пр.-доц. Курчинскій, П. Конради, пр. Э. Ф. Лесгафт, С. Лозинскій, Н. А. Морозов, Вас. Немировичъ-Данченко, А. Николаев, Александр Новиков, проф. Озеров, П. Орловец, П. Пильскій, д-р Покровская, А. и В. Португаловы, В. Поссе, Н. Поярко, А. Радциг, Н. Рубакин, Рускин, проф. Саткевич, прив.-доц. Тимофеев, В. Тотоміани, Фаресов, В. Фриче, проф. И. Холодняк, д-р Шейнис, проф. Щукін, пр.-доц. Яцимирскій.

«Вѣст. Зн.» единств. жур., находящійся в тѣсномъ общеніи с подписчиками, составляющ. **идейную семью**: члены ея переписываются между собою и редак., помогают др. друг словом и дѣлом и идут к общ. цѣли **считаясь и учить других**. Этой задачѣ посвящ. «Вѣстн. Зн.» отд. **«ВЗАИМОПОЩЬ»** с подотдѣлами: **Молодежи, Спорн. вопр. жизни и права, Научн. переписка и Отвѣты** Редак. (юридич., медиц., образоват. и др.). Кромѣ статей текущ. и принцип.-руковод. характ., в «В. Зн.» будет помѣщ. с особ. номер. стр. **«Эволюція музыки с культур.-истор. точки зрѣнія»** доц. Ник. Бернштейна (иллюстр.) и **«Современные юмористы»** с каррикатур., портр. и пр., а в 36 кн. прилож. для самообраз., расширенія духов, горизонта и распротр. знаній на массѣ:

12 кн.

Библиотека **систематическаго знанія.**

Проф. Шмейль. **Полный курс зоологіи** въ 3 ч.: ч. I. Млекопитающія, ч. II. Птицы, пресмыкающ., земнов., рыбы, ч. III. Беспозвоночныя.—Проф. Лео—проф. Холодняк (ред.) **Исторія римск. литературы**,—Проф. Лезан. **Основы математики**. Ариѳ. алгебра, геом., высш. матем.—Акад. Лавис и ак. Рамбо. **ИСТОРИЯ СЛАВЯН**. в 2 ч. Гл. сотруд. профессора; С. Новакович, Е. Дени, А. Мале, П. Пежер, А. Вандадь, Е. Оман, А. Мишель, Р. Роллан и др. С прилож. „Первые славяне“ проф. Нидерле,—Проф. Пикар. **Основы права**.—Проф. Циглер. **Педагогика**.—Проф. П. Бельдуин. **Психологія сравнит., физиологич., экспериментальная, педагогич. и социальная**.—Проф. Ведекинд. **Ленція органич. химіи**.—Проф. Кернс. **Методологія политической экономіи** (или другое сочиненіе в той же области).

